А. А. ИЗМАЙЛОВЪ

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО

ШАРЖИ И ПАРОДІИ

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ
ЖУРНАЛА „ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО“.

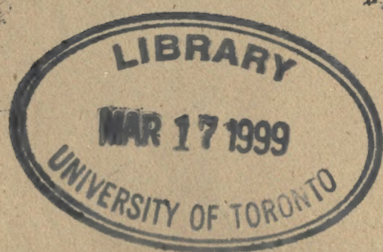
А. А. Измайловъ

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО

ПАРОДІИ и ШАРЖИ

Второе, дополненное изданіе журнала
„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1910



Типографія Спб. Т-ва Печ. и Издат. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.

Неча на зеркало пенять, коли рожа крива.

ПАРОДІИ и ШАРЖИ.

Сынъ человѣческій
или
роковой граммофонъ.

Щенокъ таки не выдержалъ,—сошелъ съ ума... Повидимому, у него являлось временами желаніе разобраться въ страшной путаницѣ жизни или умилостивить ее покорностью: онъ вилялъ хвостомъ передъ граммофономъ и дѣлалъ видъ что любитъ его... Весной, во время розлива щенокъ утонулъ въ рѣкѣ: очень возможно, что онъ покончилъ самоубійствомъ, отчаявшись найти правду жизни...

Л. Андреевъ, „Сынъ человѣческій".

I.

Шестьдесятъ пять лѣтъ безъ малаго
Средь селенья захудалаго,
Съ попадьею престарѣлою,
Съ собаченкой съ шерстью бѣлою,
Съ Машкой, кошкою лукавою,
Съ хмурымъ дьякономъ Варнавою,

Робкимъ истинно по-заячьи,—
Попъ Иванъ жилъ, припѣваючи
(Знать, подъ добрыми планидами),
Пѣлъ молебны съ панихидами,
Былъ своею сытъ копилкою,
Попивалъ чаи съ просвиркою,
Сѣвъ въ тѣни у палисадника,
Напѣвалъ „Коня и всадника",
По ночамъ скучалъ за пулькою,
Не гнушался и „Акулькою"
И любилъ средь дѣла мирнаго
Подсмотрѣть туза козырнаго
У дьячка, ходячей хворости,
Иль у писаря изъ волости.

II.

Но для злого и невиннаго
Нѣтъ на свѣтѣ счастья длиннаго.
Все людское счастье — дутое.
Налетѣло горе лютое
Средь затишья деревенскаго
На попа Богоявленскаго.
Вдругъ ни болѣе, ни менѣе
Началось вездѣ „движеніе",
Неумѣренно-огромное,
Главнымъ образомъ погромное.
Про волненія аграрныя
Драмы выплыли бездарныя,

Появились „Знанья“ повѣсти,
И пришла свобода совѣсти.

III.

Въ тотъ же день, пылая лавою,
Съ хмурымъ дьякономъ Варнавою
И женой своей Корниліей,
Недоволенъ вдругъ фамиліей,
Попъ устроилъ совѣщаніе
И послалъ въ синодъ посланіе,
Вопреки совѣта женскаго
И Варнавина прещенія:
— „Въ силу новыхъ извѣщеній я
Не хочу „Богоявленскаго“.
Неудобовразумительно,
Въ написаньи очень длительно.
Былъ полвѣка попъ и померъ онъ.
Я хочу назваться номеромъ —
Пятизначнымъ и съ девяткою,
Что̂ готовъ скрѣпить и взяткою“.
  Подписался безъ смиренія
„Попъ NN по принужденію“
И послалъ сіе заносчиво:
„Питеръ. Домъ Побѣдоносцева“.

IV.

Какъ заря за лѣсомъ скрылася,
На базаръ пряменько съ крылоса,

„Воеводу“ кончивъ „взбраннаго“,
Попъ пошелъ до Лейбы Рванаго.
Какъ внушенію подверженный,
Граммофонъ купилъ подержанный
И не съ „Иже херувимами“, —
Впрочемъ, трудно уловимыми, —
Не съ воскреснымъ задостойникомъ
И не съ маршемъ по покойникамъ,
Не съ Шаляпинымъ, не съ Глинкою, —
Съ па-де-катромъ и лезгинкою,
Съ кэкъ-уокомъ и мазуркою,
Съ разбитной пѣвицей Шуркою,
Съ анекдотами армейскими,
Съ приключеньями еврейскими.

V.

И, созвавъ все домочадіе
(О, безумное исчадіе,
Во языцѣхъ притча новая!),
Заигралъ слова готовыя,
Анекдоты всесословные,
Шансонетки срамословныя,
Что поютъ безъ одѣянія,
Снявши даже и исподнее,
Съ цѣлью влечь въ любодѣяніе
И повергнуть въ преисподнюю.
И собачку, тварь Господнюю,
Кличкой „Гогъ“, созданье бѣдное,

Острымъ рыльцемъ въ жерло мѣдное
Сунулъ попъ: „внимай-де внятнѣе“.
Взвизгнулъ песикъ, полнъ гнушенія,
И рекла жена внушеніе:
— „Ты-бъ, отецъ, поаккуратнѣе“.

VI.

Ой, ты чудо-чудо мѣдное,
Эдиссона чадо вредное!
Ни за грошъ, ни за копеечку
Ты сгубило всю семеечку!
Знай же всякъ изъ нашей повѣсти, —
Граммофонъ съ свободой совѣсти —
Зло на свѣтѣ генеральное.
Происшествіе скандальное,
Какъ языкъ огня геенскаго,
Обожгло Богоявленскаго.
„Гогъ“, щенокъ двухъ лѣтъ, не менѣе,
Оглушонъ до обалдѣнія
Граммофонною неволею,
Впалъ въ глухую меланхолію.
Какъ застигнутый напастію,
Не ловилъ ужъ мухъ онъ пастію,
Ѣлъ что день, то неохотнѣе,
Не брехалъ подъ подворотнею,
Лишь чесалъ за ухомъ лапою
И походкой косолапою,
Повертѣвъ хвостомъ и чреслами,
Шелъ и прятался подъ креслами.

VII.

Въ правдѣ жизненной отчаявшись
И безмѣрно опечалившись,
Бѣдный песъ средь мая мѣсяца
На чердакъ пошелъ повѣситься,
Что и сдѣлалъ на карнизикѣ
По законамъ точнымъ физики,
Лишь оставивъ въ назиданіе
На запискѣ примѣчаніе:
— „Не могу сносить печали я.
Не вините“... и такъ далѣе.
И попа та смерть обидѣла.
— „Жаль собаку,—не увидѣла,
Вѣкъ проживъ, кинематографа“!
(Запись съ точностью стенографа).

VIII.

Дальше — хуже. Какъ на Іова,
Какъ въ нашествіе Батыево,
На попа бѣда торопится.
Съ толку сбилась протопопица.
Граммофонъ,—вѣдь дастъ Богъ силушку!—
Трехъ щенковъ ужъ свелъ въ могилушку.
Не стерпѣвши издѣвательства,
Впала кошка въ помѣшательство.
Утопилась въ бочкѣ курица.
Протопопъ престранно хмурится.

То вдругъ скреститъ хряка съ яркою,
То сражается съ кухаркою,
Смотритъ, какъ и что состряпано.
Подбивать вдругъ началъ дьякона
Снять браду и стричься ежикомъ
И себѣ усы сбрилъ ножикомъ.

IX.

Думой стиснутъ стопудовою,
Хочетъ попъ взять вѣру новую.
То себя онъ въ сердцѣ раненомъ
Мнитъ уже магометаниномъ
Съ девятьюдесятью женами,
То забредитъ вдругъ мормонами.
Такъ сложилась мысль злодѣйская:
— „Принимаю іудейство я,
Съ опрѣснóками и кущами,
По талмуду имъ присущими,
Съ ихъ постами, съ ихъ молитвою.
Посылай, жена, за бритвою:
Я хочу себя обрѣзати“.
И самъ адъ въ зубовномъ скрежетѣ
Съ тьмами нечисти и нежити
Предъ такимъ людскимъ паденіемъ
Преклонился съ умиленіемъ,—
И весь годъ у бѣсной націи
Шли съ тѣхъ поръ иллюминаціи.

X.

Шла все дальше эпидемія.
Граммофонное гудѣніе
Пять щенковъ ввело въ прострацію,
Всю пресѣкши генерацію...
Самъ отецъ съ ножомъ и книгою
Долго прятался за ригою,—
Чтб онъ дѣлалъ въ этой мѣстности,
Скрыто мракомъ неизвѣстности.
Изъ селенія Зачатьево
Сынъ пріѣхалъ увѣщать его,
Съ видомъ сильно элегическимъ,
Со значкомъ академическимъ, —
Только противъ эпидеміи
Невластны и академіи!
Не удался тотъ замахъ ему, —
Спѣлъ отецъ ему анаѳему.
И въ панданъ, на посмѣхъ городу,
Дьяконъ сбрилъ усы и бороду
И (старикъ съ пятью дѣтишками!)
Сталъ ногой чесать подъ мышками...

XI.

Лишь тогда дѣла безчинныя
Усмотрѣли благочинные
И послали съ крайней болію
Донесенье въ консисторію.

Сколь же страшны силы вредныя
Эдиссона трубки мѣдныя!
Лишь до рапорта смиреннаго
Самого преосвященнаго
Ручка бѣлая коснулася, —
Воля крѣпкая погнулася:
Ядъ гипноза необычнаго
И ума достигъ владычнаго.

Какъ подъ властью злого зѣлія,
Или съ сильнаго похмелія,
Какъ по чуждому внушенію, —
Начерталъ онъ на прошеніи
Резолюцію престранную,
Какъ-то: „Властію, мнѣ данною,
Я отца Богоявленскаго,
Снявъ съ прихода деревенскаго
Ставлю вѣдать въ дикастеріи *)
Синагоги всей имперіи.
Два: надъ дьякономъ Варнавою
Строгій судъ чинить съ расправою.
Три: бѣсовское созданіе,
Граммофонъ, трубу нѣмецкую,
Отослать на покаяніе
Во обитель Соловецкую
И о немъ, какъ зла виновникѣ,
Помѣстить отчетъ въ „Шиповникѣ“.

*) Старинное названіе консисторіи.

К. Бальмонтъ.

Я вижу Толедо,
Я вижу Мадридъ.
О, бѣлая Леда! Твой блескъ и побѣда
Различнымъ сіяньемъ горитъ...

К. Бальмонтъ. „Испанскій цвѣтокъ“.

Я плавалъ по Нилу,
Я видѣлъ Ирбитъ.
Верзилу Вавилу бревномъ придавило,
Вавила у виллы лежитъ.

* * *

Мнѣ сладко блескъ копій
И шлемовъ слѣдить.
Слуга мой Прокофій про копи, про опій,
Про кофій любилъ говорить.

* * *

Вознесъ свою длань я
Въ небесную высь.
Нѣмыя желанья пойми, о, Маланья!—
Не лань я, не вепрь и не рысь!..

О, щель Термопилы,
О, Леда, о, рокъ!
Въ перила вперила свой взоръ Неонилла,
Мандрилла же рыла песокъ...

З. Гиппіусъ.

И я такая добрая
Влюблюсь—такъ присосусь.
Какъ ласковая кобра я,
Ласкаясь, обовьюсь

И опять сожму, сомну,
Винтъ медлительно ввинчу,
Буду грызть, пока хочу,
Я вѣрна—не обману.

Гиппіусъ.

Углемъ круги начерчу,
Надушусь я сѣрою,
Къ другу сердца подскачу
Сколопендрой сѣрою.

* * *

Плоть усталую взбодрю,
Взвизгну драной кошкою,
Заползу тебѣ въ ноздрю
Я сороконожкою.

Вся въ мистической волшбѣ,
Знойнымъ окомъ хлопая,
Буду ластиться къ тебѣ,
Словно антилопа я.

* * *

Я свершеній не терплю,
Я люблю—возможности.
Всѣхъ иглой своей колю
Безъ предосторожности.

* * *

Винтъ зеленый въ глазъ винчу
Подъ извивъ мелодіи.
На себя сама строчу
Злѣйшія пародіи...

Танъ.

Нѣтъ, дальше такъ нельзя!.. Четырнадцать рублей!..
Возможно-ль, чтобъ на нихъ жилъ мѣсяцъ пролетарій!
Кругомъ бѣда, погромъ... Дороже хлѣбъ, чѣмъ далѣй,
И прокормить семью чѣмъ далѣ,—тѣмъ труднѣй...

* * *

Не восемь-ли рублей уйдетъ на хлѣбъ одинъ!
Шесть надо за уголъ отдать хозяйкѣ грязной...
И это мзда за трудъ безсмѣнный, безобразный,
Подъ жуткій свистъ ремней и лязгъ стальныхъ машинъ!

* * *

Восьмичасовый день и голосовъ подборъ
Баллотировкою всеобщей, равной, тайной—
Отнынѣ и навѣкъ девизъ нашъ неслучайный,
И—учредительный да здравствуетъ соборъ!..

Иванъ Рукавишниковъ.

Я одинъ, конечно. Но я жду кого-то.
Пусть я жду кого-то... Но одинъ ли я?
Не одинъ, конечно. Я забылъ кого-то.
Правда-ли? Насъ двое? Не одинъ ли я?
Нѣтъ. Не нужно. Страшно. Насъ, конечно, двое.
Двое, чтобы не былъ смертенъ ни одинъ.
Правда? Намъ не страшно? Правда? Насъ вѣдь двое?
Правда? — Нѣтъ. Неправда. Страшно. И одинъ.

И. Рукавишниковъ. Т. IV.

Сплю или проснулся? Ночи часъ, утра ли?
На плечахъ одна ли, двѣ ли головы?
Будто какъ одна. Ужель одну украли?
Гдѣ я? Ѣду въ Вѣну или близъ Невы?

* *
*

Я одинъ, конечно. Насъ какъ будто двое?
Кто-жъ второй со мною? Какъ установить?
Пусть головъ и двѣ, но—думаю одною...
Я самецъ иль самка?.. Быть или не быть?..

* *
*

Двое-ль насъ? Въ меня ли просто клинъ вогнали?
Я одинъ, конечно? Страшно, хоть умри!
Ахъ, второй извозчикъ!.. Прочь порывъ печали!
Съ нимъ насъ точно—двое. Съ лошадью насъ—три.

Скиталецъ.

Не похожъ я на пѣвца.
Я похожъ на кузнеца.
Я для кузницы рожденъ.
Я—силенъ!
Скиталецъ.

Мнѣ вмѣсто головы дала природа молотъ,
Не сердце въ грудь, а горнъ, не руки, а клещи,
Въ безумной роскоши тонулъ вашъ гнусный городъ,
А я... ѣлъ щи!..

* * *

Къ вамъ, трупы палые, прогнившіе колосья,
Я вдругъ упалъ, какъ громъ, покрывъ вашъ совій визгъ.
И кузнеца девизъ въ поэзію принесъ я:
„Бей въ дрызгъ!..“

* * *

Вампиры-богачи, удавы, змѣи, жабы,
Вы пролетарія затискали въ норы!..
Отрыжка сатаны, какъ васъ спихнуть пора-бы
Въ Тартарарры!!.

Вячеславъ Ивановъ.

I.

Эрота выспренних̀ъ и стремных̀ъ крыльяхъ на
Отъ мірныхъ пущъ въ волшбѣ мечты лечу далече,
Чувствъ пламныхъ посреди горю, какъ купина,
Съ тобой—безликой алчу встрѣчи.

* * *

Віюся въ кольцахъ корчъ, желаніемъ пронзенъ.
Змій, жду тебя, змѣю, одрѣ на одинокомъ.
Струится нарда вонь и ладанъ смольнъ возженъ,
Меня коснися змѣйнымъ бокомъ!

* * *

Одрѣ семъ на позволь, прелестница, и впредь
Мнѣ устъ зной осязать и пышну персей внятность.
Піитъ истомныхъ „средъ“ воздамъ я мзду и Тредь-
Яковскаго стихомъ твою вспою пріятность...

II.

Не ты ль въ саду искала
Мое святое тѣло,
Надъ Ниломъ—трупъ супруга?
Изида, Магдалина,
О, росная долина,
Земля и мать, Деметра,
Жена и мать земная!

В. Ивановъ. „Эросъ".

Истомныхъ средъ моихъ ядъ чарый проліявъ,
Свершилъ я въ душахъ сѣвъ. Взъярясь взыгралъ духъ
российй.
Доколь въ піитахъ живъ Ивановъ Вячеславъ,—
Взбодрясь, волхвуетъ Тредьяковскій.

* * *

Хмѣль чарый, звончатъ гласъ, свирѣль утомныхъ кущъ
Я паки въ стихъ пріялъ,—стихъ плѣсни полнъ и ржа-
винъ.
Сокровный мнѣ въ волшбѣ изъ круговратныхъ пущъ,
Взревѣвъ, возревновалъ Державинъ.

* * *

Ярь пылку пѣлъ я женъ и мужню кипь и прыть,
И оный Китоврасъ въ мой смольный стихъ вмѣщался,
Когда бъ предтеча мой могъ Кюхельбекеръ жить,—
Измлѣвъ, о мнѣ бы онъ взыгрался!..

Не я ли прыгнулъ черезъ
Столѣтья пыльны стѣны?
Не я ль пѣлъ ярый Эросъ
И бедръ истомны плѣны?
Локуста, Өеодора,
Не я ль столь пѣсни множу?
Анисья, Нимфодора,
О, тѣнь Иліодора,
Сколь праздно васъ тревожу!..

Сергѣй Городецкій.

Свѣтъ отъ свѣта оторвется,
Въ нѣдра темныя прольется,
И пробудится яйцо.
Хаосъ внуку улыбнется...
С. Городецкій. „Ярь“.

I.

Тучи въ кучу взбаламучу,
Проскачу волчкомъ качучу,
Трескомъ риѳмъ наполню свѣтъ.

Какъ звонки двуконныхъ конокъ,
Стихъ мой тонокъ, ломокъ, звонокъ,—
Звону много, смыслу нѣтъ.

* * *

Я нашелъ подъ подворотней
Приболотный, приворотный
Легкой славы корешокъ...

Трехъ чертякъ съ лѣсныхъ опушекъ,
Двухъ поповенъ, трехъ старушекъ
На Парнасъ я приволокъ.

* * *

Сколь пріятно въ вечеръ росный
Поблудить съ старушкой постной,—
Бородавки пощипать,

До утомы и одышки
У косматыхъ вѣдьмъ подмышки,
Щеки-щетки щекотать...

* * *

Ой, Ярило, въ боръ, за прудомъ
Приходи, займемся блудомъ,—
И, взглянувши намъ въ лицо,

Древній Хаосъ возсмѣется,
И съ моихъ стиховъ прольется
Смертнымъ—въ смятку яицо.

II.

Древній хаосъ потревожимъ.
Мы вѣдь можемъ, можемъ, можемъ.
С. Городецкій. „Ярь“.

Недовольный міромъ бреннымъ,
Я съ Хаосомъ довременнымъ
Какъ-то выпилъ брудершафтъ.
Какъ на карточкѣ единой
Съ нимъ снимусь я съ вѣщей миной,—
Будетъ миленькій ландшафтъ,

Изъ земныхъ стремясь окоповъ,
По плечу его похлопавъ,—
„Что, братъ, молвлю,—другъ Хаосъ?“
Обниму, не церемонясь,
И Хаосъ, сѣдой, какъ Хроносъ,
Отвѣчаетъ:—„Ничего-съ!..“

У меня ли въ риѳмѣ нѣжной
Космосъ, древній и мятежный,
Съ міромъ будней сопряжонъ.
Что смѣшно и все, что жутко,—
На проспектѣ проститутка,
Съ мѣдной бляхой „фараонъ“,—

Млечный путь, и Ракъ, и Рыба,
И Ярила, и Барыба,
И поповны пуховикъ,
Невскій съ звонами и давкой,
Злая вѣдьма съ бородавкой
И проказникъ Адовикъ...

Барыбушка, Барыбушка, Ярила и Удрасъ!
Насъ четверо, насъ четверо—и не понять всѣхъ насъ.
Пресвѣтлый міръ-миленочекъ, еще ль ты мнѣ не милъ!
За шиворотъ, за шиворотъ я славу ухватилъ...
Со славою подъ мышкою,—дивись честнàя Русь!—
Съ Хаосомъ я подъ рученьку по Невскому пройдусь...

Александръ Рославлевъ.

Мнѣ надоѣли комнатные люди,
Я сталъ ночнымъ, ищу призывныхъ
встрѣчъ...
А. Рославлевъ. „Въ башнѣ“.

Противна мнѣ земли идиллія.
Дикарь-кочевникъ—мой кумиръ,
Хоть въ вѣкъ живу автомобилей я
И чрезъ пенснэ смотрю на міръ.

Противны мнѣ цвѣты домашніе
И сонмы комнатныхъ людей.
Въ душѣ своей построилъ башню я
И взгромоздилъ себя на ней.

Мнѣ ненавистны лица грустныя,
Мѣщанскихъ ранъ тупая боль,
И объявленья ваши гнусныя:
„Пилюли Ара“ и „Одоль“.

Жить и не видѣть Еву голою!
Адамъ въ манишкахъ,—стыдъ и грусть!..
Какъ слонъ, иду стопой тяжелою
И смѣхомъ каменнымъ смѣюсь.

Мнѣ милы тѣни ночи длинныя
И „Вѣны“ праздничный угаръ.
Люблю я ласки тѣлъ звѣриныя,
Люблю звѣриный гонораръ.

Того любилъ бы я, кто съ нищими
Номада бытъ себѣ избралъ,
Ротъ утиралъ бы голенищами,
Въ „Капернаумѣ“ ночевалъ,

Кто мстилъ бы людямъ злымъ насиліемъ,
Глоталъ стекло, природы сынъ,
Кто-бъ могъ питаться сухожиліемъ
И пить чистѣйшій керосинъ!

Александръ Блокъ.

Ты въ поля отошла безъ возврата.
Да святится имя Твое!
Снова красныя копья заката
Протянули ко мнѣ остріе,

. . . .

О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой.
Ты—держащая море и сушу
Неподвижно тонкой рукой!

А. Блокъ.

Луна въ бѣломъ чепчикѣ съ узоромъ...
Лунный міръ мнѣ такъ привлекателенъ.
Гляжу на все растеряннымъ взоромъ,
Размѣръ для меня необязателенъ.

Ловлю весны поцѣлуи я.
Милъ мнѣ гномикъ въ курткѣ затертой.
Не спѣть ли мнѣ аллилуія,—
Аллилуіа на гласъ четвертый?

Въ мозгу перья страуса качаются,
Ненавижу сѣрыя пушки.
Папа съ мамой въ баню собираются,
Свиснулъ карликъ на лѣсной опушкѣ.

Мнѣ мила моя греза Фантаста.
Жду я съ Бѣлой Дѣвою встрѣчи.
Ахъ, зачѣмъ, ахъ, зачѣмъ я такъ часто
Перехожу за черту человѣческой рѣчи?

Какъ скучаетъ крендель надъ булочной,
Какъ квартальнаго смѣхъ раскатистъ!
Пересыпается солнце въ пыли переулочной...
Спою-ка чертеняткамъ акафистъ.

Чертенятки милые, малые,
Ахъ, вы лучше цѣлой столицы!..
Серебрю я сны небывалые.
Вскую шаташася языцы?

Кузминъ.

Ахъ, уста, цѣлованныя столькими,
Столькими другими устами,
Вы пронзаете стрѣлами горькими,—
Горькими стрѣлами, стами...

Кузминъ. „Любовь этого лѣта“.

Ахъ, любовь минувшаго лѣта
За Нарвской заставой, ставой,
Ты волнуешь сердце поэта,
Ужъ увѣнчаннаго славой, авой.

Гдѣ кончался городъ-обманщикъ,
Жили баньщики въ старой банѣ.
Всѣхъ прекраснѣй былъ Ѳедоръ баньщикъ
Красотою ранней, анней.

Ахъ, горячее глазъ сверканье,
Сладость губъ мужскихъ и усатыхъ!
Ахъ, античное въ руку сморканье,
Прелесть ногъ волосатыхъ, сатыхъ!..

Не сравнить всѣхъ радостей свѣта
Съ Антиноя красой величавой!
Ахъ, любовь минувшаго лѣта
За Нарвской заставой, ставой!..

Андрей Бѣлый.

Жили были я да онъ:
Подружились съ похоронъ.
Приходилъ ко мнѣ скелетъ
Много зимъ и много лѣтъ.
Костью крѣпокъ, сердцемъ простъ—
Обходили мы погостъ.
Поминалъ со смѣхомъ онъ
День веселыхъ похоронъ:
Какъ несли за гробомъ гробъ,
Какъ ходилъ за гробомъ попъ,
Задымилъ кадиломъ носъ.
Толстый кучеръ гробъ повезъ.
„Со святыми упокой!"
Придавили насъ доской.
Жили были я да онъ.
Тили-тили-тили-донъ!

А. Бѣлый. „Пепелъ".

I.

Тили-тили-тили-бомъ,
Загорѣлся кошкинъ домъ.
Ахъ, не мѣсяцъ,—цѣлый годъ
Будетъ плакать рыжій котъ.

Насандалилъ поваръ носъ,
Дремлетъ въ юртѣ эскимосъ.
Въ монополькѣ торгу нѣтъ,
Для поэта все сюжетъ:
Келья, зори и кабакъ,
Съ дыркой старый четвертакъ,
Запахъ жареныхъ котлетъ,
Генеральскій эполетъ,
Новобранца узкій лобъ,
Гробъ на дрогахъ, рядомъ попъ,
Брилліантъ или бериллъ,
Павіанъ или мандриллъ,
Мракъ и правда, свѣтъ и ложь,
Пара стоптанныхъ калошъ,
Сколопендры острый носъ
И довременный Хаосъ,
И Гоморра и Содомъ—
Тили-тили-тили-бомъ.

II.

Рой отблесковъ. Утро. Опять я свободенъ и воленъ.
Открой занавѣски: въ алмазахъ, въ огнѣ, въ янтарѣ
Кресты колоколенъ. Я боленъ? О, нѣтъ—я не боленъ.
Воздѣтыя руки горѣ на одрѣ—въ серебрѣ.
Тамъ въ пурпурѣ зори, тамъ бури—и въ пурпурѣ бури.
Внемлите, ловите: воскресъ я,—глядите: воскресъ.
Мой гробъ уплыветъ—золотой въ золотыя лазури...
Поймали, свалили; на лобъ положили компрессъ.

А. Бѣлый. „Пепелъ“.

Часъ утра. Больница. Не спится. Скрипитъ половица.
И фельдшеръ храпитъ, и пѣтухъ прокричалъ на дворѣ.
Внемлю колокольному звону? Не выпить-ли порцію брому?
Въ окошкѣ извозчикъ возжу расправляетъ на сѣромъ одрѣ.

Во мнѣ столько дури, какъ въ утреннемъ небѣ лазури.
Внемлите: я самъ Фердинандъ! Это я посылаю грозу!..
Лишь сторожъ Порфирій меня кулакомъ усмиряетъ,
как гирей,
И вновь въ сумасшедшей рубахѣ лежу я и тряпку
грызу...

Знаменитыя встрѣчи.

(Изъ литературныхъ воспоминаній Анкудина Козодоева).

...Засталъ я то славное время, когда
На путь мы прогресса вступили.
Колоссы таланта, титаны труда,--
Я съ гордостью это признàю всегда,—
Свое мнѣ вниманье дарили.

* * *

Некрасова зрѣлъ я на склонѣ ужъ лѣтъ
И полнъ посейчасъ восхищенья!
Въ пріемную вышелъ съ сигарой поэтъ
И взялъ мой разсказъ для прочтенья.
Писалъ онъ ко мнѣ... У меня посейчасъ
Двѣ краткихъ записки хранятся.
Ласкаютъ они мой любительскій глазъ...
Одна говоритъ: „не подходитъ разсказъ",
Другая:—„стихи не годятся".

* * *

Тургеневъ, кумиръ поколѣнья всего,
Отчизны краса и свѣтило!..
На музыкѣ въ Павловскѣ видѣть его,
Въ вокзалѣ, судьба мнѣ судила.
Красивый мужчина!.. Взоръ полный огня,
Волосъ серебристыя нити...
Онъ мимо прошелъ и, задѣвши меня,
Чуть слышно сказалъ: „извините"!..

* * *

На Пушкинскомъ праздникѣ я увидалъ
И автора „Мертваго дома".
Всегда, признаюсь, я запоемъ читалъ
Его вдохновенные томы.
Какъ блѣденъ онъ былъ, истощенъ и угрюмъ...
Морщины чело покрывали...
И видно, что жилъ онъ подъ бременемъ думъ,
Подъ гнетомъ всегдашней печали...
Когда онъ окончилъ, студентовъ семья
Ему заградила дорогу.
Качали писателя дружно, и я—
Держалъ его лѣвую ногу...

* * *

Щедринъ и Слѣпцовъ предо мною прошли
Однажды на Невскомъ. Я встрѣтилъ
Съ восторгомъ сатирика русской земли,
И онъ меня ясно замѣтилъ.
Со мною почти поровнявшись плечомъ,
Сосѣду онъ рекъ хладнокровно:
—„Вотъ странный субъектъ: и штаны-то на немъ
Сидятъ, на покойникѣ словно“...

* * *

Островскій, сумѣвшій такъ дивно понять
Духъ русскихъ—купца и мѣщанки!..
Мнѣ выпало счастье его увидать
Однажды въ Москвѣ, на Лубянкѣ.
Въ окно магазина писатель смотрѣлъ...
Фарфоръ тамъ и бронза лежали.
Я, помню, отъ счастья почти обомлѣлъ,
Всѣ струны души задрожали...
Я жадно смотрѣлъ, близорукость кляня,
(Такъ тянетъ подсолнечникъ къ солнцу).
Онъ вздрогнулъ и, бросивши взглядъ на меня,
Прошелъ ко второму оконцу.
Я былъ словно трансомъ какимъ одержимъ,
Пигмей—при такомъ исполинѣ!
Онъ вправо,—я вправо. Онъ влѣво,—за нимъ
И я сталъ налѣво, къ витринѣ.
Онъ плюнулъ и въ улицу сталъ уходить,

Махнувъ своей тростью, какъ пикой.
И скрылся изъ глазъ... Да, могу подтвердить:
Былъ нервенъ писатель великій!..

* * *

Я ѣздилъ къ Толстому. Былъ боленъ Толстой...
Къ Толстому меня не пустили...
Все въ Ясной Полянѣ дышало весной,
По нивамъ туманы ходили...
Я съ горечью вынесъ досаду мою,
Хоть былъ и утѣшенъ не мало:
Съ кухаркой я графской имѣлъ интервью,
Мнѣ прачка кой-что диктовала.
Былъ конюхъ допрошенъ и съ нимъ водовозъ,
(Никто не увидѣлъ потачки!)
И графскую блузу домой я увезъ,—
Сознаюсь,—безъ вѣдома прачки.
Съ рукою на сердцѣ могу я сказать,
Что снялъ я со сливокъ тамъ пѣнки,
И вѣрю, когда все увидитъ печать,—
Придется вздохнуть Сергѣенкѣ!..

* * *

Съ Якушкинымъ пилъ я и пиво, и чай,
Провелъ его съ Мойки на Невскій.
И мнѣ на мозоль наступилъ невзначай
Однажды маститый Старчевскій.

Да! Есть мнѣ чѣмъ вспомнить былые года!
Я жилъ когда геніи жили!..
Прогресса столпы и титаны труда,—
Я съ гордостью это признаю всегда!—
Свое мнѣ вниманье дарили...

Проклятіе звѣря.

— Я чувствую свои каблуки... Я ихъ чувствую, я слышу, какъ твердо прикасаются они къ твердому горячему камню, и мгновенный дикій ужасъ пронизываетъ меня...

— Звѣрь закричалъ сразу, всею полнотой и силой этого дикаго, неслыханнаго крика... И я понялъ, что онъ проклинаетъ. Стоитъ въ своей грязной лоханкѣ, посерединѣ огромнаго города и проклинаетъ.

— И онъ стоялъ и молчалъ, старый рабъ, и часто, и быстро дышала измученная собака. И я снялъ шляпу и поклонился ему низко, какъ герцогу, какъ королю. И я снялъ шляпу, и я поклонился низко его собакѣ, какъ королевѣ поклонился я ей...

Л. Андреевъ. „Проклятіе звѣря“.

Приходитъ-это ко мнѣ Петра Еремѣичъ въ хорошемъ подпитіи. — „Я, говоритъ, человѣкъ пустынный. Я люблю море и лѣсъ. Пойдемъ, говоритъ, по этому самому случаю въ городъ, въ трактиръ, за чайкомъ по-

потѣть, а потомъ въ Зоологію. Хочу, говоритъ, я звѣриную шерсть посмотрѣть, обезьяну за хвостъ подержать, носорога сайкой покормить. Хочу, говоритъ, на небесахъ объявленія про щеколадъ и часы „Омегу“ почитать. Слышу, говоритъ, что меня городъ зоветъ, пальцемъ манитъ“.

Какъ мы съ Петрой Еремѣичемъ безъ малаго шешнадцать лѣтъ по торговому дѣлу рядышкомъ состоимъ, то я всѣ его повадки доподлинно знаю и вижу, коли ежели онъ этакъ заговорилъ, то, само собой, значитъ, человѣкъ въ полосу попалъ, и одного его пустить никакъ невозможно.

— Ну, говорю, коли такъ,—пойдемъ.

Поперли-это мы изъ Новой деревни. На пути Славянка лежитъ. Грѣха таить нечего, зашли, раковъ спросили, по полдиковинкѣ выпили ради енергіи. Сидимъ-это честь честью. Варганъ таково хорошо наяриваетъ. Хересу передъ нами букашечка махонькая. Только вдругъ Петра Еремѣичъ страшные глаза сдѣлалъ и говоритъ:

— Вася, говоритъ, другъ неоцѣненный,—али ты не видишь, что я въ паникѣ? Неужто тебѣ не страшно?

— А чего бы, говорю, мнѣ опасаться? Чай, я не министръ путей и сообщеній.

— Вася, говоритъ, другъ мой, ай ты не видишь, какъ всѣ жуютъ?

— А что жъ, говорю, такое, что жуютъ? Пущай ихъ на здоровье. Нашихъ они съ тобой раковъ не съѣдятъ.

— Челюсти-то, говоритъ, какъ ходятъ,—челюсти-то! Что у стрекозы! И это у всѣхъ! И у меня, Вася! А подъ мясомъ-то у кажнаго кости! Вася, говоритъ, другъ мой, что минѣ дѣлать, ежели я у кажнаго подъ спинжакомъ и штанами костяной шкелетъ вижу? Несчастный я человѣкъ!

— Ты, говорю, не несчастный, а просто малость на хересѣ ошибся. Оттого ты и въ такомъ террорѣ. Который, говорю, день ты въ заводѣ?

— Только третій еще, говоритъ. И все мнѣ со вчерашняго дня въ такомъ видѣ представляется, какъ бытто наоборотъ. То бытто я—не я. То своихъ собственныхъ каблуковъ испужаюсь. Иду-это и свои каблуки чувствую. Стучатъ. Вѣришь ли, волосы дыбомъ встали. Ты только подумай, Вася, твердые этакіе, кожаные.

— Какіе сапожникъ дѣлалъ. Чего жъ, говорю, дурашка, пужаться?

— То, говоритъ, на меня какъ бы огненный автомобиль катитъ. Коли бы ежели на одну пять не отскочилъ, такъ поперекъ бы по поясницѣ и перерѣзало.

— Огненный?

— Огненный.

— Ну, говорю, коли огненный, такъ твое дѣло плохо, Петра Еремѣичъ. Развлечься тебѣ надобно сурьезно.

Обрадовался.

— Поѣдемъ, говоритъ, Вася, въ Зоологію. Плюнемъ на все. Я, говоритъ, тамъ пѣвичекъ послушаю,

лакея икрой помажу, пимперле за хвостъ подержу. Постой, не надо. Убери деньги. Я нонче за все самъ плачу. Получите, господинъ человѣкъ.

Какъ на извозчикѣ ѣхали, Петра Еремѣичъ все рукой кекуокъ дирижировалъ и на губахъ польку игралъ, а потомъ править интересовался. Извозчика все на свое мѣсто сѣсть уговаривалъ, а самъ на козлы. Насилу его господиномъ градоначальникомъ усовѣстилъ. Этакимъ манеромъ доѣхали мы до Зоологіи.

У кассы говоритъ мнѣ Петра Еремѣичъ:

— Я, Вася, говоритъ, дорóгой свое *я* потерялъ. Не то на Каменноостровскомъ, не то на Большомъ. Я, говоритъ, теперича червь, а не человѣкъ. Пыль. Песчинка. Былъ Петра Еремѣичъ Именитовъ, да весь вышелъ. Я, говоритъ, совсѣмъ, какъ ты, только у тебя штаны покороче да борода мочалочкой.

Подошли къ кассиршѣ,—онъ на меня перстомъ показываетъ:

— Дайте, говоритъ, ему билетъ.

А потомъ себя ткнулъ въ грудь.

— И вотъ этому, говоритъ, дайте на 32 копѣечки...

Выдала намъ кассирша билетъ и засмѣялась. Какой-то у ей мужчина въ будкѣ сидѣлъ. Петра Еремѣичъ обидѣлся.

— Вы, говоритъ, надъ потеряннымъ человѣкомъ не имѣете полнаго права смѣяться. Хошь у меня, говоритъ, и все отличіе отъ васъ, что я съ папироской, а вы безъ папироски, одначе, ежели пожелаю, я на сегодняшній день могу одинъ всѣ билеты скупить и ни-

кого въ Зоологическій садъ не впустить. Такъ, одинъ поперекъ скамеекъ лягу и прикажу ради одного меня всѣмъ звѣрямъ рычать и актерамъ на необитаемомъ островѣ фантастическую феерію господина Трефилова разыгрывать...

Барышня говоритъ:

— Проходите, а то задерживаете.

Какъ я вижу, что она дѣло говоритъ, а рядомъ сѣрая шинель прислушивается,—я малость Петру Еремѣича плечомъ впередъ продвинулъ и говорю:

— Наплюнь на ее. Пойдемъ изъ лафиту братьевъ Чугрѣевыхъ съ апельсинами сокрушонъ дѣлать.

Ну, что говорить, поколобродили мы въ тотъ день съ Петромъ Еремѣичемъ изрядно. Пропилеи были здоровые. Какъ ужъ самимъ намъ наше пойло не въ моготу стало, затребовали мы къ мискѣ разливательную ложку и стали публику, которая проходящая, съ этой ложки потчивать. Которые поблагороднѣе, улыбались, а кто попроще—за милую душу выпьетъ, усы оботретъ да и второй разъ подойдетъ.

Дальше Петра Еремѣичъ павлиномъ кричалъ, подъ протодьякона, а потомъ подъ чугунку подражалъ, медвѣдю три пятаковки скормилъ изъ французской булочной, итого на 15 копѣекъ, морского медвѣдя всего оплевалъ, съ сухопутной обезьяной по-нѣмецки разговаривалъ...

Опосля этого, какъ ужъ и мнѣ въ голову довольно лѣвыя мысли вступили, вдругъ какъ вздрогнетъ Петра Еремѣичъ и говоритъ:

— Вася! Ай ты не слышишь какой это звѣрь кричитъ?

— Слышу, говорю. Вѣрно, бегемотъ али водяная корова... А звѣрь, дѣйствительно, кричитъ совсѣмъ даже несуразно.

— Вася, говоритъ.—Ай ты не слышишь, какъ онъ мое имя вслухъ выговариваетъ?

— Полно, говорю, тебѣ Ваньку ломать. Просто звѣрь променажъ свой совершаетъ и легкія прочесываетъ.

Одначе, смотрю, Петра Еремѣичъ поблѣднѣлъ весь, какъ упокойникъ, руки, ноги дрожатъ:

— Веди, говоритъ,—меня къ этому самому чудищу. Вонъ онъ, какъ ясно мою фамилію выговариваетъ!

Продрали мы сквозь толпу, прибѣжали на ревъ. Видимъ, на манеръ тюленя какой-то звѣрь сидитъ въ водѣ, плавники въ камень уперъ, выставилъ голову и кричитъ. А Пе́тру Еремѣича всего трясетъ, за руку меня схватилъ.

— Вася, говоритъ,—ты грамотный. Прочитай, какой это такой звѣрь меня что ни есть самыми послѣдними словами обезпечиваетъ?

Посмотрѣлъ я на клѣтку, но какъ у меня въ глазахъ ужъ было махонькое мельканіе, какъ въ кинематографѣ, то разбираю я что-то совсѣмъ плохо: „не кормитъ“, „не кромитъ“.

— Некромитъ, говорю, написано. Необыкновенный звѣрь... Надо быть, изъ сѣверной Африки отъ Ашинова. Никогда такого не слышалъ.

— За что же, спрашиваетъ, этотъ некромитъ меня

сволочью и сукинымъ сыномъ ругаетъ? Вася, за что? Что я ему сдѣлалъ? Неужто-жъ я такой подлецъ, что и звѣрь полное право имѣетъ этакъ меня передъ всей публикой усугублять?..

Заплакалъ мой Петра Еремѣичъ. Слезы такъ градомъ...

— Окаянный, говоритъ, я человѣкъ, Вася. Дождался. Достукался. Сподобился. Хорошо, что мой тятенька давно на Ваганьковскомъ упокоевается. Послѣдній звѣрь изъ поганой лужи послѣдними словами обласкалъ! Купи, говоритъ, мнѣ пятаковку, я ему хошь этимъ глотку заткну.

Изъ толпы говорятъ:

— Онъ булокъ не ѣстъ. Только мясо.

— Ну, такъ купи ему, Вася, полфунтика бедра второй сортъ съ мозговой костью.

Понимающій человѣкъ опять говоритъ:

— Онъ говяжьяго мяса не ѣстъ. Они рыбу обожаютъ.

— Леща станетъ ѣсть?

— Леща съѣстъ.

...Дальше, помню, мы леща искали. У многихъ господъ спрашивали. Къ барынямъ приставали. Большія деньги давали. Нашли ли,—ужъ не помню. Помню только опять сокрушонъ пили. Мамзелей какихъ-то съ разливательной ложки поили. Яйцо раздавленное я въ карманѣ нащупалъ. Откуда Богъ послалъ, не знаю. Въ цѣль стрѣляли и въ фотографіи, которая въ пять минутъ снимающая, за 40 копѣекъ, рядышкомъ обняв-

шись снялись. Темные такіе вышли, а Петра Еремѣичъ зюзя зюзей, и губа отвисши. Медвѣжьему вожаку-татарину подарили на память.

Попали мы домой, какъ къ заутрени вдарили, и Петрѣ Еремѣичу все нашего извозчика лошадь собачкой казалась. У самыхъ евоныхъ воротъ мы вылѣзли, онъ снялъ передъ ей котелокъ и поклонился низко-пренизко.

— Я, говоритъ, тебѣ собачка, кланяюсь, какъ королевѣ. Мое вамъ почтеніе и оченно вамъ благодарны за доставку въ сохранности.

Ночныя пляски.

...Закусили мы съ Петрой Еремѣичемъ въ „Ягодкѣ“ постненькимъ, честь-честью, и только что началъ я прельщать его на счетъ кинематографа, онъ мнѣ говоритъ:

— Пойдемъ, Вася, лучше въ театръ ужасовъ Гиньоль. Отсель до Литейнаго рукой подать.

— А не грѣхъ?—говорю.—Я, Петра, на той недѣлѣ говѣть хочу, и мнѣ женское голоножье смотрѣть не фасонисто.

— Помилуй Богъ, — отвѣчаетъ. — Я самъ скоромиться не хочу. Это, Вася, такое, что монашкамъ смотрѣть можно. Въ газетахъ очень трогательно описано. Проститутка, которая танцующая съ трупомъ собственной подруги. Вскрытіе человѣческаго организма на мраморномъ столѣ съ обезглавленіемъ головы...

Уговорилъ человѣкъ. Пошли. Пришли. На саженной афишѣ вижу написано:

Ночныя пляски Сологуба.

— Кто-жъ это, спрашиваю,—такой Сологубъ, который плясать будетъ?

Петра Еремѣичъ въ отвѣтъ:

— Не то. Это говоритъ — все, одно что „Вій“. Я все полное собраніе сочиненій Гоголя читалъ, за цѣлковый, въ одномъ томѣ. Тутъ, говоритъ, черти плясать будутъ, и покойникъ въ саванѣ за читальщикомъ бѣгать.

Ладно.

— Давайте, — говорю, — барышня два билета въ „мѣста стоять“ на „Ночныя пляски“.

— У насъ,—говоритъ, — нѣтъ мѣстъ стоять. Но я дамъ вамъ дальше чего невозможно, куда,—говоритъ,— мы рецензентовъ садимъ.

Раздѣлись. Сѣли. Свѣтло таково. Всего тебя видно, что клопа на подушкѣ.

Кругомъ все публика съ чистой половины. Студенты изъ игорнаго института, лѣсные университанты, мальцы изъ дѣтскаго корпуса.

Посидѣли малость,—открывается занавѣсъ. Сидитъ король въ своемъ пышномъ чертогѣ, съ гостями бражничаетъ, а по обѣ стороны его двѣнадцать вальяжныхъ дѣвицъ стоятъ.

Сарафаны расписанные, на головѣ чудные перья качаются, говорятъ всѣ въ разъ, словно на клиросѣ.

— Ой, говорю, — Петра Еремѣичъ, не чисто тутъ дѣло, а я на той недѣлѣ говѣть собирался... Лучше бы въ кинематографѣ сидѣть и разрушеніе Мессины въ городѣ Сициліи видѣть, али въ „Золотое время“ пойти чайку испить.

Кто-то говоритъ:

— Пожалуйста, не разговаривайте. Вы мѣшаете.

Я опять:

— Видишь, Петя, мы тутъ мѣшаемъ. Ни плюнь, ни закури, и разговаривать не велятъ.

Всталъ на тронѣ король и при гостяхъ такія слова дочерямъ молвитъ:

— Скажите вы,—говоритъ,—мнѣ на милость, разлюбезныя мои дочери, куда это вы по ночамъ съ своихъ пуховыхъ постелей уходите?

Эге, думаю, куда метнулъ! Вотъ какая исторія. У насъ этакъ у знакомаго бакалейщика единственная дочь Марья Акимовна уходила-уходила, да и находилась.

Дочери хохочутъ, а отвѣта не даютъ. Король у гостей спрашиваетъ,—не знаете ли вы, братцы?

Одинъ отвѣчаетъ:

— У ихъ, говоритъ,—господинъ король, не иначе, какъ голодная глиста въ брюхѣ ходитъ.

Такъ, ей-Богу, при всей честной компаніи этакія слова ахнулъ, про такихъ барышень, инда я на Петру Еремѣича глаза перевелъ, а онъ только лысину поглаживаетъ.

— Нѣтъ, говоритъ,—это я малость прошибся. Это совсѣмъ не изъ полнаго собранія сочиненій Гоголя въ одномъ томѣ.

И другой тутъ, и третій совѣты давали. Одинъ даже со счетами въ рукахъ былъ,—вылитый нашъ фруктовщикъ Епифановъ съ пяти угловъ. Не понялъ я въ чемъ дѣло, только вижу ясно, на нашего брата-купца мораль пущена.

Опосля всѣхъ выходитъ молодой паренекъ, совсѣмъ бы прiятной наружности, только вмѣсто Миша говоритъ „Миѳа“, а вмѣсто волшебный—„волѳебный“.

— Вотъ, говорю,—Петра Еремѣичъ, такому слово „шашлыкъ“ и совсѣмъ не сказать.

Петра Еремѣичъ сердится:

— Ты, говоритъ,—лучше слушай.

Ну, слушаю. Вижу, берется этотъ малый дѣвокъ выслѣдить. Такъ при ихъ самихъ и похваляется. И ничуть мнѣ все это не страшно.

— Когда же, спрашиваю,—Петра Еремѣичъ, этотъ самый Гиньоль начнется. Чего ради ты меня сюда притащилъ? Ни мраморнаго стола, ни проститутки, которая съ трупомъ.

Оборачивается тутъ ко мнѣ сосѣдъ, надо быть изъ студентовъ.

— Вы, говоритъ,—господинъ, совсѣмъ занапрасну этого ждете. Сегодня тутъ никакихъ ужастей не будетъ, потому тутъ нонче не „Гиньоль“, а представленiе господъ литераторовъ, для-ради спасенiя Италiи отъ мессинскаго землетрясенiя.

— Позвольте, говорю,—одначе-жъ съ меня деньги взяли и какъ же такъ можно средь бѣла дня хорошихъ людей обманывать?

— Васъ, отвѣчаетъ,—извините, никто не обманываетъ, только не актеры сегодня играютъ, а писатели.

— Позвольте, какъ не обманываютъ! По нашему простому разумѣнiю, ежели ты дворникъ,—мети, купецъ—торгуй, дьяконъ—говори паки, а писатель—опи-

сывай городскія происшествія. Мнѣ, говорю, за мои деньги актеровъ подай.

Тутъ Петра Еремѣичъ меня успокаивать началъ:

— Не волнуйся, говоритъ, Вася. — Пренебреги. Писатель, такъ писатель,—шутъ съ ими. А скажите, говоритъ, можетъ быть тутъ есть и такіе, которые изъ кошкодавовъ?

— Нѣтъ, говоритъ, такихъ тутъ нѣтъ. Тутъ все знаменитые русскіе писатели — Нувель, Ауслендеръ, Роотъ.

— Не слыхалъ, говорю. — Вотъ Державина знаю. Про Максима Горькаго слыхалъ. Который здѣсь, говорю,—къ примѣру Максимъ Горькій?

— Горькаго,—говоритъ,—тоже нѣтъ. Онъ на островъ Капри морское землетрясеніе наблюдать уѣхалъ и толстую книгу пишетъ. А по афишѣ тутъ играютъ другіе знаменитые писатели — Городецкій, Волошинъ, Позняковъ, Потемкинъ, Ремизовъ, графъ Алексѣй Толстой...

Ну, этого я разсмотрѣлъ. Потому, какъ я „Князя Серебрянаго" читалъ за пять копѣекъ, изданіе Салаева. Молоденькій такой, а такой знаменитый романъ изобразилъ!

Разговариваю я, а самъ на театръ смотрю. Паренекъ, который Мишу не выговариваетъ, больше всѣхъ говорилъ и стихи читалъ.—Хочу,—говоритъ,—ласки-сказки, развяжите всѣ завязки — а самъ отъ двѣнадцати дѣвокъ ни на пядь.

Потомъ дѣвки вдругъ въ голотѣлесныхъ платьяхъ

вышли и плясать начали. Платья такія, что бабенка, шутъ ее возьми, вся насквозь, что бутылочка, просвѣчиваетъ. Вотъ тебѣ, думаю,—и поговѣлъ на будущей недѣлѣ. Ай, Ергуновъ, молодчина!

Вертятся дѣвки около паренька, ахъ, думаю,—дьяволицы! ахъ, дьяволицы!...

— Здравствуй, гордый поэтъ.

— Здравствуй, гордая королевна.

— Здравствуй, веселый поэтъ.

— Здравствуй, веселая королевна.

И этакъ-то всѣ двѣнадцать. Скучно мнѣ стало отъ этакого духа празднословія, я и говорю:

— Ты, Петра Еремѣичъ посиди тутъ,—за шапкой посмотри, а я покуда въ буфетъ пойду,—освѣжусь.

Вышелъ и все думаю:

— Вотъ тебѣ и „духъ же цѣломудрія"... Угодилъ! Въ глазахъ розовыя бедра мелькаютъ. Жену свою вспомнилъ, — честную и праведную, — одни грузди за обѣдомъ всю крестопоклонную ѣла. Дочь невѣста. Мерзавецъ я, думаю, своей души!

Съ икоркой три бутерброда съѣлъ по двадцать пять копѣекъ штука, и пива стакашокъ за двугривенный выпилъ. Ворочаюсь.

Проходятъ опять дьяволицы передъ паренькомъ, бедрами крутятъ.

— Спокойной ночи, нѣжный поэтъ.

— Спокойной ночи, нѣжная королевна.

— Спокойной ночи, отважный поэтъ.

— Спокойной ночи, отважная королевна.

Фу, ты пропасть,—опять на то же самое! Двѣнадцать разъ по одному мѣсту,—хорошо думаю, что ихъ не двадцать четыре.

— Петра, взмолился,—пойдемъ домой. Я, говорю, на той недѣлѣ... Пойдемъ, Петра! Плюнемъ на кошкодавовъ.

Но тутъ ужъ скоро и конецъ подошелъ. Недотыкомка какая-то бѣгала, сѣрая этакая и мутная. Потомъ пареньку король одну дѣвку въ жены отдалъ.

Петра Еремѣичъ сказывалъ—самую веселую. Мнѣ показалось—самую грамотную. А сосѣди еще на двѣнадцать ладовъ прикидывали, — только ужъ мнѣ это совсѣмъ все равно было.

Какъ до низу добрался, такъ духъ перевелъ и, кажись, и не пьянъ былъ, а свою шапку на чужую вымѣнялъ. Однако, такъ скажу,—по дѣломъ вору и мука. Ежели ты купецъ и тебѣ пятьдесятъ стукнуло, — не ходи въ великомъ посту на ночныя плясанія...

Проэктъ всероссійской выставки.

Съ... числа въ Михайловскомъ манежѣ открылась кустарная выставка.

Изъ газетъ.

Обозрѣвши кустарную выставку русскую,
Замѣчаю тенденцію злую и узкую.
По причинамъ плохой информаціи
Здѣсь пропущено то, что составило гордость бы націи.
Получилось бы вовсе иное,
Еслибъ взяли сюда, какъ въ ковчегъ допотопнаго Ноя,
Ото всѣхъ кустарей, незаконно обидимыхъ,—
Семь паръ видимыхъ ихъ экспонатовъ и семь паръ
невидимыхъ.

Напримѣръ, ужъ выставить было бы надо
Перо храбраго капитана Кладо,
Которое чуть-чуть не спасло Россію отъ макаки,
Палку, сломанную съ Буренинымъ въ дракѣ,
Адмирала Небогатова двѣ калоши
(Символъ гуще, чѣмъ они плоше),

Бюсты Пуришкевича, Гамзея и Берга,
Корову, имѣвшую честь поить его превосходительство—
Штакельберга,
И ужъ была бы для націи совсѣмъ обида,
Если забыть паспортъ патріота Шмида,
Не взять двѣ-три истинно-русскихъ резины,
Виды судовъ, погибшихъ отъ собственной мины,
Меньшикова одного-другого автографа,
И портрета Кузмина, всероссійскаго оберъ-порно-
графа...

Ужъ какъ ни вертись, а не пройдешь мимо
Академическаго диплома Горькаго Максима.
Семи японскихъ милліоновъ на поддержаніе революціи
(Смотри Святѣйшаго Синода резолюціи),
Ученыхъ трудовъ кавалериста Теляковскаго,
Вѣрнаго слова графа Витте Каменно-Островскаго,
Проекта булыгинской конституціи,
Гурлянда соловьинаго пѣнія,
Куропаткинскаго доблестнаго терпѣнія,
Побѣдоносныхъ нашихъ корреспонденцій,
Алексѣева токійскихъ резиденцій,
Служителя святого искусства Тумпакова.—
Газетныхъ утокъ господина Худекова.—
Все это, легкое на поминѣ,
Умѣстится въ одной витринѣ...

Хочешь не хочешь, а надо взять въ экспонаты
Дубровина свирѣпые мандаты,

Приказы Стесселя, новаго Демосѳена,
Опереточный громъ преосвященнаго Гермогена,
Булацеля статейки двѣ,—не менѣе,
И Лидваля, извините за выраженіе.
Что ни говори, а надо взять „Балаганчикъ“ Блока,
Факсимиле Гурко, рыцаря безъ страха, но не безъ упрека,
Стихи Вячеслава Иванова подъ Трецьяковскаго,
И собраніе рѣчей депутата Келеповскаго.
Надо выставить видъ монастыря Черменецкаго,
Историческій смокингъ лидера кадетскаго,
Видъ черты осѣдлости съ птичьяго полета,
Два-три хоть шебуевскихъ пулемета
(Что подѣлаешь противъ запрещенія!),
Пять тысячъ пятьсотъ циркуляровъ Главнаго Управленія,
Прилагавшихъ скорпіона къ скорпіону,
Да столько же невидимыхъ по телефону.

Ужъ будетъ публика рада—не рада,
А монаха Иліодора вспомнить надо
И даже демонстрировать его граммофономъ.
Обязательно надо почтить Купчинскаго томомъ
Нашихъ славныхъ героевъ тыла,
Коимъ изъ-за родины собственная жизнь опостыла.
Позабыть про овесъ Дурново прямо было бъ по-свински,
Надо въ рядѣ картинъ показать, какъ живутъ въ Минусинскѣ.
Было дѣломъ бы злого кова
Не выставить рѣзецъ безсребренника Паоло Трубецкого,

Да ужъ кстати и его гиппопотама,
Надо вспомнить Гартинга-Ландезена-Гакельмана,
Господина Азефа, всѣмъ провокаторамъ провокатора,
Гордика экстраординарнаго плагіатора,
Провозвѣстника книжнаго обрѣзанія, Эллиса
Коб—скаго,
И оглоблю рецензента Россовскаго...

А въ послѣдней витринѣ мутное, дремотное,
Станетъ пусть Недотыкомка, модное животное,
Присѣдая съ улыбкой доброй
Передъ Гиппіусъ, первой русской коброй.

Пятна на солнцѣ.

(Критическій шаржъ).

I.

...Мы сидѣли втроемъ, — литературный скептикъ Діодоръ Діодорычъ, я и одна начинающая дама-писательница.

Къ слову сказать, престранный повелся у насъ обычай именовать женщинъ, занимающихся литературой, дамами-писательницами. Помнится, покойная К. В. Назарьева, одна изъ самыхъ раннихъ и энергичнѣйшихъ у насъ піонерокъ этого неблагодарнаго ремесла, всегда жестоко обижалась на этотъ титулъ и горячо противъ него протестовала.

— Неужели вы не чувствуете, что это названіе звучитъ ироніей? Развѣ одно простое слово „писательница“ не говоритъ уже о томъ, что рѣчь идетъ о женщинѣ? Развѣ можетъ быть мужчина-писательница? И вѣдь не говорятъ же — мужчина-писатель, потому что ясно, что если писатель, то не женщина. Кто-то иронически пустилъ это прозвище, а его приняли въ серьезъ

и употребляютъ въ серьезъ, не чувствуя, что это оскорбляетъ...

Итакъ, мы и одна изъ дамъ-писательницъ, которыхъ было бы разумнѣе называть просто писательницами, сидѣли и бесѣдовали по поводу одной изъ недавнихъ критическихъ статей, въ которой, по заведенному у насъ обыкновенію, критикъ перекусывалъ пополамъ своего сослуживца по литературному вѣдомству, пуская въ ходъ весь арсеналъ ядовитыхъ словъ, какія только позволялъ ему говорить его дѣвичій стыдъ, „что иного словца и сказать не велитъ".

Начинающая писательница была въ священномъ трепетѣ и говорила, что критики такого высокаго давленія, пожалуй, и никто изъ пишущей братіи не выдержитъ, и сослалась на то, какъ какой-то неистовый критикъ низвелъ къ нулю даже знаменитое пушкинское „Зима. Крестьянинъ, торжествуя..."

— Торжествовать нечего, а лучше бы подати платилъ,—какъ говоритъ какой-то герой у Чехова. Да и какое зимой крестьянину торжество? Одна грусть! Лошадка плетется рысью *какъ-нибудь*, именно потому, что это „какъ-нибудь" понадобилось для риѳмы къ слову „путь". И плетется „рысью" можно понять—плетется „какъ рысь", какъ кстати и перевелъ какой-то изъ нѣмецкихъ переводчиковъ. А наконецъ, что это за слащавое нагроможденіе уменьшительныхъ именъ,—лошадка, облучекъ, мальчикъ, пальчикъ — точно стихотвореніе для Ишимовской „Звѣздочки..."

II.

Начинающей писательницѣ казалось, что если такъ нельзя судить Пушкина, то ужъ никакъ нельзя примѣнять такой марки къ обыкновенному смертному. Она заявила, что къ маленькому писателю и критикъ, и редакторъ, и публика, должны относиться толерантнѣе и привела въ примѣръ одного из современныхъ редакторовъ толстыхъ журналовъ, который именно по отношенію къ ней проявилъ такую терпимость. Послала она ему на отзывъ рукопись повѣсти. Половину переписывала она сама, половину переписчица, и въ первой части героиня называлась Соней, а во второй Лизой.

— Представьте,—мило улыбаясь, сказала дама,—какъ онъ оказался внимателенъ и любезенъ! Во всей второй половинѣ онъ у меня надъ словомъ „Лиза" вездѣ написалъ „Соня". Такъ, знаете, слегка карандашикомъ... Повѣсть онъ не взялъ, но я зато вижу, что онъ ее прочиталъ...

Я вспомнилъ и разсказалъ, какъ недавно читалъ въ разсказѣ одного очень популярнаго беллетриста о дѣвочкѣ съ черными глазами, которая черезъ нѣсколько страницъ послѣ сообщенія этой подробности о глазахъ, смотрѣла въ окно своими „наивными голубыми глазами".

— Что же вы изъ этого заключаете?—освѣдомился Діодоръ Діодорычъ.

— Тутъ выводъ только одинъ. Значитъ, современные беллетристы, когда пишутъ картину или лицо,

картины этой или лица сами не видятъ. У настоящаго художника героини не будутъ съ разными глазами.

— Но, вѣдь, еще Горацій сказалъ, что quandoque bonus dormitat Homerus, что по нашему можно передать пословицей „на всякаго мудреца довольно простоты“. Я говорю, конечно, не о такихъ антикахъ, какъ горе-поэтъ, прославленный Пушкинымъ Хвостовъ, у котораго все шиворотъ-навыворотъ. По извѣстному закону оптики предметы кажутся меньше издали. У него въ притчѣ „Двое прохожихъ“ сперва видятъ тучу, потомъ гору, потомъ различаютъ кучу. У него оселъ лѣзетъ на рябину и хватается за дерево крѣпкими лапами, голубь „разгрызаетъ зубами“ узелки, ужъ становится на колѣни, рыбакъ, плывя по рѣкѣ, стрѣляетъ лисицу. Нѣтъ, если присмотрѣться внимательнѣй, можно усмотрѣть и среди корифеевъ—дремлющихъ Гомеровъ. Старые писатели хвалились, что они всегда писали свои романы по календарю. Но такъ какъ всѣ врутъ календари, то иногда ошибки оказывались и у романистовъ.

III.

Мы всѣ привыкли къ отрицанію и скепсису Діодора Діодорыча, и писательница выразила удивленіе по тому поводу, что видитъ его въ рядахъ защитниковъ современности.

— Если хотите, я и сейчасъ въ своей роли,—возразилъ нашъ собесѣдникъ,—ибо не столько защищаю

современность, сколько порицаю прошлое. И чтобы найти на солнцѣ пятна, вовсе не нужно пускаться въ педантическую критику. Въ старину, напримѣръ, одинъ критикъ по поводу прелестной „Тамары“ Лермонтова издѣвался надъ строками: „На голосъ невидимой пэри шелъ воинъ, купецъ и пастухъ“. „—А по какой причинѣ,—вопрошалъ онъ,—столь несправедливо обойдены гражданскіе чиновники?“... Такъ, конечно, можно свести на нѣтъ кого угодно, но, что вы скажете, напримѣръ, о разъѣздахъ Павла Ивановича Чичикова лѣтомъ въ шубѣ?

— Какъ въ шубѣ? — воскликнули мы въ одинъ голосъ.

Діодоръ Діодорычъ съ добродушной улыбкой протянулъ руку къ книжной этажеркѣ и взялъ томикъ Гоголя.

— Разслѣдуемъ. Чичиковъ ѣздитъ на своей благопріобрѣтенной бричкѣ,—стало быть, это не зима. Когда онъ ѣдеть къ Манилову, бричка его „съ громомъ“ выѣзжаетъ изъ воротъ гостиницы и потомъ „прыгаетъ по камнямъ“,—стало быть, ѣдетъ онъ не по снѣгу. Въ Маниловкѣ Чичиковъ видитъ гору, одѣтую „подстриженнымъ дерномъ“, и клумбы „съ кустами сиреней и желтыхъ акацій“. Прудъ покрытъ зеленью, и двѣ бабы, „картинно подобравши платья и подтыкавшись со всѣхъ сторонъ, бредутъ по колѣно въ прудѣ, влача изорванный бредень“. Опять не похоже на зиму. Самъ хозяинъ встрѣчаетъ гостей на крыльцѣ „въ зеленомъ шалоновомъ сюртукѣ“. По дорогѣ къ Коробочкѣ „зарядилъ“ дождь, и „на дорогѣ пыль замѣсилась въ грязь“, а

когда Чичиковъ спалъ у Настасьи Петровны, его безпокоили мухи. „Одна сѣла ему на губу, другая на ухо, третья норовила, какъ бы усѣсться на самый носъ"... У Ноздрева онъ идетъ полями,—тѣми самыми, на которыхъ хозяинъ нѣкогда поймалъ одного зайца руками за заднія ноги, и поля эти „взборонены". У Плюшкина онъ видитъ въ воздухѣ „трепетолистные купола соединенныхъ вершинъ деревьевъ. Согласитесь, если это не знойное лѣто, то вѣдь, во всякомъ ужъ случаѣ, не зима и даже не осень?

Мы должны были согласиться.

— А между тѣмъ всюду,—продолжалъ нашъ критикъ,—герой Гоголя разъѣзжаетъ въ „шинели на большихъ медвѣдяхъ", и, въ частности, въ гражданскую палату для заключенія своихъ купчихъ идетъ, „таща на плечахъ медвѣдя, крытаго коричневымъ сукномъ". Да и Манилова встрѣчаетъ онъ здѣсь тоже „въ медвѣдяхъ", и даже въ тепломъ картузѣ съ ушами. Скажите, какъ бы вы посмотрѣли на людей, которые бы вышли въ шубахъ на улицу въ ту пору, когда бабы въ бродъ пруды переходятъ? Не будетъ ли это немножко жарко?

— Пожалуй,—согласились мы,—но если это недочетъ, то вѣроятно, совершенно исключительный во всей нашей литературѣ.

IV.

— Ну, не совсѣмъ,—возразилъ Діодоръ Діодорычъ, ставя книгу на мѣсто и вынимая новую.—Повторяю,

и у стариковъ иногда хромалъ календарь, и это можно было бы часто прослѣдить, лишь было бы охоты. Былъ у меня знакомый дьяконъ, „одолжался" у меня книгами. Взялъ разъ „Юрія Милославскаго", но на другой же день пришелъ — и возвращаетъ романъ съ неудовольствіемъ.

— Что же такъ? Неужели не понравилось?

— Да что, говоритъ, — „Сочиненіе!" — И рукой махнулъ.

— Конечно, сочиненіе. А вы чего жъ бы хотѣли? Всякая книга — сочиненіе.

— Да ужъ вретъ-то очень нечисто, — отвѣчаетъ. — Бѣлыя нитки видно. Прочиталъ пять главъ да и бросилъ.

— Въ чемъ же, однако, дѣло?

— Да вотъ этотъ самый жареный гусь, которымъ, помните, Юрій Милославскій чуть не на смерть запотчивалъ польскаго пана. Все изъ-за него. Развѣ могъ онъ оказаться у русскаго боярина?

— А почему же нѣтъ?

— Да, помилуйте, вѣдь постъ же былъ! — и дьяконъ даже покраснѣлъ отъ досады на мою непонятливость. Тутъ и я злиться началъ.

— Чертъ возьми, но почему же вы думаете, что непремѣнно постъ?

— А потому что — читайте. „*Въ началѣ апрѣля 1612 года* два всадника медленно пробирались по берегу луговой стороны Волги". Извольте видѣть: *въ началѣ*, т. е. такъ скажемъ, въ первыхъ числахъ, ну, отъ 1-го по 10-е. Такъ я говорю?

— Ну, такъ. Но вѣдь не сказано же тутъ ни слова про постъ!

— Позвольте-съ. Итакъ, по десятое отъ перваго. (Дьяконъ загнулъ палецъ такъ рѣшительно, точно хотѣлъ его отломить). Пасха же въ 1612 году была 12 апрѣля...

— Это такъ тамъ, въ романѣ, написано?

— Вовсе тамъ этого не написано, но я справился.

— Справились? Въ календарѣ? Не полѣнились? — засмѣялся я.

— Ну, да. И ужъ это точно. И возьмите же теперь во вниманіе. Ѣдутъ они, значитъ, если не на страстной, то, во всякомъ случаѣ, въ великомъ посту и, извольте видѣть, жаренаго гуся съ собой везутъ. Вотъ тебѣ и древняя благочестивая Русь! Благочестивый бояринъ на страстной гусемъ лакомится! А потомъ у Кручины-Шалонскаго свадьба была. Какой это попъ на свѣтлой недѣлѣ вѣнчать станетъ? Нѣтъ, ужъ вы возьмите господина Загоскина себѣ. Поклепалъ онъ на стариковъ...

Далъ ему „Князя Серебрянаго". — „Тутъ ужъ, говорю, — навѣрно все по календарю. Что-жъ, вы думаете? Пришелъ тѣмъ же вечеромъ.

— Оставьте, говоритъ. — Мнѣ такого не нужно.

— Опять на томъ же мѣстѣ?!

— Опять!

Въ самомъ дѣлѣ, оказывается, 25 іюня былъ пиръ у Грознаго, въ Александровской слободѣ. Опричники ѣли холодное мясо, кислое молоко, лебедей, зайцевъ,

перепеловъ, жаворонковъ. А былъ... Петровъ постъ, ибо Пасха въ 1565 г. (опять высчиталъ!!) случилась 22 апрѣля.

Убилъ! Этакій вѣдь Натъ Пинкертонъ! Что тутъ возразить! Приходилось согласиться. Да, не по календарю! „Вамъ бы, говорю, отецъ дьяконъ, не „паки и паки“ возглашать, а судебнымъ слѣдователемъ быть...“

V.

Не менѣе иногда даже у старыхъ писателей, страдали ботаника, зоологія, правда жизни и синтаксисъ. Оставимъ Гоголя и возьмемъ тургеневскую „Смерть“. Однажды Тургеневъ шелъ по лѣсу и увидѣлъ, какъ въ лѣсу „въ травѣ, около высокихъ муравейниковъ, подъ легкой тѣнью вырѣзныхъ, красивыхъ листьевъ папоротника, цвѣли фіалки и ландыши, росли сыроѣжки, волвянки, грузди, дубовики, красные мухоморы“, а „на лужайкахъ алѣла земляника“. Покажите это мѣсто ботанику и освѣдомьтесь, сколько бы онъ вамъ поставилъ, если бы вы въ качествѣ экзаменуемаго сказали ему, что папоротникъ, фіалки, ландыши, грузди и земляника могутъ расти въ одно время.

Мы видѣли, что Діодоръ Діодорычъ осѣдлалъ своего коня, и вмѣсто возраженій только улыбнулись и промолвили:

— Продолжайте.

— Продолжимъ. У того же Тургенева въ „Степномъ королѣ Лирѣ“ дьячекъ раздуваетъ паникадило, что

совершенно невозможно, ибо церковная лампада не имѣетъ ничего общаго съ кадиломъ. У Лермонтова „Терекъ прыгаетъ, какъ львица, съ косматой гривой на хребтѣ“, а между тѣмъ, сколько извѣстно, львица именно и отличается отъ льва отсутствіемъ гривы. Алексѣя Толстого неимовѣрно услаждалъ „въ небѣ крикъ орлиныхъ стай, волчій голосъ въ полѣ“, а на бѣду поэта, какъ разъ, особенность орловъ, что они никогда не летаютъ стаями. Гордая птица и любитъ надменное одиночество, — что съ ней подѣлаешь!.. У Некрасова въ „Уныніи“ лошади сходятся подъ „дымъ костра, спасающій отъ *осъ*“, и поэтъ наблюдаетъ „жестокій пиръ шмелей“. „Алѣла бугорками по всей спинѣ, усыпанной *шмелями*, густая кровь“. Не обрадовали бы вы этимъ естественника, ибо на лошадяхъ паразитируетъ не оса и не шмель, а *оводъ*, — hypoderma bovis. „Два съ минусомъ!“ какъ сказалъ бы педагогъ изъ чеховскихъ „Трехъ сестеръ“. Впрочемъ, у того же поэта есть грѣхи и не противъ одной зоологіи. Какъ вы полагаете, должно сказаться сальтомортале, ну, хоть... съ вершины Алтая? Пожалуй, и костей не соберешь, а княжнѣ Волконской такой скачекъ хоть бы что. „А ночью ямщикъ не сдержалъ лошадей, — гора была страшно крутая, и я полетѣла съ кибиткой моей съ высокой вершины Алтая“... У того же Некрасова въ „Ѣду ли ночью“ несчастная чета чуть не умираетъ съ голоду. Ребенокъ уже умеръ, — очевидно, отъ истощенія. Несчастной женщинѣ ничего не остается болѣе, какъ идти на улицу и продать себя. И она идетъ и продаетъ

себя, „принарядившись какъ будто къ вѣнцу“. Но если у нея еще было нарядное платье, почему бы его не продать прежде, чѣмъ идти на улицу? У Надсона въ „Мечтахъ королевы“ героиня стремится къ прекрасному пажу. Въ душной нишѣ окна стоитъ королева и мечтаетъ о юношѣ. „О, ты знаешь, съ какимъ бы блаженствомъ *всѣхъ ихъ я тебѣ одному* предпочла“ Читаютъ у насъ юноши этого юношу-поэта въ засосъ. „Мечту королевы“ любая курсистка наизусть знаетъ. То и дѣло подаютъ ее на литературныхъ вечерахъ съ эстрады, а что королева зарапортовалась и говоритъ совсѣмъ не то, что хотѣла бы сказать, точно никому и невдомекъ. Не всѣхъ ихъ—тебѣ одному, а ужъ, конечно, *тебя одного всѣмъ имъ*,—иначе и мечтать не о чемъ. У дѣдушки Крылова „медвѣдя звѣри изловили“ и дѣлятъ его, и заяцъ выпрашиваетъ у нихъ для себя клочекъ его ушка. Но заяцъ—травоядное и, скажите на милость, зачѣмъ ему медвѣжье ушко? А если взять писателей нынѣшняго вѣка, то при спѣшности ихъ работы, имъ, конечно, недосугъ все взвѣсить. У одного автора очень почтенной извѣстности есть описаніе свадьбы въ монастырѣ. На самомъ дѣлѣ у насъ этого не бывало съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ русская земля. У другого, тоже почтеннаго автора, герой дважды снимаетъ шубу.

— То есть?

— То есть, сказано такъ: „Онъ быстро вошелъ въ подъѣздъ и сбросилъ своего енота на руки толстаго швейцара“. А потомъ, когда ужъ онъ поднялся въ чет-

вертый этажъ, „подскочившая горничная ловко приняла его шубу“.

VI.

— Но если такъ критиковать,—воскликнула писательница,—то нужно произнести приговоръ, вѣроятно, надъ всѣми авторами, кромѣ Гончарова, который точилъ свою фразу, какъ точатъ слоновую кость...

— Однако, и Гончаровъ иногда дремлетъ,—улыбнулся Діодоръ Діодорычъ.

— То есть?

— А развѣ вы не помните, какъ однажды у него Обломовъ улегся на только что выкуренную трубку?

И такъ какъ мы оба недоумѣвали, нашъ собесѣдникъ опять протянулъ руку къ этажеркѣ и раскрылъ Гончарова.

— Вотъ первая часть „Обломова“, четвертая страница, описаніе квартиры Обломова. „Если бъ не эта тарелка да не прислоненная къ постели только что выкуренная *трубка*, или не самъ хозяинъ, лежащій *на ней*,—то можно было бы подумать, что тутъ никто не живетъ“. Позвольте васъ спросить, гдѣ лежалъ Обломовъ, если слѣдовать правиламъ принятаго синтаксиса и признавать, что указательное мѣстоименіе всегда согласуется съ послѣднимъ изъ стоящихъ передъ нимъ существительныхъ того же рода? На постели или на трубкѣ?

Литературный скептикъ оглядѣлъ насъ побѣдонос-

нымъ взоромъ. Пишущая дама вздохнула и уронила замѣчаніе, что теперь она чувствуетъ себя бодрѣе, а я невольно вспомнилъ одну хорошенькую поэмку Майкова. Появилась въ Римѣ въ мастерскихъ натурщица Маріэтта изъ Альбано, чудной красоты, сводившая съ ума всѣхъ художниковъ Рима. „За Мадоннъ ея портреты почиталися въ церквахъ“, „а въ стихахъ ее равняли и къ богинямъ, и къ святымъ“. Пріѣхалъ въ Римъ графъ, меценатъ и археологъ, — спеціально взглянуть на красавицу. Пришли цѣнители и застаютъ поэтичнѣйшую картину. У яслей Маріетта качаетъ ребенка и, приложивъ пальчикъ къ губамъ, дѣлаетъ знакъ вошедшимъ—„не будить!“ Одинъ восторгъ и очарованіе! Моделью бы ей быть для Рафаэля! „Виѳлеемское тутъ было, что-то райское кругомъ!“ Но графъ археологъ—и, очевидно, архиолухъ,—остался серьезенъ и потомъ оказался прямо разочарованнымъ. Недурно-то недурно, но—„три веснушки на вискѣ!“ А потомъ поэтъ встрѣтилъ его въ Ватиканѣ. Ходитъ судья и критикуетъ. „Поглядитъ — и въ каталогѣ отмѣчаетъ мысли вслухъ: „Торсъ коротокъ!“ — „Жидки ноги“ (Аполлонъ-то!..) „Профиль сухъ!..“ И дивясь его сужденьямъ, почитателей кружокъ повторяетъ съ умиленьемъ: „вотъ такъ критикъ! вотъ знатокъ!“

— Вотъ и вы, Діодоръ Діодоровичъ, такой же цѣнитель. Но Маріэтты нашей литературы могутъ спать спокойно, — мы ихъ въ микроскопъ разсматривать не будемъ...

— И что бы вы, если бы захотѣли, могли сдѣлать

изъ насъ грѣшныхъ!—кокетливо протянула писательница.

— О, это лакомое блюдо,—согласился Діодоръ Діодоровичъ,—и какъ-нибудь на досугѣ этимъ дѣломъ можно и слѣдуетъ заняться...

Послѣдышъ.

(Не изъ некрасовскихъ рукописей).

I.

...Нежданно и негаданно,
Какъ громъ съ небесъ безоблачныхъ,
Страны страданьемъ купленный,
Слезой народной вымоленъ,—
Вдругъ грянулъ манифестъ.
Въ осеннемъ свѣжемъ воздухѣ,
Безтрепетный и дерзостный,
Сверкнулъ подъ солнцемъ радостнымъ
Свободы красный флагъ...
Въ ту ночь какъ бы предчувствіе
Витало въ спальной сумрачной
Цензурнаго чиновника,
Дѣйствительнаго статскаго,
Увара Венедиктыча,
По прозвищу—Удавъ.
Всю ночь Удавъ ворочался.
Кошмарныя мерещились

Ему три крысы рыжія,
Придутъ къ нему, понюхаютъ
И прочь идутъ, зловѣщія.
Глаза, какъ шила острыя,
Хвосты поникли внизъ.
Удавъ три раза вскакивалъ,
По спальной шлепалъ туфлями,
Будилъ жену съ прислугою,
Пилъ бромъ и валерьянъ.
Наутро все открылося,
Какъ подали за кофеемъ
Съ печеньемъ и тартинками
Газеты старику.
Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ"
Прочелъ Удавъ жестокія,
Нежданныя слова.
— „Благоугодно было намъ
Отнынѣ населенію
Свободы—слова, личности,
Союзовъ и собранія
Навѣки даровать".

II.

Какъ бы долбней тяжелою
Удава по лбу стукнуло.
Ослабли руки мощныя,
Что каждый день безтрепетно
Однимъ лишь мановеніемъ

Писали смертный приговоръ
Писательскимъ трудамъ.
„Цензура упраздняется!“—
Какъ огненными буквами
Пронзило мозгъ чиновничій.—
„На половинной пенсіи
Съ „квартирными“ такими-то
Отнынѣ отчисляется
Уваръ Удавъ взаштатъ“.
Какъ кровь тюленья бурая,
Изъ горла кофей вылился,
Салфетку бѣлоснѣжную,
Халатъ бухарскій выпачкалъ...
Глаза вдругъ стали мутными,
Нога, рука запрыгали,
Какъ у Петрушки сельскаго.
Весь корпусъ цензоръ вытянулъ
И глухо захрипѣлъ...

III.

Проснулась жизнь, очнулася,
Играетъ, какъ шампанское.
По площадямъ, по улицамъ
Толпятся люди кучами,
Расхаживаютъ съ флагами,
Поютъ: „Впередъ, впередъ!“
Для оживленія вящщаго
Картины этой праздничной
Патрули ходятъ съ ружьями,

Казаки ѣздятъ конные.
Въ парадной формѣ, съ ружьями,
Весь сонмъ городовыхъ.
На дальнихъ на окраинахъ,
Должно быть, ради праздника
Изъ ружей слышны выстрѣлы,
Какъ въ Пасху въ деревняхъ...
А въ „Главномъ управленіи“
И въ „Комитетѣ“ цензорскомъ
Царитъ тоска-унынiе
И жуткій полусонъ.
Въ пріемной запустѣніе.
Хотя бы насмѣхъ кто-нибудь
Принесъ на судъ изданіе.
Въ прихожей выданъ сторожу
За всю недѣлю цѣлую
Лишь гривенникъ на чай.
Курьеры бродятъ тѣнями
Вздыхаютъ, какъ на кладбищѣ.
—„Курьера дѣло плевое,
А каково дѣйствительнымъ,—
Удаву, Дыбѣ, Ястребу,
Вралевичу, Бралевичу
И Соловью-Разбойнику,
И прочимъ цензорамъ!
Съ балованными женами,
Съ внушительными семьями,
Съ привычкой ихней барскою—
Не сѣявши, сбирать...“.

IV.

Изъ „Главнаго Правленія“
Курьеръ съ бѣльмомъ и лысиной
Пришелъ и всю исторію
Удава разсказалъ.
— „Хватилъ Кондрашка стараго,
Расшибъ мозги великіе!
Меня, холопа вѣрнаго,
Ея Превосходительство
Къ одру Удава, въ спаленку,
Съ собою провела.
Лежитъ въ постели батюшка,
Хрипитъ. Величья прежняго
Исчезъ послѣдній слѣдъ.
Сидитъ при емъ печальная
Сестрица милосердная,
Въ глаза глядитъ стеклянные,
Имъ ручку подвернетъ.
Отъ главнаго начальника,
Въ виду ихъ состоянія,
Уже отставка прислана,—
Похеренъ человѣкъ!..
Тутъ генеральша добрая
Невольно прослезилася,
И я на ручку ейную
Слезинку уронилъ...“
... Еще унылѣй, сумрачнѣй
Въ цензурномъ управленіи...

Угрюмы лица сѣрыя,
Шкафы безмолвны пыльные.
Не глянетъ въ окна солнышко...
Входнàя дверь на улицу
Заржавѣла,—скрипитъ...

V.

Лишь черезъ три дня долгіе
Подъ ласку генеральшину,
Подъ специи аптечныя,
Откашлялся, опомнился,
Очухался Удавъ.
„Блюдите мужа вашего!“
Врачи зловѣще каркаютъ.—
Скрывайте непріятности
Мал-лѣйшее волненіе,
И—старику капутъ!..“
— Что? Гдѣ я?—Цензоръ вымолвилъ,
Собравшись съ прежней силою.—
„Недурно же я выспался.
А что же здѣсь не вижу я
Ни корректуръ, ни рапортовъ?
Собрать всѣ книги новыя,
Что мнѣ на отзывъ присланы!..
Халатъ, очки подайте мнѣ
И красный карандашъ!..“

Смутитъ такая реплика
Спинозу съ Аристотелемъ,
Да женскій умъ пронырливый
Жену Удава выручилъ.
Сыскала гранки старыя,
Еще до-манифестныя,
Журналовъ книжки свѣжія,
Задачникъ Евтушевскаго,
Что малышу послѣднему
 Купила лишь на-дняхъ,—
Собрала и, охабкою
Сложивъ на спальномъ столикѣ,
Спокойнымъ, ровнымъ голосомъ
 Рѣчь къ мужу повела:
— „Ну, службой Богъ взыскалъ тебя!
Дня два дѣла не дѣланы,
Гора изъ нихъ повыросла!..
Уварушка, не мучь себя,
 Побереги для насъ.
Была минута,—чаяла,
Добился мужъ мой отдыха.
Да стало все по-прежнему:
 Отмѣненъ манифестъ.
Опять цензура дѣйствуетъ,
Опять тебѣ волненія!..
Опять курьеры шляются,
Наносятъ гранки грудами,
И съ каждымъ днемъ все множится,
 Все сыплетъ книжный дождь!..

VI.

Воскресъ Удавъ. Двѣ искорки
Въ глазахъ погасшихъ вспыхнули.
Не кровь,—коньякъ по жилочкамъ
Бѣжитъ, юлитъ, что ртуть...
Въ злорадную улыбочку
Лицо его сложилося.
По кучѣ гранокъ старенькихъ
Ладонь его захлопала...
Окрѣпшимъ зычнымъ голосомъ
Тутъ цензоръ закричалъ:
— „А, свѣтики любезные,
Попались, наигралися!..
„Долой цензуру глупую!"
Игра была чудесная,—
Жаль, вѣку не далъ Богъ!
Мышата долгохвостые!
Кота похоронили вы,
Съ блинами тризну справили,—
А котъ-то живъ онъ, вотъ!
Схвачу васъ лапкой бархатной,
Зажму зубами крѣпкими,
Напомню я вамъ времячко,
Какъ мы такихъ судариковъ,
За-ка-ты-ва-ли въ Во-ло-гду,
Въ Вилюйскъ и въ Ми-ну-синскъ!..."
Удавъ притопнулъ ноженькой,
Отбросилъ гранки въ сторону,
И тотчасъ по задачнику

Кровавый и убійственный
 Забѣгалъ карандашъ.
 — „Понеже въ семъ учебникѣ
Нарушены такая-то
И сто двадцать девятая
 И прочія статьи,
И явно въ немъ усмотрѣна
Тенденція преступная
Къ сужденьямъ порицательнымъ
 Законовъ основныхъ,—
Я властію, мнѣ данною,
Сіе изданье вредное
Предписываю полностью
 Въ числѣ трехъ тысячъ сжечь.
А зла сего виновника,
Магистра математики,
Василья Евтушевскаго,
Судивъ судомъ безъ жалости
 Военно-полевымъ,—
Въ примѣръ и обузданіе
Подобныхъ же писателей
Малининыхъ, Бурениныхъ,
Орлова, Иловайскаго,—
 Со-слать въ На-рым-скій край!..“
„Ха-ха“!... По заламъ сумрачнымъ,
Какъ хохотъ Мефистофеля,
Удава смѣхъ разносится,
А глазъ ужъ грозно косится
 На груду корректуръ...

VII.

Съ тѣхъ поръ царитъ спокойствіе
Въ сердцахъ семьи Удавовой.
По уговору съ барыней,
Врачемъ ему „предписано“
Не ѣздить въ засѣданія
        Въ цензурный комитетъ.
Удавъ все дома дѣлаетъ.
Женой его подкупленный,
Курьеръ съ бѣльмомъ и лысиной
Изъ Главнаго Правленія
Приноситъ утромъ кучею
Изъ ближней типографіи
        Дефектные листы.
Газетчикъ, по условію,
Несетъ газеты новыя,
„Страну“ и съ ней „Товарища“,
И „Свѣтъ“ и „Знамя Русское“,
Ихъ ручка генеральшина
        Удаву подаетъ.
Надъ типографской залежью
Удавъ весь день куражится.
Мараетъ главы цѣлыя,
Чернила льетъ потоками,
        Ломаетъ карандашъ.
Захеритъ въ Катехизисѣ
Главу „Седьмая заповѣдь“
(„Дѣтямъ неназидательно!“),

Въ задачникѣ Малинина
Мараетъ слово „дробь".
(„Понеже вѣдь не всякому
Дано градоначальникомъ
Свидѣтельство потребное")
Крестами поисчерчены
Всѣ сплошь листы печатные.
Схвативъ газету, бѣгаетъ
По комнатамъ Удавъ.
Кричитъ, ногами топаетъ,
Слюной сердитой брызгаетъ,
Куражится, бахвалится,
Смотрѣть—и смѣхъ, и грѣхъ!
— „Какой кануперъ, бестіи,
Мечтали бросить въ публику!
Да зорко око цензора,—
Шалишь, шалишь, шалишь!..
Не выпускаю номера!..
Толкайся къ предсѣдателю,
Иди къ министру, жалуйся,
Терзайся, сукинъ сынъ!".
А самъ того не вѣдаетъ,
Что та газетка самая
Съ утра уже газетчикомъ
Распродана до тла...

VIII.

Смутили нравы новые
Цензурное правленіе...

Курьеровъ лица сумрачны,
Швейцары бродятъ тѣнями.
Всѣ ждутъ-пождутъ съ тревогою,
Что новый день несетъ.
Не глянетъ въ окна солнышко, —
Уваръ лишь Венедиктовичъ
Счастливъ и духомъ сытъ.
День каждый новой радостью
Даритъ его безъ устали.
Смѣшной и жалкій, носится
Изъ спальной онъ въ столовую,
Изъ дѣтской въ кабинетъ.
Кичится силой мнимою,
Графиты точитъ красные,
Фуксинъ разводитъ банками,
Кипитъ, кричитъ, грозитъ...
А ужъ на крыльяхъ вѣчности
Несется время новое,
Великое, свободное,
Какъ лава, безудержное...
Не вѣкъ тебѣ куражиться,
Послѣдній могиканъ!

Исторія русской лирики
отъ
Тредьяковскаго до Кузмина.

(Наглядное пособіе для изученія россійской словесности).

1750 годъ.

Любовь ложно-классическая.—Школа Тредьяковскаго *).

Купидъ твоихъ ланитахъ на
Устъ томныхъ поцѣлуй слагаетъ.
Вонь розъ, тюлиповъ и вина
Твоей передъ воней стихаетъ.
Въ твой зракъ воззрѣвъ, о, Лисавета,
Во прахъ мечусь предъ зракомъ свѣта.

1800 годъ.

Любовь сентиментальная.—Школа Карамзина.

Прелесту видѣлъ я въ несчастьи въ цвѣтѣ лѣтъ,
Надъ мертвымъ мотылькомъ склонясь, она рыдала.

---

*) Всѣ предлагаемые отрывки—пародіи. Авторъ предпочелъ пародіи и для старыхъ писателей въ интересахъ большей наглядности.

И, воздохнувъ, сказалъ поэтъ:
„О, сколь чувствительность красѣ Прелестъ при-
стала!“

1810 годъ.

Любовь романтическая.— Школа нѣмецкихъ вліяній и Жуковскаго.

На кладбищѣ, средь тѣней,
Домъ зрю одинокой.
Тамъ прильну къ рукѣ твоей
Въ радости глубокой.
Тамъ подъ пепломъ многихъ лѣтъ
Вспыхнетъ моя младость...
О, очей небесныхъ свѣтъ!
О, улыбки сладость!..

Примѣчаніе цензора. Стихотворцу поставляется на видъ, что небесныя очи могутъ быть токмо у херувимовъ и серафимовъ. Прилагать сіе къ земной прелестницѣ есть оскорбленіе чиновъ ангельскихъ. Вмѣсто *небесныхъ* печатать *грѣховныхъ*. Стихи вообще чрезвычайно сладострастные.

1825 годъ.

Пушкинская школа.

Я помню чудное мгновенье...

1860 годъ.

Любовь къ женщинѣ-гражданкѣ.—Некрасовская школа.

Нѣтъ, не той, что у моря лазурнаго
Изнывая отъ счастія бурнаго,
Утопала въ блаженствѣ страстей—
Съ бонвиванами, знатью, военщиной,—
Мы иною плѣняемся женщиной
Въ тяжкомъ нимбѣ терновыхъ вѣтвей,
Что копытами топтана конскими,
Уходила въ Сибирь за Волконскими,
Населяла глухой казематъ,
Что лѣчила якута свирѣпаго,
Чья рука поднималась на Трепова
И за подвигъ не ждала наградъ...

Примѣчаніе цензора. Въ силу циркуляра за № 6666, всякое упоминаніе о дѣлѣ Засуличъ въ печати возбранено, кольми паче преступно восхваленіе декабристовъ. Почитаю непристойнымъ и намекъ на студенческую исторію у Казанскаго собора („копытами конскими“). Строки о бонвиванахъ, знати и—по непристойному выраженію стихотворца—„военщинѣ“ содержатъ злонамѣренное возбужденіе противъ привилегированныхъ сословій и арміи.

Оставивъ три первыя строки, замѣнить остальныя, яко вредныя, точками. Автору явиться въ главное управленіе по дѣламъ печати.

Помѣтка министра. Срочную справку о благонадежности.

Помѣтка въ департаментѣ полиціи. Уже высланъ подъ гласный надзоръ въ Усть-Сысольскъ.

1860 годъ.

Любовь идеальная.—Надсоновская школа.

Какое блаженство надъ книгой раскрытой,
Подъ пѣснь соловья въ задремавшемъ саду,
Склониться вдвоемъ съ молодою подругой,
Забыться отъ жизни въ блаженномъ чаду.
И съ юной головкою слиться мечтами,
И плакать, и рваться съ земли роковой,
Изъ царства Ваала къ лучамъ идеала,
Въ сверкающій міръ красоты вѣковой.

1890 годъ.

Любовь непосредственная.—Эпоха Фофанова.

Деревья, какъ причастницы,
Лепечутъ зачарованы...
Душа моя привѣтами
Весенними взволнована.
Къ тебѣ, моя прекрасная,
Къ тебѣ моя желанная,
Какъ дымъ кадилъ, возносится
Мечта благоуханная.

Улитка на шиповникѣ
Во снѣ шевелитъ рожками,
И ходятъ въ полѣ ландыши
Промоченными ножками...

1900 годъ.

Любовь инфернальная.

Мы съ тобой сплетемся въ забытьи...
. . . .
Я увижу волны, блескъ зари,
Рыбъ морскихъ чуть дышащія жабры.

Бальмонтъ, „Будемъ, какъ солнце“.

Хочу быть смѣлымъ, хочу быть храбрымъ,
Любви примѣры иной явить.
Хочу лобзать я у женщинъ жабры,
Съ тигрицей хищной блаженство пить.

* * *

Люблю протяжность я ласкъ суккуба,
Къ объятьямъ юныхъ колдуній слабъ.
Давайте мертвыхъ! Къ нимъ страсть сугуба!
Химеръ нотръ-дамскихъ и черныхъ жабъ!

* * *

Мнѣ опостыли тѣла людскія, —
Хочу русалокъ изъ безднъ морскихъ...
О, прячьте кошекъ! Я весь стихія!..
Я самъ не властенъ въ страстяхъ своихъ!..

1902 годъ.

Любовь экзотическая.

Я взойду при первомъ днѣ
Хохотать къ зубцамъ, на выси,
И на смѣхъ завторятъ мнѣ
Неумолчнымъ смѣхомъ рыси...
Повлекутъ меня съ собой
Къ играмъ рыжіе Силены.
Мы натѣшимся съ козой,
Гдѣ лужайку сжали стѣны.
Всѣмъ настанетъ череда
Выпить острый сокъ услады.
Лица скроютъ отъ стыда
Въ чащахъ бѣлыя дріады.

Вал. Брюсовъ.

Я съ разсвѣтомъ привскочу
На иглу адмиралтейства,
Я мандрилла захвачу
Для блаженства чародѣйства.

* * *

Слаще былъ-бы страстный грѣхъ .
Только съ нильскимъ крокодиломъ!..
О, блаженный мигъ утѣхъ
Съ поэтическимъ мандрилломъ!

* * *

Въ нѣгѣ дерзостныхъ усладъ
Изогнемъ мы гордо выи.
Опустивъ стыдливо взглядъ,
Засвистятъ городовые.

* * *

И когда сложу я стихъ
Въ поэтическомъ куражѣ, —
Надъ причудой грезъ моихъ
Засмѣются метранпажи...

1905 годъ.

Любовь стиль—moderne.

Я хочу, чего не бываетъ...
З. Гиппіусъ.

Иная, новая любовь души хочетъ и новой тѣлесной любви, а тѣло старое. Мы прошлые... Не дружба у меня къ вамъ, не влюбленность, не чувственность и даже не все это вмѣстѣ, а только открытость всего меня ко всему этому. З. Г.

Я любви хочу небывалой,
Небывалой еще изначала.
Я хочу, чтобъ его я любила
И совсѣмъ, совсѣмъ отвращала.

* * *

Чтобы былъ онъ какъ-бы безполый,
Видъ имѣлъ не мужской, не женскій.
Чтобъ была не любовь и не дружба,
А сплошной туманъ декадентскій.

* * *

Не любовь, не чадъ, не влюбленность, —
Лишь душа была-бы открыта.

Не хочу я ни женщины, ни мужа,
Но не надо и гермафродита.

* * *

И не надо стараго тѣла,—
Пусть все ново въ любви идеальной.
Ахъ, чего-бъ отъ любви я хотѣла,—
Не пойметъ, не пойметъ и квартальный!

1906 годъ.

Любовь стиля архи-модернъ.—Школа нео-архаическая.

Триста тридцать три соблазна, триста
тридцать три обряда...
На два пола—знакъ раскола, кто умно-
житъ, можетъ счесть.
Шестьдесятъ и шесть объятій и шесть-
сотъ пріятій есть...

...Три жала зыблетъ въ устахъ змѣиныхъ
Моя волшба.
По тебѣ я изгасну въ глухихъ кручинахъ.
Твоя жъ судьба —
Измлѣть, мой пепелъ дыханьемъ грѣя...
...Иль станетъ мрака желѣзной рукою.
Любви мольба...
Вяч. Ивановъ.

Эротъ твоихъ ланитахъ на,
Отъ страсти томнъ, покоитъ взоры,
Тебя увлечь на ложе сна
Въ свои дубравны тщится норы.

* * *

Соблазновъ триста тридцать три
Твоимъ сулитъ онъ змѣйнымъ членамъ —
Волшбою страсти до зари
И чарыхъ бедръ зазывнымъ плѣномъ.

* * *

Ты съ нимъ на ложѣ страстныхъ сновъ
Подышешь нардомъ и левкоемъ,
И вкусишь плѣснь архивныхъ словъ,
Державинъ возревнуетъ коимъ.

Примѣчаніе для учителей словесности. Справедливо обратить вниманіе юношества на приближеніе усовершенствованной лирики архи-модернъ къ формамъ, примѣнявшимся въ 1750 году. Куда-же, однако, дальше ушло *содержаніе* современнаго стихотворенія отъ примитивнаго мадригала покойнаго Василія Кирилловича!

1907 годъ.

Послѣдній крикъ моды.

> Гдѣ слогъ найду, чтобъ описать прогулку,
> Шабли во льду, поджаренную булку
> И вишенъ спѣлыхъ сладостный агатъ...
>
> Кузминъ, „Любовь этого лѣта".

Гдѣ слогъ найду и всѣ извивы, слова
Чтобъ пѣть достойно къ банщику любовь?

Иду смутить въ могилѣ прахъ Баркова
И мальчиковъ дурныхъ встревожить кровь

Дерзнулъ я первый, съ ликомъ Антиноя,
Съ поэзіей и риѳмой совмѣстить
Коньякъ, предбанникъ, баню, — все такое,
Что вкусъ буржуя можетъ возмутить.

О, стыдъ, ты царь былой литературы!
Прошелъ твой вѣкъ. Мы, новые, идемъ.
Какъ жалки намъ старинные амуры

Былыхъ писакъ съ мѣщанственнымъ стыдомъ.
Долой былые очаги культуры!
Да здравствуютъ-же Лѐсбосъ и Содомъ!

Очки слѣпого.

(Сказка для дѣтей не моложе 35-ти лѣтъ).

I.

Издатель газеты „Упырь“ озабоченно ходилъ по редакціонному кабинету и нервничалъ.

Газета падала, а онъ былъ не настолько богатъ, чтобы пригласить къ себѣ Андреева, и не такъ испорченъ, чтобы обратиться къ Кузмину или приложить маркиза Сада. Было такъ плохо, что почтенному издателю уже не разъ пришла мысль, не открыть-ли кинематографъ.

— Пикантные сюжеты!—думалъ онъ, — но чѣмъ прикажете удивлять вселенную послѣ того, какъ тема гнуснаго насилія использована во всѣхъ видахъ и по всѣмъ статьямъ уложенія? Разыграть между подписчиками корову? Но этотъ пріемъ опошленъ всѣми безъ исключенія провинціальными фокусниками. Приложить къ каждому экземпляру велосипедъ новой системы? Это вѣрная реклама, но такой расточительности не выдержатъ даже Вандербильдъ съ Ротшильдомъ, взя-

тые вмѣстѣ... Обѣщать портретъ Эллиса Коб-скаго и снимокъ румянцевской библіотеки? Сдѣлать собственными силами новое стихотвореніе Пушкина, какъ это дѣлаютъ въ „Вѣсахъ“, возвращая пьесу къ черновику?

Но это ужъ больно претило издательскому сердцу. Ибо въ этомъ сердцѣ, господа, была хоть искорка литературности. Да и не настолько онъ былъ недальновиденъ, чтобы не понять, что выѣзжать на Пушкинѣ по нынѣшнимъ временамъ столь же нелѣпо, какъ приглашать на критику Скабичевскаго. „Всему пора, всему свой мигъ. Проходитъ часъ опредѣленный“. Что такое Пушкинъ, когда публика исключительно интересуется тѣмъ, отбывалъ-ли г. Годинъ воинскую повинность и сколько паръ брюкъ у г. Каменскаго!..

II.

Въ редакціи царило уныніе. Было пусто. Подписчики не приближались къ ней ближе, чѣмъ на верженіе камня. Въ чернильницахъ жужжали мухи. Редакціонный мальчикъ, называвшій „Temps“ русскимъ „Гетръ“ и подписывавшійся подъ письмами въ деревню „помощникъ редактора“,—дремалъ въ прихожей.

— Какъ поймать нервъ времени?—ломалъ голову редакторъ „Упыря“.—Еще недавно можно было хорошо торговать шлиссельбуржцами, революціей, политикой. Увы! теперь политика не осточертѣла только Милюкову и Гессену. Думой интересуются только Хомяковъ и Пиленко.

Въ литературѣ царила пародія. Нѣсколько пародистовъ уже построили себѣ каменные дома и катались на автомобиляхъ. Азовъ снималъ домъ на Французской набережной. Театры Александринскій, московскій Малый и Станиславскаго посѣщались только пожарными, и единственно преуспѣвало кабарэ „Кривое Зеркало“.

Шаржи Тэффи были рекомендованы министерствомъ народнаго просвѣщенія для гимназій. Поэтесса уже жила на Капри, противъ палаццо Горькаго. Ее одолѣвали интервьюеры. Они ѣхали къ ней и только на обратномъ пути, больше изъ приличія, заѣзжали въ Ясную Поляну. Все-таки, писатель...

Поэты перестали заниматься лирикой и писали сами на себя пародіи. Рукавишниковъ превзошелъ въ этомъ отношеніи всѣхъ и себя самого. Академія наукъ раздѣлила пушкинскую премію между г. Волковичъ-Вель и наиболѣе счастливымъ изъ пародистовъ. Ольдоръ и Авель катались одинъ на автомобилѣ въ семь тысячъ, другой на собственномъ воздушномъ шарѣ.

Вдругъ молніеносная мысль ударила въ голову издателя. Пародія! Не въ ней-ли его спасеніе? У него еще есть тысяча рублей, остатокъ былого величія! Что если поставить ее ребромъ, но такъ, чтобы за этимъ былъ уже вѣрный успѣхъ, слава, автомобиль, собственное кабарэ и палаццо на Капри, противъ виллы Тэффи!..

Мальчуганъ, читавшій „Гетръ“ вмѣсто „Temps“, вскочилъ, какъ уколотый шиломъ,—такъ неистово затрещалъ звонокъ хозяина. Онъ засталъ издателя у

письменнаго стола, блѣднаго, тяжело дышащаго, но съ вдохновенными глазами.

— Позови ко мнѣ секретаря!—сказалъ онъ.

III.

Черезъ нѣсколько дней во всѣхъ газетахъ на видномъ мѣстѣ появилось объявленіе отъ газеты „Упырь".

Оно начиналось призывомъ къ подпискѣ и оглашало имена сотрудниковъ. Издатель пускалъ здѣсь необыкновенно тонкій трюкъ. Послѣ именъ маленькихъ писателей стояло:

Въ газетѣ не участвуютъ:

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ, ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ, ГОРЬКІЙ, КУПРИНЪ и ДОРОШЕВИЧЪ

Благодаря шрифтамъ, впечатлѣніе получалось такое что газета именно крѣпка этими пятью именами, и уже на одно это подписчики могли полетѣть, какъ мотыльки на огонь. Вы думаете, подписчикъ читаетъ объявленіе? Увѣряю васъ, никогда,—онъ только нюхаетъ его.

Но главное было дальше.

Редакція объявляла, что „свято блюдя интересы родной литературы и подписчиковъ", она послѣ долгихъ размышленій пришла къ мысли предложить

тысячу рублей,

полную тысячу рублей

по выбору—золотомъ или кредитными билетами

тому изъ подписчиковъ, который первый угадаетъ, какое изъ двухъ предлагаемыхъ редакціей стихотвореній есть пародія, какое—подлинникъ, и кому этотъ подлинникъ принадлежитъ.

Премія была означена буквами, повторена цифрами и окаймлена восклицательными знаками большого калибра.

Дальше слѣдовали самыя стихотворенія.

IV.

Городъ № 1-й.

Сколько въ Городѣ дверей,—вы подумали объ этомъ?
Сколько оконъ въ высотѣ по ночамъ змѣится свѣтомъ!
Сколько зданій есть иныхъ, тяжкихъ, мрачныхъ, непреклонныхъ,
Однодверчатыхъ громадъ, ослѣпленно-безоконныхъ.
Склады множества вещей, въ жизни будто бы полезныхъ.
Убіеніе души—ликомъ стѣнъ, преградъ желѣзныхъ.
Удавленіе сердецъ—наклоненными надъ нами
Натѣсненьями камней, этажами, этажами.
Семиярусность гробовъ. Ты проходишь коридоромъ.
Предъ враждебностью дверей ты скользишь смущеннымъ взоромъ.
Потому что ты одинъ. Потому что камни дышутъ.
А задверныя сердца каменѣютъ и не слышутъ.
Повернется въ дыркѣ ключъ—постучи—увидишь ясно,
Какъ способно быть лицо безподходно-безучастно.

Ты послушай, какъ шаги засмѣялись въ
коридорѣ.
Здѣсь живые—сапоги, и безжизненность—
во взорѣ.
Замыкайся ужъ и ты и дыши дыханьемъ Дома.
Будетъ впредь и для тебя тайна комнаты знакома.
Стѣны лѣтопись ведутъ и о петляхъ повѣствуютъ.
Окна—дьяволовъ глаза. Окна ночи ждутъ. Колдуютъ.

Городъ № 2-й.

Духъ мой змѣйно уязвленъ жизни скорбнымъ вини-
гретомъ.
Сколько въ Городѣ дверей,—вы подумали объ этомъ?
Сколько оконъ, что глядятъ глазомъ огненнымъ, какъ
совы,
Сколько ржавости вѣковъ, изглодавшей всѣ засовы!
Ты узрѣлъ-ли стеколъ блескъ, что зеркалятся, какъ
призмы,
Суховлажность чердаковъ, гдѣ столпились Ревматизмы,
Чехардятся иль сидятъ, тѣнемечутся хаосно,
Караулятъ бѣдняковъ и кривляются несносно.
Зрѣлъ-ли гробность мертвыхъ залъ и нѣмую коридор-
ность,
И портретность на стѣнахъ и фамильныхъ лицъ укор-
ность?
Сноглядѣнія вѣковъ ты позналъ-ли въ дверномъ гулѣ,
Прелесть въ смятку сапоговъ и стихійность чорта въ
стулѣ?

Повернется въ дыркѣ ключъ,—всѣхъ плѣнитъ дремоты
тайность,
Ляжетъ спать и самъ швейцаръ, что весь день сбиралъ начайность.

V.

Впечатлѣніе, произведенное объявленіемъ, было потрясающее.

Такъ какъ для участія въ выигрышѣ нужно было быть подписчикомъ „Упыря", то дверь въ контору не закрывалась. Подписчикъ валилъ валомъ, какъ сельдь лѣтомъ.

Пришлось составить нѣсколько полицейскихъ протоколовъ на лицъ, нарушившихъ при подпискѣ общественное спокойствіе, вслѣдствіе чрезвычайной пылкости своего темперамента. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черты осѣдлости было объявлено положеніе усиленной охраны. Шестеро евреевъ повѣшено въ разныхъ мѣстахъ. Трое помилованы. Газеты объявили о поимкѣ въ лѣтнемъ саду четырехъ, какъ они выражались, „дюлуистовъ".

Ломбарды должны были усилить пріемъ цѣнныхъ вещей. На биржѣ почувствовалось колебаніе ренты. Усилилось количество преступленій,—надо было добывать подписныя деньги. Психіатры отмѣтили повышеніе психическихъ заболѣваній.

Словомъ, произошло приблизительно то, что происходитъ въ романахъ Жюль-Верна или Уэлльса, когда съ луны приходитъ на землю аэропланъ или просы-

пается миллiардеръ, проспавшiй ровнымъ счетомъ двѣсти лѣтъ.

Это было то, что и требовалось доказать, и издатель „Упыря“ потиралъ руки и проводилъ ночи въ „Акварiумѣ“, занимаясь распущенностью нравовъ и ведя переговоры о виллѣ на Капри.

Въ обществѣ произошло невѣроятное броженiе умовъ. Всѣ думали и угадывали. Гимназисты выбросили изъ головы Ната Пинкертона и Шерлока Холмса. Старики манкировали службой. Умножилось число адюльтеровъ со стороны дамъ. Заманчивая тысяча распаляла воображенiя.

VI.

Кто могъ быть авторомъ стихотворенiя и которое изъ нихъ было оригиналомъ?

Первымъ, конечно, вспомнили Кузмина, ибо это былъ тогда самый знаменитый писатель. Ни на комъ болѣе не зарабатывали писатели пародiй и критики, чѣмъ на немъ.

Напрасно болѣе опытные люди увѣряли, что у Кузмина всегда должна быть задняя мысль и что въ конкурсныхъ стихотворенiяхъ безусловно нѣтъ ничего подобнаго.

Пятнадцать тысячъ подписчиковъ подали голосъ за автора „Крыльевъ“.

Въ стихотворенiяхъ никто не признавался, что онъ выпилъ брудершафтъ съ довременнымъ Хаосомъ, тѣмъ

не менѣе, десять тысячъ вотировали за С. Городецкаго.

Такъ какъ Брюсовъ часто пѣлъ городъ, — почти такое же число подписчиковъ высказалось за Брюсова.

Редакторъ-издатель „Упыря“ потиралъ руки. Всѣ попадали перстомъ въ пространство.

Выраженія: „коридорность“, „гробность“, „сухо-влажность“, „ржавость“ и „зеркалиться“ подсказали нѣкоторымъ имя Бальмонта.

Но „живые сапоги“, смѣющіеся въ коридорѣ, превосходили даже бальмонтовскую смѣлость. Здѣсь чудилась явная пародія.

И всѣ въ одинъ голосъ указывали на второе стихотвореніе съ Ревматизмами, какъ на оригиналъ. Нѣсколько молодыхъ критиковъ написали обширныя статьи о „непріятіи міра“ и „стихійности“, геніально выраженныхъ въ этой пьесѣ.

Издатель „Упыря“ потиралъ руки.

Нѣсколько тысячъ высказались за Блока, хотя здѣсь не было рѣчи ни о какой Голубой Незнакомкѣ.

Кто-то вспомнилъ Чулкова, но о Чулковѣ въ эту пору уже знали только, что онъ когда-то сбрилъ бороду.

Вспомнили Андрусона, но о немъ было извѣстно только одно, что онъ въ дѣтствѣ былъ озорникомъ и завѣщалъ взрослымъ дѣлать своихъ дѣтей уличными мальчишками, а не отдавать ихъ въ гимназіи.

Изъ Потемкина помнили только стихъ о папироскѣ,

которая не курится, и о проституткѣ, не знавшей, съ кѣмъ ей нынче амуриться.

Тѣмъ не менѣе извѣстное число голосовъ было подано за Блока, Андрусона, Чулкова и Потемкина.

Издатель потиралъ руки.

VII.

И вотъ, въ одинъ прекрасный день премія была сорвана. Газеты объявили, что тысячу рублей взялъ одинъ бѣдный косой канцеляристъ, служившій въ пробирной палаткѣ.

Онъ не былъ ничуть освѣдомленнѣе другихъ въ русской литературѣ и совершенно наобумъ написалъ, что первое стихотвореніе есть подлинникъ и принадлежитъ Бальмонту *). Живые сапоги не смущали его ничуть,—представьте!

Счастливецъ! Онъ выигралъ!

Его слѣпота сыграла для него роль очковъ, въ которые онъ разсмотрѣлъ истину. Вотъ какъ иногда случается,—подумайте!

Издатель „Упыря" собственноручно отслюнилъ ему десять сотенныхъ. Онъ предпочелъ бумажки золоту, въ виду появленія массы фальшивыхъ пятирублевокъ.

Этого мало: въ тотъ же день, очарованный его доказанными знаніями литературы, издатель пригласилъ

---

*) „Птицы въ воздухѣ", стр. 69.

косого канцеляриста на критическій фельетонъ въ свою газету и положилъ ему жалованье.

Онъ и посейчасъ пишетъ очень бойко и неустрашимо, и читателю ничуть не видно, что онъ — просто канцеляристъ пробирной палатки, а не критикъ самой несомнѣнной 86-й пробы.

Новый вѣкъ.

„... Это дульцинировало ея влеченіе къ принцу Танкреду и альдонсировало ея любовь къ жениху“...

Сологубъ. „Королева Ортруда.

Ѳеоктистившись сначала,
Осоловьевившись позднѣй *),
Живетъ успѣхами скандала
Писатель нашихъ сѣрыхъ дней.

Подонкихотилъ онъ изрядно,
Какъ былъ прогрессъ въ умахъ у всѣхъ
И человѣкъ не мыслилъ стадно,
И салтыковился нещадно
Надъ пошляками гнѣвный смѣхъ,

---

*) Ѳеоктистовъ и Соловьевъ—начальники главнаго управленія по дѣламъ печати, въ нѣкоторомъ родѣ кормчіе былой литературы.

Теперь иныхъ поэтовъ куча,
Завѣтъ отцовъ сочтя за гиль,
Претенціозна и трескуча,
Морализировать наскуча,
Рамолизируетъ свой стиль.

И тщетно съ ними кто бы спорилъ:
Ужъ блещетъ свѣтъ иныхъ свѣтилъ.
Егоръ Чулковъ насъ объегорилъ,
Кузминъ насъ крѣпко подкузьмилъ.

Одульцинированъ успѣхомъ
И альдонсированъ толпой,
Одѣтый въ шубу кверху мѣхомъ,
Въ лицо смѣется явнымъ смѣхомъ
Модернизованный герой.

И съ легкомысленностью женской
Толпа все славитъ сотней губъ,
Что съанатолитъ ей Каменскій,
И намудритъ Сергѣевъ-Ценскій,
И наѳедритъ Сологубъ...

Любовь у старыхъ и у новыхъ писателей.

(Исторія русскаго романа).

Мнѣ пришла мысль показать, какъ объяснялись въ любви персонажи старыхъ писателей, и какъ это дѣло обстоитъ у беллетристовъ нынѣшнихъ.

Эту идею было бы очень просто осуществить рядомъ выписокъ изъ десятка писателей старыхъ и новыхъ. Но эта мысль застигла меня въ глуши русской провинціи, откуда въ три дня ни до какого государства и ни до какой библіотеки не доскачешь.

Пришлось поэтому поневолѣ довольствоваться только архивомъ памяти и вмѣсто подлинныхъ выписокъ дать только пародическія поддѣлки, стараясь лишь возможно ближе схватить стиль писателя. Да простятъ меня за это великія тѣни. Да простятъ и тѣ изъ современниковъ, кому суждено стать великими!..

Тургеневъ.

...Тихій свѣтъ лился изъ комнаты въ аллею. Вся бѣлая, легкая, стройная, какъ лилія, дѣвушка подошла

къ скамейкѣ и увидѣла его. Онъ вздрогнулъ отъ неожиданности, поднялъ опущенную голову и протянулъ къ ней трепещущія руки...

— Я не думалъ васъ встрѣтить,—воскликнулъ онъ странно замирающимъ голосомъ.—Я... я люблю васъ, продолжалъ онъ, чувствуя, какъ невольный радостный ужасъ охватываетъ все его существо.—Я люблю васъ! повторилъ онъ и склонился къ ея ногамъ.

Только что сорванный нарциссъ дрогнулъ въ ея рукѣ и беззвучно упалъ на песокъ, какъ подрѣзанный. Она закрыла лицо руками. Ея плечи начали слегка вздрагивать. Онъ услышалъ словно подавленное тихое рыданіе.

— Что мы дѣлаемъ съ вами!—воскликнула она съ тоскою.—Я ворую чужое счастье... Я знаю, вы женаты...

— Простите-ли вы меня, моя радость? прошепталъ онъ.

Его губы благоговѣйно коснулись ея платья. Что-то подступало къ его горлу, и ему самому хотѣлось заплакать...

Въ городѣ пробило полночь. Въ старой усадьбѣ маленькіе часики тонко прозвенѣли двѣнадцать. Сторожъ дробно заколотилъ въ доску.

Достоевскій.

— Нѣтъ тебя несчастнѣе никого въ цѣломъ свѣтѣ!—воскликнула она, какъ въ изступленіи.—Но и дороже всѣхъ на свѣтѣ ты теперь для меня, милый, любимый!..

И она вдругъ заплакала навзрыдъ, какъ въ истерикѣ. Почти судорожно она схватила его трепетавшую руку и крѣпко сжала ее.

— Страданіе твое въ тебѣ люблю, тоску твою смертную!

Слезы выступили у него на глазахъ, и радостно задрожало сердце.

— У меня теперь одна ты,—сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.—Мы оба несчастны, вмѣстѣ и пойдемъ. Но лобызаю крестъ твой, который ты взяла на себя! Всему твоему земному страданію поклоняюсь!..

Онъ поцѣловалъ ее братскимъ поцѣлуемъ. Какъ ребенокъ, она подставила ему поблѣднѣвшія дрожащія губы.

На минуту въ комнатѣ стала мертвая тишина. Слышно было, какъ мелкія капли докучнаго осенняго петербургскаго дождя били въ стекла. На дворѣ заныла шарманка.

— И ты не оставишь меня никогда?—спросилъ онъ голосомъ, полнымъ надежды.

— Никогда и нигдѣ! — выкрикнула она, точно въ экстазѣ...

Чеховъ.

...Въ облакахъ ясно обозначились два монаха. Тотъ, что былъ поменьше ростомъ и въ скуфейкѣ, близко подошелъ къ тому, который былъ выше и въ клобукѣ, поклонился ему, протянулъ руку, словно бы попросилъ

благословенія, и началъ медленно-медленно таять. Я взялъ шляпу и вышелъ въ садъ.

Въ необыкновенно прозрачномъ воздухѣ отчетливо выдѣлялись каждый листокъ, каждая росинка, точно ихъ кто-то заботливо вымылъ и обтеръ. И оттого, что я уже зналъ, что эта женщина, изящная и умная, любитъ меня,—мнѣ казалось, что все кругомъ улыбалось мнѣ въ тишинѣ, съ просонокъ, какъ улыбаются только что проснувшіяся дѣти.

Я уже зналъ, что сейчасъ буду цѣловать эти милые сѣрые глаза, которые къ вечеру становятся черными, и мнѣ хотѣлось не вѣрить этому и дразнить себя, и было жаль, что она меня такъ мало мучила. Я бросилъ шляпу на балконѣ и прошелъ къ бесѣдкѣ. Она стояла у колонны, высокая, блѣдная въ лунномъ сіяніи, съ строгимъ, прекраснымъ лицомъ.

— Послѣ дождя сыро, сказала она растерянно, съ дрожью въ голосѣ, и я понялъ, что она говоритъ: „я тебя люблю". Тогда я молча обнялъ ее и сталъ жадно цѣловать ея влажныя губы, руки, глаза. Она говорила мнѣ, что любитъ меня уже давно, что я лучше всѣхъ на свѣтѣ, что я талантливый, сильный, прекрасный, а кругомъ неинтересные сѣрые люди,и мужъ ея лакей, и просила, чтобы я увезъ ее къ себѣ...

Мордовцевъ.

... Луна взошла и освѣтила двѣ фигуры, сидѣвшія на подоконникѣ. На немъ была студенческая тужурка,

на ней—широкая ситцевая блуза, охваченная въ таліи черным кожанымъ ремнемъ.

— Ваше признаніе меня трогаетъ,—сказалъ Кремневъ, — но въ наши дни, когда вокругъ такъ много зла и страданія, „любовь“ — преступленіе. Отдавать любви хоть малѣйшую частицу силъ, нужныхъ для борьбы съ драконами нашего вѣка, недостойно человѣческаго призванія. Я вѣрю, уже скоро придутъ новыя женщины, которыя построятъ бракъ и семью на новыхъ началахъ. Огюстъ Контъ говоритъ, что женщинамъ не нужно никакого приданаго. Я согласенъ съ Огюстомъ Контомъ. Сегодня я принесъ вамъ Милля и Льюиса. Почитайте ихъ, и любовь вамъ покажется недостойной забавой. Всѣ старыя книги — ерунда! Читайте „Отечественныя Записки“ и Михайловскаго. Пусть нервы у васъ живутъ въ ладу съ мозгомъ.

— И вы, Кремневъ, не хотѣли бы сегодня ночью придти ко мнѣ?

— Хотѣлъ бы, но не позволю себѣ.

Зубы его сжались и скрипнули.

— Но вы любите меня?

— Люблю.

— И никого больше не любите?

— Дрэперъ говоритъ, что только любовь къ одной достойна мужчины. Полигамія—удѣлъ первобытныхъ народовъ. Вы станете моей женой, когда изучите соціальныя доктрины, и когда съ народа будутъ выколачивать меньше подушныхъ.

Шепперъ.

...— Главное—не надо успокаиваться, сказалъ Благолѣповъ.—Милая моя, мы будемъ любить другъ друга, но это не должно заставить насъ забыть о тѣхъ, кому мы нужны. Только трудъ, трудъ и трудъ даетъ смыслъ человѣческому существованію. Сколько силъ гибнетъ въ праздности и безъ всякой пользы!... Какой огромный процентъ золотой молодежи безцѣльно прожигаетъ жизнь! Бросьте вашу прыгающую молодежь. Идите въ наши передовые кружки. Здѣсь споры, шумъ, новыя книги, задорныя сходки. Жизнь бьетъ ключемъ. Здѣсь высокіе идеалы. У кого нѣтъ ничего святого, отъ того можно ждать всего преступнаго.

— Я давно алчно ждала того, кто сказалъ бы мнѣ то, что говорите вы!—счастливо прошептала она. Ваши слова перерождаютъ меня!.. Это откровеніе! Говорите... Учите меня!..

— У земства есть темныя стороны,—продолжалъ Благолѣповъ, пустивъ огромный клубъ дыма,—но оно безусловно двинуло образованіе народа. Русская деревня гибнетъ отъ чрезполосицы. Конокрадство—колоссальное зло. Земская медицина будетъ хромать, пока невѣжественнаго фельдшера не смѣнитъ образованный врачъ. Книга и саморазвитіе—вотъ что спасетъ русскую интеллигенцію. Повторяю: трудъ, трудъ и трудъ!

— Но вы все-таки любите меня, Благолѣповъ?

— Да, люблю, но пока мы не упрочили своей

жизни, пока не обезпечили великаго общественнаго счастья, я предпочиталъ бы, чтобы мы были просто друзьями. „Въ этой комнатѣ счастье былое, дружба свѣтлая выросла тамъ“,—продекламировалъ онъ, почтительнымъ поцѣлуемъ коснувшись руки курсистки...

Горькій.

— А съ Секлетеей не будешь путаться?—спросила Домна, и страстная ревность прозвучала въ ея голосѣ.—Она, стерва, завидущая. Охоча до вашего брата, гнида...

— Плевать я на ее хотѣлъ!—рѣшительно сказалъ „Андронъ изъ-за Бугра“.—Я теперь только съ тобой буду знакомство водить. Я тебя, шельму, съ той поры полюбилъ, какъ мы въ новгородской тюрьмѣ встрѣтились... У Секлетеи, ко всему, не нонче—завтра носъ провалится. Нашла дура къ кому ревновать!..

Домна ласково и благодарно прижалась къ нему всѣмъ корпусомъ. Въ ночлежкѣ было тепло, уютно и пахло махоркой, химической обструкціей и человѣческимъ потомъ.

По крышѣ неугомонно стучалъ дождь, и мягкій шумъ его наводилъ на грустныя мысли объ интеллигенціи, о правдѣ жизни, о сильныхъ и слабыхъ. Вѣтеръ зашумѣлъ, ударился обо что то, и жалобно заскулилъ, какъ ушибившаяся собака. И дверь ночлежки захлюпала безпокойнымъ и жалобнымъ звукомъ...

— Это ничего, что у тебя вида нѣтъ,—ласково продолжалъ „Андронъ изъ-за Бугра".—Ты не безпокойся. Я тебѣ фальшивый схлопочу, коли будешь со мной любиться. Ужо-тка рубцомъ угощу, а вечеркомъ дерябнемъ по махонькой. „Пляши-Нога" сулился на сороковочку разстараться. Фортовый босякъ! Не чета интеллигенціи! Эхъ, собралъ бы я остатки моей истерзанной души и вмѣстѣ съ кровью сердца плюнулъ бы ей въ рожу, чортъ ее побери!..

— Плюнь на все, сказала Домна. — Береги свое здоровье!

Потная и теплая, она волновала Андрона страннымъ и жгучимъ волненіемъ. Электрическій токъ пробѣжалъ по его тѣлу. Онъ близко-близко взглянулъ въ ея лицо, загорѣвшее на солнцѣ и мывшееся только по двунадесятымъ праздникамъ, и сжалъ ее въ мощномъ объятіи.

Дождь пересталъ стучать и прислушался. Въ пріоткрывшуюся дверь ночлежки заглянула ироническая рожа Судьбы и улыбнулась Андрону изъ-за Бугра загадочно и холодно.

Брешко-Брешковскій.

...— Швамдрюберъ! сказалъ художникъ Броецкій. Я люблю, когда женщины ко мнѣ приходятъ съ холоду Тогда онѣ пахнутъ разрѣзаннымъ арбузомъ. Раздѣвайтесь, пожалуйста! Какая у васъ чудная рука! Непремѣнно напишу вашъ портретъ съ руками въ духѣ

Ванъ-Дика! Это мой Богъ. У меня два бога — вы и Ванъ-Дикъ...

Заходило солнце. Исчезали тѣни. Погасали краски. Ровная, застывшая Десна мѣстами пылала. Красавица Эльвира выдѣлялась на зеленомъ бархатѣ роскошнаго дивана сочнымъ красочнымъ пятномъ. Броецкій взволнованно крутилъ свои пышные мопассановскіе усы. Онъ весь точно сошелъ съ картины Рембрандта.

— Швамдрюберъ!—повторилъ художникъ.—Отчего вы не любите?

Эльвира вздрогнула отъ неожиданности и спросила:

— Кого?

— Меня!

Маэстро нагло смотрѣлъ на гостью. Красиво очерченный ротъ роскошной блондинки дрогнулъ. Зрачки страстно замерцали подъ шелковыми рѣсницами. Художникъ прочелъ ея отвѣтъ.

— Ненавижу все банальное,—сказалъ онъ.—Какъ скучны женщины, которыя любятъ своихъ мужей!.. Непремѣнно напишу вашъ портретъ съ руками въ духѣ Ванъ-Дика. У васъ чудесныя руки... И талія!..

Эльвира была ему безумно дорога. У него сверкнула даже мысль предложить ей переѣхать къ нему навсегда. Но онъ во-время опомнился и не сказалъ этого. На что бы онъ сталъ содержать ее? Онъ пожиралъ ее глазами. Ея горячія губы полураскрылись отъ внутренняго сдерживаемаго волненія. Онъ былъ точно весь съ картины Рибейры.

— Къ чорту мѣщанскую мораль,—воскликнулъ онъ

вдругъ, впиваясь въ ея губы.—Я люблю тебя. Люблю твои глаза. Они напоминаютъ мнѣ Веласкеца!

— Люби мою шею! восторженно воскликнула Эльвира, падая въ его объятія...

Десна пылала.

Арцыбашевъ.

— Она медленно, слегка волнуясь на ходу всѣмъ тѣломъ, какъ молодая красивая кобыла, спустилась съ крыльца. Басанинъ, весь изгибаясь, какъ горячій веселый дромадеръ, приблизился къ ней, молча взялъ ее за руку и повелъ по направленію къ пещерѣ.

Былъ слышенъ только стукъ ихъ копытъ.

Онъ думалъ о томъ, какъ эта, полюбившая его, гордая, умная, чистая и начитанная кобыла будетъ стоять съ нимъ въ одномъ стойлѣ, и онъ такъ же будетъ дѣлать съ нею, что хочетъ, какъ и со всѣми другими...

— Люди постоянно ограждаютъ себя отъ счастья китайской стѣной, — глухо заговорилъ онъ. — Представьте, у меня есть красавица сестра, и для меня она,—Басанинъ саркастически улыбнулся, —до сихъ поръ только сестра... Идіотка! Вотъ и васъ взять... Чѣмъ вы не кобыла? И чего вы боитесь? Потомства? Э-эхъ! Займитесь маленько химіей. Эхъ, люди, люди!.. Создадутъ вотъ такъ себѣ призракъ, миражъ—и страдаютъ!..

Пещера была передъ ними. Молодая чета зашла въ нее. Мысль, что дѣвушка, въ сущности, въ его ру-

кахъ, что пещера такъ удобна въ качествѣ стойла, что никто не услышитъ, ударила Басанина, и на мгновеніе у него потемнѣло въ глазахъ, и ему захотѣлось заржать. Но онъ овладѣлъ собою и, выйдя изъ пещеры, сказалъ:

— Послушайте, какъ вы не боялись со мною идти сюда? Вѣдь если крикнуть, то никто не услышитъ?

— Я думала, конечно, что вы порядочный жеребецъ.

— Напрасно вы такъ думали.

И Басанину показалось, что это очень оригинально, что онъ говоритъ съ ней такъ, и что въ этомъ есть что-то красивое, стихійное, лошадиное и необыкновенно модернистское...

Каменскій.

У неотразимаго гвардейскаго поручика Нагурскаго до отхода поѣзда оставалось всего уже двѣ минуты съ четвертью. Онъ зашелъ въ кондитерскую и увидѣлъ продавщицу съ невинными кукольными глазами.

— Четверть минуты на разговоръ о конфектахъ,— подумалъ Нагурскій,—полминуты на увѣщаніе. Гм! Въ моемъ распоряженіи еще есть время...

И вслухъ сказалъ:

— Дайте мнѣ для начала пять фунтовъ конфектъ по два рубля.

Вдругъ коротенькая, сумасшедшая мысль ударила ему въ голову. И онъ почувствовалъ, что если изъ остающихся ста двадцати секундъ вычесть половину,

то останется еще шестьдесятъ, и если онъ будетъ остороженъ, смѣлъ и прозорливъ, какъ молодой звѣрь, то все случится такъ, какъ ему нужно, ничто не помѣшаетъ, и женщина не въ силахъ будетъ сопротивляться.

И, глядя на часы, онъ подошелъ къ продавщицѣ вплотную, молодецки подмигнулъ, и смѣясь, указалъ ей на полуоткрытую дверь въ совершенно темную маленькую комнату, похожую на чуланъ.

— Милая, дуся, ничуть не страшно,—говорилъ онъ, сверкая бѣлыми зубами и въ то же время занимаясь ариѳметикой.

И свѣтло-голубые кукольные глаза засмѣялись. Продавщица шмыгнула въ чуланъ. Нагурскій послѣдовалъ за нею, держа раскрытые часы въ рукѣ...

...Наполненная конфектами пятифунтовая коробка и офицерская фуражка сиротливо скучали рядомъ тридцать семь съ половиною секундъ.

У Нагурскаго оставалось какъ разъ столько времени, чтобы вскочить въ поѣздъ. Онъ не опоздалъ даже взять билетъ.

Сколь иными оказались бы итоги недавней войны, если бы наши боевые генералы проявили глазомѣръ, быстроту и натискъ Нагурскаго!..

Кузминъ.

... Ѳедоръ стоялъ въ распущенной шелковой рубахѣ и смотрѣлъ на Штрупа покорнымъ, безвольнымъ взглядомъ.

— Возьми коньякъ, графинъ съ водой и опопанаксъ!—повелительно бросилъ Штрупъ.

— Почему сейчасъ? Здѣсь?—пробормоталъ парень.

— Такъ нужно, такъ я хочу,—властно сказалъ Штрупъ.

Щеки Ѳедора загорѣлись румянцемъ. Глаза вспыхнули... Захлопнулась дверь.

Закатъ покраснѣлъ... отъ стыда за русскую литературу.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ...

(Не изъ Зейдлица).

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ изъ гроба Булгаринъ,
И ходитъ по кладбищу онъ,
И глухо и жалобно трубитъ.
И въ темныхъ могилахъ труба
Всѣхъ будитъ тоскующимъ звукомъ...
Соратниковъ сонмы встаютъ,
Худыя изсохшія тѣни—
Съ страницъ пожелтѣвшей „Пчелы“,
Съ задворковъ „Домашней Бесѣды“,
И медленно-жутко идутъ,
Какъ страшныя тѣни изъ Гойи.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Аскоченскій гробъ покидаетъ,
И жутко-пронзительный свистъ
По кладбищу гулко несется.
Выходитъ изъ гроба Катковъ
И съ нимъ неразлучный Леонтьевъ,

Маркевичъ и всѣ, иже съ нимъ
Изъ „Русскаго Вѣстника“ тѣни.
И Герцену слышны хулы,
И славится вѣкъ „Домостроя“,
И къ нимъ на призывъ боевой,
Разбужена свистомъ призывнымъ,
Покорныхъ приспѣшниковъ рать
Съ востока и юга стремится.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Самъ Грингмутъ выходитъ изъ гроба.
Пергаментный страшный старикъ
Съ нимъ объ руку ѣдетъ по фрунту.
И руку сжимаетъ ему
Огромной рукой восковою,
И, дружные сливъ голоса,
Зовутъ они мертвыя тѣни
И тѣхъ кто еще на землѣ,
Но мертвы для счастья свободы.

Дубровинъ и съ нимъ Булацель
И Илліодоръ съ цѣлой тучей,
И куколь шумитъ клобука—
Какъ крылья у мыши летучей.
И страшные два старика
Неспѣшно полки пропускаютъ,
И траурный хоръ мертвецовъ
Имъ маршъ похоронный играетъ.
И всѣмъ генераламъ своимъ

Пароль они шепчутъ угрюмо:
„*Пора разогнать*“ ихъ пароль,
Ихъ лозунгъ: „*не надобно Думы*“.

Такъ къ старымъ солдатамъ на смотръ
Изъ спящаго царства видѣній
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходятъ могильныя тѣни...

Исторія русской критики.

Скабичевскій.

...Здѣсь вы видите удивительную наивность и ограниченность Гончарова и полное непониманіе имъ самыхъ элементарныхъ законовъ творчества. Тутъ сумбуръ и нелѣпости самаго перваго сорта. У Гончарова какая-то фатальная способность изображать трагическій паѳосъ своихъ героевъ въ такомъ комическомъ видѣ, что вмѣсто трагическаго чувства въ васъ возбуждается истерическій хохотъ, и вы хватаетесь за свой животъ и начинаете дѣлать легкомысленные пируэты.

Узенькую мораль этого обросшаго мохомъ романиста можно сравнить развѣ съ проповѣдью Писемскаго, человѣка съ безнадежно узкимъ и темнымъ умственнымъ кругозоромъ, или Чехова, нанизывающаго на живую нитку фабулы анекдоты водевильнаго характера и такъ-таки рѣшительно неспособнаго написать романъ или ученую диссертацію по ихтіологіи, нумизматикѣ

или уголовному праву. Вспомнимъ кстати, что Гончаровъ служилъ цензоромъ.

Увы!—мы живемъ въ эпоху странной потери вкусовъ. Вонъ въ „Зарѣ“ Толстой за „Войну и Миръ“ объявленъ геніемъ, а романъ его однимъ изъ величайшихъ произведеній настоящаго времени. О, если бы романистъ могъ почувствовать сколько здѣсь злой ироніи! Но Толстой, конечно, приметъ это за чистую монету, и ему останется только, подобно Гоголю, вообразить себя пророкомъ и начать провозглашать людямъ вѣщіе глаголы.

И когда подумаешь о шемякиномъ судѣ публики надъ такими дутыми знаменитостями въ то время, какъ едва-ли даже будутъ разрѣзаны идейная повѣсть Вонмигласова „За помойкой“ или романъ нашей талантливой Піявкиной „Неустрашимая студентка и брюшной тифъ“, который вы рѣшительно не можете читать безъ слезъ,—грустно становится, читатель, за литературу!..

Волынскій.

...Растрепанный клубокъ геніальной мысли Достоевскаго катится въ какомъ-то сладострастно-жестокомъ бушеваніи по этой вихревой линіи человѣческихъ страстей. Тутъ скрещиваются всѣ правды и разрѣшаются всѣ хохоты исторіи. Демоніакальные вихри въ какой-то божественной чехардѣ перескакиваютъ черезъ серафическіе экстазы и ликованія духа. Торжество

личнаго начала превращается въ какую-то упоительную метафизическую спираль, и вамъ становятся видными кресты новой соціальной Голгоѳы.

Тутъ именно исполняется то, что написано въ „Апокалипсисѣ“: „И ангелу лаодикійской церкви напиши“... Звѣрь изъ бездны, выхваченный изъ чистѣйшей символики, привскакивая, бросается на Ивана Карамазова, весь въ инфернальныхъ дымахъ и смерчахъ.

Этого, разумѣется, никогда не постигъ бы Бѣлинскій, при его узкомъ кругозорѣ, при его невысокомъ философскомъ развитіи, лишенный всякаго остраго критическаго созерцанія. Не постигъ бы, понятно, и Михайловскій, этотъ многословный фанфаронъ, этотъ непреклонный жандармъ, браво стоявшій на платформѣ новѣйшей идейной исторіи. Ему былъ бы по плечу развѣ Салтыковъ съ его надоѣдливымъ зубоскальствомъ и шумихой дешевыхъ намековъ...

Буренинъ.

...Разумѣется, по первымъ строкамъ „произведенія“, которое „выпустилъ“ въ свѣтъ этотъ борзописецъ, я почувствовалъ, что имѣю дѣло съ какимъ-нибудь вонючимъ и наглымъ жидомъ, не способнымъ „издавать“ ничего, кромѣ чесночнаго запаха. Что дѣлать, теперь жидъ сталъ такъ же необходимъ въ „составѣ“ редакціи, какъ сажа въ составѣ ваксы. Когда наша драматургія обогатилась такимъ явнымъ рекламнымъ вздоромъ, какъ „Три сестры“ Чехова, гдѣ герои

упражняются въ книжно-выдуманныхъ, иногда прямо глупыхъ и почти всегда безсодержательныхъ разговорахъ,—жидъ выплеснулся и на сцену и занялъ здѣсь мѣсто рядомъ съ Анкудиномъ Блевотиной и Макридой Сутенерской.

Прочитавъ все произведеніе, я вспомнилъ, что дядя автора какъ-то судился по уголовному дѣлу, а теща его посейчасъ состоитъ въ незаконномъ сожитіи съ пѣвчимъ отъ Вознесенья. Едва ли поэтому и самъ авторъ не содержанецъ. Когда я былъ погруженъ въ эти соображенія, ко мнѣ вошелъ мой другъ Алексисъ Жасминовъ, и увидя меня въ задумчивости, продекламировалъ:

Ужъ недѣля,—не тоска ли!—
Какъ жида вы не таскали.
Эхъ, съ погромщикомъ Вавилой
Ты бъ жидовъ пощупалъ вилой.
Пусть въ испугѣ онѣмѣломъ
Крестъ рисуютъ они мѣломъ,
Прячутъ скарбъ подъ полъ овина,—
Будетъ битой половина.
Не просушитъ Сара глазки...
Ужъ тебѣ ль дрожать огласки?
Лишь тогда бъ ты отрезвился,
Какъ совсѣмъ ужъ отрѣзвился...

Арсеній Введенскій.

...Изъ вышесказаннаго, я надѣюсь, читатель самъ пойметъ, что̀ надо разумѣть подъ собраніемъ сочиненій писателя. Въ моихъ многочисленныхъ фельетонахъ,

имѣвшихъ—скажу скромно—безумный успѣхъ, я не разъ говорилъ объ этомъ, и мнѣ не хотѣлось бы повторяться. Да и надо спѣшить. Дѣло критика открывать завѣсы съ того, чего еще не видишь ты, любезный читатель, въ своей ограниченности и тупости.

Одному изъ такихъ откровеній я посвящаю сегодняшній фельетонъ. *Школа Гоголя насадила въ Россіи реализмъ.* Я подчеркиваю, потому что только при усвоеніи вышенаписанной истины возможно пониманіе теченій современной общественной мысли. Представимъ, читатель, что не Раскольниковъ убивалъ бы старуху-ростовщицу, а наоборотъ. Былъ ли бы это реализмъ? Никогда бы не былъ, убѣжденно скажу я, ибо зачѣмъ богатой старухѣ убивать бѣднаго студента? Вотъ почему Достоевскій—удивительный реалистъ. И Тургеневъ тоже удивительвый реалистъ... И Златовратскій тоже...

Мережковскій.

... Мистическій свѣтъ, озаряющій въ этомъ мѣстѣ Гоголя, есть тотъ самый свѣтъ, который едва брезжитъ въ глазахъ иконописныхъ мадоннъ Чимабуэ, сіяетъ у Гирландайо, у Веррокіо и у титаническаго Леонардо-да-Винчи. Волосы встаютъ дыбомъ, когда мозгъ осѣняетъ молніеносная мысль, кто — первозданный и страшный—стоитъ за Хлестаковымъ. Гоголь становится тайнозрителемъ, Петербургъ—Патмосомъ...

Страшно сказать, жутко сказать, но скажу; Хлестаковъ это—Антихристъ. Онъ „разъ управлялъ департамонтомъ“,—развѣ это не бранный кличъ современнаго прогресса откуда одинъ шагъ до нареченія себя Человѣкобогомъ? Развѣ не это написано въ книгѣ Даніила? „На небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой“... А хлестаковская „легкость въ мысляхъ необыкновенная?“ Развѣ это не знаменіе вѣка? Развѣ у меня самого нѣтъ этой легкости въ мысляхъ необыкновенной?...

Жутко. Страшно. Таинственно. Трясутся поджилки. Время близко. Лишь тѣнью тѣни мы живемъ. Послѣднія времена. Послѣдніе вздохи. Петербургу быть пусту, быть пусту! Дайте руку, г-жа Гиппіусъ!...

Андрей Бѣлый.

...Суть въ послѣднемъ кощунствѣ... И мистическій анархистъ пойдетъ съ тросточкой по стекляннымъ плитамъ Невскаго проспекта, угрожая покорной безднѣ штемпелеванной резиновой галошей...

Восхищаются тому, что символъ послѣдняго дерзновенія—золотой „булочный“ крендель, какъ о томъ возвѣстили. Но авторъ золотого кренделя скроменъ и честенъ. Мистическій анархизмъ создалъ еще нѣчто болѣе смѣлое: резиновую, штемпелеванную калошу. Калоша, насмѣшливо выставленная въ магазинѣ резиновыхъ издѣлій вмѣстѣ съ резиновой дѣтской игрушкой (Пьерро)—вотъ знамя мистическихъ анархистовъ.

Жену облеченную въ Солнце мистики богоспасаемой столицы, превратили въ галошу. И окружили галошу воззрѣніями дѣйствительно замѣчательныхъ мыслителей... *).

Георгій Чулковъ.

Мистическій анархизмъ!.. Анархическій мистицизмъ!.. Александррръ Блокъ!.. Александрръ Блокъ!.. Дайте попочкѣ сигару!.. Непріятіе міра... Нетлѣнная красота... Та-та-та! Соборный индивидуализмъ!.. Внутренній кризисъ!.. Кнутренній вризисъ!.. Александррръ Блокъ, Александррръ Блокъ, Александррръ Блокъ!.. Мейерхольдъ!.. Космическое освобожденіе. Умиленность и покорность. Вячеславъ Ивановъ... Христіанскій ренессансъ... Роковая цѣпь исторіи... Александррръ Блокъ! Внутренній кризисъ! Дайте попочкѣ сахару!..

Россовскій.

...Дайтѣ мнѣ этого сукина сына, я ему вышибу три ребра!.. Нѣтъ ли гдѣ, по близости, помойной ямы, я утоплю въ ней и этого драматурга (??!!) и его драму (!?). Поганое ведро—лучшее назначеніе подоб-

*) Во избѣжаніе упрека въ чрезмѣрной каррикатурѣ критики „модернистовъ“, авторъ оговаривается, что настоящій отрывокъ—подлинная цитата изъ критической статьи, помѣщенной въ № 5 „Вѣсовъ“ за 1908 годъ.

ной мазни. И такая-то мразь прѣтѣндуетъ на амплуа выдающаго писателя! О, tempora, o morѣs!..

Нужно ли говорить, что пьѣса провалилась съ трескомъ. Не было ни одного хлопка, не смотря на участіе въ спектакле выдающихъ артистовъ. Ѣдинственныя двѣ порядочныя сцены нагло украдены безпардонным драмодѣломъ — одна изъ безсмертнаго пушкинскаго „Ревизора“, другая изъ нашумѣвшей въ свое время „Свадьбы Кречинскаго“ покойнаго Потѣхина.

Авторъ непрошѣнно сунулся было выходить послѣ перваго акта, но очевидно, почувствовалъ неловкость и со стыдомъ бѣжалъ изъ тѣатра после этого дѣйствія.

Словомъ, провалъ былъ выдающій. Тѣатръ, конечно, былъ почти пустъ.

На слѣдующій день газета печатаетъ письмо автора, гдѣ, не возражая ни слова на оцѣнку рецензента, онъ проситъ установить факты: 1) что пьеса шла съ аншлагомъ, и билеты были всѣ распроданы до начала спектакля, о чемъ свидѣтельствуютъ конторскія книги, 2) что авторъ выходилъ на вызовы послѣ каждаго акта, какъ то можетъ засвидѣтельствовать вся труппа и 3) что онъ уѣхалъ изъ театра не послѣ перваго акта, а послѣ пятаго, и уѣхалъ потому, что издавна завелъ обыкновеніе ночевать не въ театрѣ, а въ собственной спальной.

Гордикъ и его сыновья.

(Не изъ Мицкевича).

Гордикъ—полумиѳическое лицо, побившее рекордъ литературной ловкости. Подъ разными именами онъ продалъ въ три изданія три произведенія, принадлежавшія тремъ различной цѣнности авторамъ. Послѣ соотвѣтственныхъ разоблаченій, газеты обошло письмо Гордика 2-го, который просилъ его не смѣшивать съ Гордикомъ 1-мъ, его недостойнымъ братомъ. Дѣйствительно, существуетъ книжка разсказовъ Гордика. Сколько въ дѣйствительности Гордиковъ,—не разберетъ и самъ квартальный.

Два у Гордика сына. Первый—дѣльный дѣтина,
При крещеніи названъ Иваномъ.
Чуждъ онъ дѣтскимъ проказамъ, знай—корпитъ надъ разсказомъ,
А не прочь согрѣшить и романомъ.

* *
*

Недосмотръ ли, судьба ли,—но Иваномъ назвали
И другого,—къ добру или къ худу.
Каллистратычи оба, такъ до самаго гроба
И пошли они путаться всюду.

* *
*

Старшій пишетъ разсказы, подшиваетъ приказы,
У него орденокъ ужъ въ петлицѣ...
Молвитъ младшій: „Родитель! Пробилъ часъ. Не хо-
титель,
„Попытаю я счастья въ столицѣ“?

* *
*

„Братъ мой съ прежней отвагой пусть сидитъ надъ
бумагой,—
„Не сужу я въ немъ этотъ обычай.
„А меня словно манной Питеръ манитъ туманный:
„Тамъ чужой поживусь я добычей.

* *
*

Не рожденъ для труда я,—знать, натура такая,—
„Мнѣ писать—непосильное бремя.
„Я настроенъ лѣниво. Тамъ-же „Сѣверъ“ есть, „Нива“
„И Суворина „Новое Время“.

* *
*

„Видъ принявъ хлестаковскій, я скажу: „Сементков-
скій!
„Я принесъ вамъ романъ превосходный.
„Трудъ—почти исполинскій. Стиль—ну, прямо—Ясин-
скій,
„А сюжетъ—и глубокій, и модный.

* *
*

„Мнѣ журналъ вашъ по сердцу!“—я скажу потомъ
Мертцу,
„Въ немъ извѣстныхъ именъ вереницы“

„Я поклонникъ вашъ старый. Мнѣ фамилія—Карый.
„Ахъ, откройте мнѣ ваши страницы!“

* * *

„Предъ Буренина очи,—вспоминать бы не къ ночи!—
„Я предстану безъ долгихъ сомнѣній,
„Я къ вамъ, критикъ, съ разсказомъ,—не мигнувъ,
скажу, глазомъ.
„Имя мнѣ—Григоренко Евгеній“.

* * *

„Похвалилъ меня мило разъ Мордовцевъ Данило.
„Похвалилъ бы,—будь живъ,—Григоровичъ.
„Колоритъ—южно-русскій, нѣтъ тенденціи узкой,
„Оцѣни меня, Викторъ Петровичъ“...

* * *

Сынъ съ отцомъ распростился, въ путь дорогу пу-
стился...
Лѣсъ увялъ, вотъ замерзли зажоры...
Рѣку льдомъ обложило. Мыслитъ старый уныло:
„Не ушелъ ли ужъ сынъ въ репортеры?“

* * *

Снѣгъ на землю валится, съ почты посланный мчится,
Тащитъ „Ниву“ и къ ней приложенье.
— „Сынъ, скажи мнѣ на совѣсть,—тамъ Ясинскаго
повѣсть?
Нѣтъ, отецъ, это брата творенье! *)

* * *

---

*) Вь 1904 г. въ „Нивѣ“ за подписью г. Гордика началось печатаніе романа І. І. Ясинскаго „Сердце скажетъ“.

Снѣгъ пушистый валится, съ почты посланный мчится,
„Сѣверъ“ съ нимъ и другія изданья.
—„Чьимъ блеснешь ты талантомъ? Ге! Хрущова романъ тамъ?
— Нѣтъ, отецъ, это брата созданье *).

* *
*

Снѣгъ на землю валится, третій посланный мчится,
„Новымъ Временемъ“ онъ потрясаетъ **).
Старый Гордикъ хохочетъ и спросить ужъ не хочетъ,—
Прямо строки считать начинаетъ...

---

*) Въ 1904 г. въ „Сѣверѣ“ за подписью г. Караго, по рекомендаціи Д. Мордовцева, началось печатаніе одного изъ романовъ Хрущова-Сокольникова.

**) Въ 1905 г. въ фельетонахъ „Новаго Времени“ за подписью Григоренко былъ перепечатанъ одинъ изъ разсказовъ, вошедшихъ въ книжку г. Гордика, такъ называемаго Втораго, — „Ярка“.

1909-й годъ прибавилъ къ заслугамъ г. Гордика еще одну новую: подъ именемъ Е. Дорошенко, надо думать, имъ напечатанъ въ „Колоколѣ“ еще одинъ романъ Хрущова-Сокольникова.

Рождественскіе крендели.

(Изъ записокъ критика-самоубійцы).

...Я только-что отпустилъ двухъ поэтовъ-самородковъ, писавшихъ геніальные стихи, но не отличавшихъ ямба отъ хорея, заперъ дверь за дамой-писательницей, которой надо было объяснить, почему не принято писать драмъ въ семи дѣйствіяхъ, и взялся за перо, какъ снова раздался звонокъ, и на этотъ разъ вошелъ мой собратъ по ремеслу, молодой журналистъ Перепелкинъ.

— Ахъ, дорогой, какъ я радъ! сказалъ я съ отчаяніемъ, чувствуя, что весь рабочій день пошелъ къ чорту, и дѣлая восторженно-веселое лицо.

— Помѣшалъ? Не бойся. Дѣлай свое дѣло. Пиши. Не вставай, ради Бога! Я не буду мѣшать. Къ чорту деликатессы. Пиши.

Такъ говорятъ всѣ и всегда, когда застаютъ васъ за дѣломъ передъ тѣмъ, какъ начать барабанить вамъ надъ ухомъ.

Я знаю феноменальныхъ шахматистовъ, умѣющихъ раздробить свое вниманіе между десятью досками. Я

знаю беллетристовъ, одновременно ведущихъ въ трехъ изданіяхъ три романа. Думскія стенографистки ухитряются записывать рѣчи ораторовъ, когда ихъ перебиваетъ Пуришкевичъ. Стессель и Куропаткинъ, вѣроятно, писали свои приказы подъ громъ осадныхъ орудій справа и слѣва.

Я не феноменальный человѣкъ, не Чигоринъ и, благодареніе Богу, не Стессель и не Пуришкевичъ.

Я самый обыкновенный человѣкъ, подвѣдомственный тому общему закону, какой психологи называютъ „узостью сознанія". Я могу думать въ каждую данную минуту только объ одномъ. Когда жена переноситъ сцену изъ столовой въ мой кабинетъ, я беру шапку и ухожу на улицу. Когда друзья говорятъ мнѣ: „Ради Бога, пиши, я не помѣшаю",—я кладу перо, закрываю чернильницу и посылаю работу къ чорту.

— „Ты все писалъ и сномъ не позабылся",—продекламировалъ мой другъ, склоняясь надъ моими листками. — „Рождественскіе крендели, — отчетъ о рождественской беллетристикѣ 1911-го года". Помилуй! Никакъ ты серьезно собрался писать о рождественскихъ разсказахъ?..

— Ну, да, — отвѣчалъ я. — Видишь-ли, на Рождествѣ естественно будетъ некогда. Теперь выдался свободный денекъ. Правда, мнѣ немножко помѣшала дама въ семи дѣйствіяхъ...

— Что такое?..

— Виноватъ. Я зарапортовался. Мнѣ начинаетъ измѣнять голова. Представь, одна дама написала драму

въ семи дѣйствіяхъ! Ей-Богу! Княнусь тебѣ! Я слышалъ. Да, я, я! Не вѣришь? Гляди на меня, щупай. Подвинь, пожалуйста, мнѣ эту стклянку. Не бойся, это—бромъ. Вотъ, говорятъ, что беллетристы сочиняютъ ужасы. Жизнь, батенька, создаетъ ужасы, предъ которыми блѣднѣетъ Шлиссельбургъ...

Перепелкинъ молча пожалъ мою руку, сочувственно закатилъ глаза и, переждавъ, пока я принялъ микстуру, сказалъ:

— Богъ захотѣлъ покарать мужчину и создалъ пишущую женщину. Все это такъ, но отчетъ о рождественскихъ разсказахъ, которыхъ еще нѣтъ?..

— Ну, да.

— Дай мнѣ твой пульсъ. Покажи языкъ. Знаешь, дорогой, не прокатиться-ли намъ съ тобой на Иматру?.. Я что-то переутомился. Хочется встряхнуться... А кстати, какой сегодня день, голубчикъ?

Мерзавецъ! Онъ уже испытывалъ мои умственныя способности! Онъ уже думалъ, что я зарапортовался!

— Шалишь,—сказалъ я.—Нѣтъ, благодарю. Знаемъ мы эти прогулки. Иматра, а потомъ къ Николаю Чудотворцу. Нѣтъ, милый. Мнѣ еще рано. Ты ошибся. Я здоровъ, и сегодня пятница.

— Тогда я тебя не понимаю.—Ты явно глумишься надо мной! Отчетъ о разсказахъ, которыхъ нѣтъ!..

— Да, но *о рождественскихъ* разсказахъ, милый мой. Ради Бога, не смѣшивай меня съ тѣми рецензентами, которые утромъ въ день спектакля сдаютъ въ типографію рецензію о новой пьесѣ съ оцѣнкой

игры актеровъ, а ночью заѣзжаютъ въ театръ на одну минуту, чтобы отвезти домой жену.

— Да, но ты похожъ на того брандмейстера, который приказалъ своей командѣ являться на мѣсто пожара за часъ до его начала.

— Что-жъ? Если мѣсто извѣстно, почему бы командѣ и не являться заблаговременно? Если содержаніе разсказовъ несомнѣнно, отчего же и не писать о нихъ загодя?

— Ахъ, ты уже знакомъ съ этими разсказами? Это, конечно, дѣло девятое.

— Я не читалъ *этихъ* разсказовъ, но, дорогой мой, я вѣдь и не вчера родился. Еще пять лѣтъ, и я начну плѣшивѣть. Еще десять лѣтъ, и тебѣ придется посвятить вечеръ-другой сочиненію мнѣ экспромта къ юбилею. Я не читалъ ни одного изъ разсказовъ, которыми будетъ нынѣ обогащена россійская словесность, но я знаю ихъ всѣ за двумя-тремя исключеніями.

— Понимаю. Ты хочешь сказать, что вся эта чертовщина, заколоченные дома, простреленные портреты...

— Ну, да,—даются рѣшительно всегда въ точно опредѣленныхъ дозахъ, по ясному рецепту — mixtur, detur, signatur...

— И вотъ именно нынче старые рецепты и не годятся. Ты положительно попадешь впросакъ. Ты упустилъ, что Россія съ нѣкотораго времени находится на положеніи страны, пережившей чрезвычайную революцію.

Въ зеркало я видѣлъ, какъ презрительная улыбка заиграла на моихъ губахъ. Идіотъ! Кому онъ говорилъ это? Мнѣ, человѣку, который на своемъ вѣку раскритиковалъ сотни книгъ, не разрѣзая ихъ, который по первой главѣ большого романа могъ опредѣлить, чѣмъ онъ кончится, и ужъ, разумѣется, зналъ, что изъ всѣхъ приспособляющихся существъ наиболѣе приспособляющееся—русскій беллетристъ, подобно полипу принимающій тотъ цвѣтъ, какой нуженъ моменту и редактору.

— Положеніе чрезвычайной революціи,—отвѣчалъ я,—только лишняя гарантія вѣрности моихъ догадокъ. Если до революціи могъ случайно проскользнуть оригинальный рождественскій разсказъ, то теперь мнѣ это кажется столь же возможнымъ, какъ поймать крабба въ собственной головѣ.

— То есть?

— Теперь редакторъ приглашаетъ беллетриста къ себѣ въ кабинетъ, долго держитъ его за пуговицу и долго съ страдальческимъ видомъ проситъ у него гражданскихъ или революціонныхъ чувствъ.—„Ужъ вы, ради Бога, безъ чертовщины. Помилуйте, такая отсталость! По нынѣшнему времени этотъ товаръ хуже велосипедовъ старой системы. Онъ не въ спросѣ даже у сознательныхъ гимназистовъ. Вонъ у меня отъ прошлаго года лежатъ два заколоченныхъ дома, четыре безпокойныхъ мертвеца, одинъ самовскрывающійся гробъ и семь призраковъ въ бѣломъ. А вѣдь деньги-то я платилъ за нихъ не призрачныя“.

— Итакъ, о чемъ же будутъ писать, по вашему, нынѣшніе беллетристы?

— Нумеръ первый:—„Въ Рождественскую ночь", разсказъ Имярека. Здѣсь надо оставить цѣлую строку, потому что сюда придется вписать около десяти фамилій. Въ рождественскую ночь скорбная мать сидитъ въ своей убогой комнаткѣ и думаетъ о несчастномъ сынѣ. Онъ—политическій, сосланъ куда-то въ Якутскую область, и о немъ давно нѣтъ вѣсти. И вдругъ онъ возвращается, какъ разъ въ эту ночь! Онъ долженъ подойти неслышно, такъ, чтобы „двѣ сильныя руки нѣжно обвили шею старушки". Знаешь, это должно выйти очень трогательно!

— Ну, положимъ, ты правъ. Такихъ разсказовъ, безъ сомнѣнія, будетъ нѣсколько, но дальше едва-ли ты угадаешь съ такою несомнѣнностью...

— Второй разсказъ: „Богоугодный жандармъ" или „Раскаявшійся сыщикъ". Сыщикъ выслѣдитъ политическаго студента или студентку. Еще мгновеніе и—цапъ царапъ. Но какъ разъ въ рѣшающую секунду ударитъ рождественскій колоколъ. Чуткое шпіонское или жандармское сердце забьется совершенно новыми ощущеніями. Вспомнится дѣтство, маленькій братишка, сестра, которая могла бы вотъ быть на мѣстѣ этой курсистки. Можно даже вспомнить первую любовь. Что,—ты думаешь, у сыщиковъ и жандармовъ не бываетъ первой любви? И вотъ у него опускаются руки, и онъ самъ помогаетъ молодому человѣку укрыться отъ преслѣдованія. Ты думаешь, что, пока мы здѣсь

сидимъ, кто нибудь уже не пользуетъ эту современнѣйшую тему?

Лицо моего друга вытянулось. По тому, что онъ слегка покраснѣлъ, моментально прокисъ и безнадежно растеряннымъ тономъ промямлилъ свое согласіе, было совершенно очевидно, что я спугнулъ его съ намѣченной имъ самимъ темы, надъ которой онъ сидѣлъ, какъ тетеревъ на току. Можетъ быть, вся разница была только въ томъ, что его разсказъ назывался „Благообразный квартальный". Пишутъ же беллетристы разсказы о покаявшемся околоточномъ, и даже не къ Рождеству, когда простительна всякая чертовщина!

Я не показалъ виду о своей догадкѣ, щадя самолюбіе собрата, и продолжалъ:

— Превосходный сюжетъ — примиреніе молодыхъ отца и матери, впавшихъ въ политическое разномысліе, въ рождественскій вечеръ у постели больного ребенка. Жена, разумѣется, болѣе чуткая, какъ всѣ женщины, давно примкнула къ кадéтамъ. Надъ ея столомъ портретъ Муромцева, Родичева. Она ходила слушать Петрункевича и Набокова. Ея мужъ—чинуша, которому, къ тому же, запрещено вступать въ партіи. Это — конь и трепетная лань. Ихъ жизнь давно превратилась въ семейный адъ. И вотъ въ рождественскую ночь, подъ мѣрные удары колокола...

— Оставь! Понимаю. Я не маленькій. Дальше!

— Дальше! Старый, сухой человѣкъ въ рождественскую ночь узнаетъ о бѣдствующемъ младенцѣ. Младенецъ долженъ быть сыномъ или арестованнаго, ко-

торый вотъ уже второй годъ зимуетъ въ предварилкѣ, или бомбиста, или потерянъ на баррикадахъ.

— Ну, ужъ ты хватилъ—на баррикадахъ!

— Очень просто,—„потерянъ на баррикадахъ, куда былъ захваченъ, въ силу преступной, но понятной разсѣянности или растерянности“... Ты что думаешь? На баррикады, братъ, идти, это—не въ баню. Нѣ-ѣтъ. Тутъ безъ шапки уйдешь, а чужого ребенка захватишь за милую душу. И вотъ главная коллизія въ томъ, что этотъ старый, сухой человѣкъ—членъ русскаго собранія, и онъ знаетъ, что младенецъ этотъ произведенъ на свѣтъ чрезвычайнымъ революціонеромъ и едва ли не жидомъ. Въ его душѣ, конечно, страшная борьба,—борьба патріотизма съ прирожденною жалостью. Но въ эту минуту зычно бухаетъ рождественскій колоколъ...

— Слѣдующій!

— Журналы и газеты консервативные и реакціонные выворачиваютъ эти сюжеты мѣхомъ вверхъ. Такъ „благообразный квартальный“ легко превращается въ „благомудраго революціонера“, который откажется отъ своей зловредности въ рождественскій вечеръ — ad libitum—у постели больного ребенка или предъ одинокой старушкой-матерью.

Спеціально-консервативная фабула для „истинно-русскаго“ разсказа — „Идеалистъ-черносотенецъ или злочестивый жидовинъ“. Сила Трифонычъ, благонадежный лабазникъ съ Сѣнной въ рождественскій вечеръ ловитъ на мѣстѣ преступленія еврея Шмуля, собирающагося зарѣзать, поджарить и съѣсть своего собственнаго

дитю. Ты знаешь, разумѣется, что евреи ѣдятъ своихъ дѣтей, и дѣтская кровь—ихъ любимый напитокъ, какъ для нѣмцевъ пиво или для беллетристовъ вода. Ну, батенька, не возражай,—это же доказано, что они—ѣдятъ... И вотъ въ самую рѣшительную минуту, съ одной стороны, ударъ рождественскаго колокола, а съ другой, зычный голосъ Силы Трифоныча: „Что ты, подлецъ, дѣлаешь!" Злочестивый жидовинъ такъ растроганъ благовѣстомъ...

— Ну, благовѣстъ-то ты оставь! Для еврея...

— Э, нѣтъ, не скажи. Вѣрь моему опыту. Это ужъ такое сильно дѣйствующее средство, что будь тутъ магометанинъ, ламаитъ, мормонъ, самоѣдъ,—никто не устоитъ. Да и хорошъ бы былъ рождественскій разсказъ безъ колокола! И такъ, еврей кается, плачетъ, цѣлуетъ свое дитя, а потомъ—принимаетъ православіе. Звенѣли колокола...

— А знаешь, выразительно сказалъ мой собратъ послѣ нѣкотораго молчанія,—ты вѣдь, пожалуй, правъ. Такіе разсказы будутъ. Будутъ, чортъ меня побери! Будутъ! взвизгнулъ онъ не своимъ голосомъ.—Человѣчество въ цѣломъ прогрессируетъ, но за нимъ всегда тащится арріергардъ тупицъ и бездарностей, до которыхъ здравыя и новыя мысли доходятъ медленнѣе, чѣмъ лучъ солнца до земли или посылка русскому солдату въ Манчжурію... То, что другимъ стало яснымъ до трюизма, для нихъ еще не открытая Америка. Они напишутъ. Все, что ты говорилъ напишутъ. И ты будешь въ состояніи нанизать ихъ позорныя имена, какъ на булавки на эти сюжеты.

— И этого мало, — воскликнулъ я съ страдальческимъ стономъ.—Они напишутъ даже и про замерзающихъ мальчиковъ! Есть беллетристы, которые обожаютъ банальность, какъ карась гнилую воду. Вотъ это, батенька, пытка.

— Да, это — мое почтеніе. Но скажи, какъ-же съ ними бороться?

— Какъ бороться! воскликнулъ я, преисполняясь гнѣвомъ.—Существуютъ учрежденія, вѣнчающія талантъ и геніальность. Есть академіи, выдающія пушкинскія и иныя преміи. Почему-бы этимъ учрежденіямъ не отмѣчать и обратный полюсъ ума и дарованія—тупость и бездарность? Академія должна поймать человѣка, написавшаго о замерзшемъ на рождествѣ мальчикѣ, съ поличнымъ и выдать ему на всю жизнь желтый билетъ. Да, да, позорный желтый билетъ съ обозначеніемъ его преступленія. Въ тотъ-же день касса взаимопощи литераторовъ и ученыхъ вычеркиваетъ изъ своихъ списковъ это гнусное имя. Литературный фондъ разъ навсегда отказывается отъ какихъ-бы то ни-было пособій ему даже на смертномъ одрѣ. Святѣйшій синодъ въ лицѣ семи смиренныхъ іерарховъ отлучаетъ его отъ церкви и ласково и благостно объявляетъ его анафемой. Волково кладбище закрываетъ передъ нимъ свои нѣдра. Онъ навсегда лишается избирательныхъ правъ даже въ такую Думу, какъ третья. Въ редакціяхъ отъ него бѣгутъ, какъ отъ зачумленнаго. Меньшиковъ отказывается подавать ему руку. Ни одинъ домовладѣлецъ не принимаетъ его въ жильцы.

О, эта анафема, очевидно, настолько толстокожъ, что его можно пронять только развѣ анафемой или еврейскимъ херемомъ! Онъ будетъ влачить дни, презираемый и ненавистный себѣ, какъ вѣчный жидъ. И когда черезъ шумный градъ онъ будетъ пробираться торопливо, старцы должны будутъ говорить дѣтямъ съ улыбкою самолюбивой:

— Смотрите, вотъ примѣръ для васъ. Это мерзавецъ, который въ наши дни, въ двадцатомъ вѣкѣ, написалъ разсказъ о мальчикѣ, замерзшемъ въ рождественскую ночь подъ окномъ съ зажженной и разубранной елкой.

Современныя басни.

...Фраза Милюкова о томъ, что кадеты уже довольно таскали на своихъ плечахъ осла, продолжаетъ волновать всю прессу...

Изъ передовицы.

I.

Нѣмецкій оселъ.

Однажды Милюковъ сослался на осла...
Какъ человѣкъ ка-детской вѣры,
На крайнихъ лѣвыхъ былъ сердитъ онъ свыше мѣры,
И раздраженно мысль его текла.
Лишь только слово то промолвилъ вождь ка-детскій,
Пошли и гамъ, и кутерьма,
Какъ на базарѣ или въ дѣтской...
Ну, точно свѣтъ сошелъ съ ума!

* * *

— Ослами обозвалъ онъ *насъ!*—кричатъ эсъ-эры.
— Нѣтъ, это *мы* ослы!—эсъ-дэки вопіютъ,—

Здѣсь дерзость превзошла примѣры.
Мы требуемъ третейскій судъ...
Не можемъ мы стерпѣть пріемъ такой не-свѣтскій,
Теперь не старый вѣкъ,—расправы коротки... .
— Нѣтъ, это *мы* ослы!—кричатъ трудовики,—
И это насъ таскалъ онъ на спинѣ ка-детской!
Спѣшимъ мы заявить претензію свою!..

* * *

И вотъ, для разрѣшенья спора
Рѣшили всѣ и очень скоро
Послать газетчика къ нему на интервью.
— Осломъ означили кого вы, вождь ка-детскій?—
Горимъ мы нетерпѣньемъ знать...
— Ахъ,—лидеръ отвѣчалъ,—да мой оселъ нѣмецкій!—
И началъ басенку нѣмецкую читать.

Въ Россіи—вотъ страна!—лишь крикнешь слово „воръ",
На сотняхъ шапки загорятся.
Произнеси „оселъ", хотя бы не въ укоръ,—
Всѣ, голову сломя, несутся расписаться.
Цѣль басни этой—всѣмъ неопытнымъ внушить:
Порой и на осла сослаться можно,
Но дѣлай это осторожно,
Чтобъ всуе всѣхъ ословъ въ тревогу не вводить.
Ослу-жъ не слѣдуетъ съ распискою спѣшить.

II.

Ведекиндъ и Вундеркиндъ.

О, дѣти, дѣти, какъ опасны ваши лѣта!
Ребенокъ, не видавшій свѣта,
На ведекиндову „Весну“ въ театръ попалъ,
Надъ коей Мейерхольдъ отмѣнно постарался.
Отецъ его съ газетами не знался
И былъ глухой провинціалъ,
Науку оплатившій мѣдью.
Въ афишѣ усмотрѣлъ онъ „дѣтскую трагедью“
И сына на галерку взялъ.

* * *

Сидитъ отецъ, глядитъ, и въ жаръ его бросаетъ.
Мурашки по спинѣ. „Попалъ, болванъ, въ просакъ!“
Одно лишь счастье,—сынъ въ кулакъ
Зѣваетъ и зѣваетъ.
Какъ на ежѣ всю пьесу просидѣвъ,
Отецъ поднялся, радъ финалу,
Ужъ счастье, что не взялъ жены да пары дѣвъ,—
Отмѣнному бы быть скандалу!
И чтобы Ведекиндъ сновъ юныхъ не смутилъ,
Младенцу говоритъ провинціалъ съ улыбкой:
— Да, помню, какъ тебя къ намъ аистъ притащилъ...
Такой пушистый, стройный, гибкій!..

* * *

Но головой качнувъ ему въ укоръ,
Малютка отвѣчалъ съ нескрытою досадой:
— „И какъ вамъ, взрослые, не надоѣлъ весь вздоръ
Про глупыхъ аистовъ съ капустой и разсадой!..
Зѣвая, я смотрѣлъ. Наивныя черты!..
Насъ Жаринцева всѣхъ брошюрой просвѣтила.
Ахъ, папа! Бросимъ вздоръ. На аиста вѣдь ты
Похожъ не болѣе, чѣмъ я на крокодила.

Въ нашъ вѣкъ, чтобы создать изъ сына вундеркинда,
Нѣтъ нужды прибѣгать къ услугамъ Ведекинда.

Какъ писать святочные разсказы.

I.

Разсказъ истинно-русскій.

...Свѣтъ электрическихъ фонарей превращалъ снѣгъ въ брилліанты Тэта, когда Сила Трифонычъ вышелъ изъ своего маленькаго магазина въ Спасобочаринскомъ переулкѣ, гдѣ онъ уже нѣсколько лѣтъ торговалъ резиновыми издѣліями истинно-русской мануфактуры.

Человѣкъ добрыхъ старыхъ устоевъ, высокій патріотъ и членъ союза русскаго народа, состоявшій вотъ уже третій годъ церковнымъ старостой въ своемъ приходѣ, Сила Трифонычъ, заложивъ щеколду на дверь лавки, истово осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и, тихо напѣвая „вскую мя отринулъ еси“, направился къ праздничной всенощной.

На проспектахъ шла уже предпраздничная суета. Жены беллетристовъ покупали гусей и поросятъ на добытые мужьями авансы подъ святочные разсказы. Но въ переулкѣ было тихо. Только скрипъ резиновыхъ калошъ пріятно щекоталъ ухо Силы. Вдругъ его лѣвая нога споткнулась обо что-то мягкое.

Онъ наклонился и посмотрѣлъ. Завернутый въ пеленки и одѣяло, посреди тротуара, передъ нимъ лежалъ новорожденный младенецъ.

Одѣяло еще не успѣло нахолодиться. Очевидно, младенца только-что подкинули изъ калитки съ прямымъ расчетомъ на него.

Это былъ явный перстъ Божій. Сила Трифонычъ покорно склонилъ передъ нимъ голову. Мозолистыми трудовыми руками онъ поднялъ младенца и понесъ его домой.

— Воспитаю отечеству хоть одного союзника!— твердо сказалъ онъ себѣ.

Когда на крестинахъ приглашенная для совѣта акушерка (не изъ жидовокъ!) взяла раздѣтаго младенца на руки, Силѣ Трифонычу пришлось перенести тяжелое испытаніе.

— Ребенокъ обрѣзанъ,—громко сказала она.

Даже громогласный діаконъ отъ Вознесенія, Лупъ Изведиизтемницынъ, грузно сѣлъ, попросилъ стаканъ воды, и, въ волненіи выпивъ его, посылалъ за водою горничную четыре разу кряду. Батюшка вздрогнулъ и торопливо сталъ искать въ требникѣ, какъ предписано поступать въ подобномъ случаѣ отцами второго лаодикійскаго собора.

Съ женою Силы Трифоныча сдѣлалась истерика. Пѣвчіе стояли потрясенные. „Вскую?" — растерянно спросилъ дьячокъ.

Только Сила Трифонычъ сохранилъ высокое спокойствіе духа. Онъ овладѣлъ собою и твердымъ голосомъ сказалъ:

— Тяжелое испытаніе послалъ мнѣ Богъ. Но побѣждаю искушеніе! Усыновляю его, хотя онъ и жидъ. Пусть весь міръ видитъ красоту истинно-русской души!..

Пѣвчіе прослезились. Акушерка плакала навзрыдъ. Щенокъ подвывалъ въ сосѣдней комнатѣ. За окномъ тихо гудѣли рождественскіе колокола.

II.

Разсказъ либеральный.

...Опустошенная казаками, разграбленная урядниками, изнуренная тифомъ деревня валялась въ болотистой низинѣ, забытая Богомъ и (его превосходительствомъ) *), губернаторомъ.

Рождественскія звѣзды грустно смотрѣли на скучившіяся избы, жалкія, сиротливыя. Какъ извѣстно, цензурнымъ циркуляромъ прессѣ предписывалось признавать не голодъ, а только недородъ. И помощь общества голодающимъ была невозможна. Русскія деревни утопали въ нищетѣ.

Надъ соломенными крышами пролетѣла ворона и прокричала: „кра! кра! кра!“

Тотъ, кто хотѣлъ бы слышать, — понялъ бы, что она кричала:

— Обра—бра—тите вниманіе! Насъ обокра—кра—кра—крали!..

---

*) Вставка цензора.

Но министерство внутреннихъ дѣлъ не обращало вниманія. Главный начальникъ по дѣламъ печати, М. П. Соловьевъ, былъ занятъ своими маіоликами, когда народъ голодалъ...

Рождественскія звѣзды заглянули въ крайнюю избу. Въ пустой школѣ былъ устроенъ медицинскій пунктъ. На кровати лежала прекрасная молодая дѣвушка. Молодой медикъ сидѣлъ около нея.

Дѣвушка была въ тифу. Тѣни смерти уже бродили по ея лицу. Въ полубредовыхъ воспоминаніяхъ проходили послѣдніе дни ея жизни здѣсь, съ самоотверженнымъ медикомъ, отдавшимся, какъ и она, дѣлу спасенія деревни.

Онъ говорилъ ей о Лассалѣ, о послѣдней статьѣ Скабичевскаго, о томъ, что убогая земская медицина не доросла даже до фенацетина.

Онъ говорилъ объ этомъ, когда въ сердцѣ его горѣло признаніе. Онъ заглушалъ его, твердо вѣря, что не можетъ быть рѣчи о личномъ счастьѣ, когда народъ мретъ отъ тифа.

— Валеріанъ!—простонала она.—Черезъ часъ меня не станетъ. Пора сказать то, что я таила въ себѣ. Я люблю васъ.

— Елена!—простоналъ онъ.

Ихъ уста слились въ пламенномъ поцѣлуѣ...

Онъ чувствовалъ теперь себя вправѣ на это. Она умирала, у него было 39 и 9 температуры. Уже нѣсколько дней онъ ходилъ зараженнымъ... Онъ чувствовалъ, что и ему не убѣжать отъ смерти...

— Укажи мнѣ такую обитель!—сказала она.

— Выдь на Волгу,—чей стонъ раздается?—восторженно подхватилъ онъ.

. . . .

Становой гналъ лошадей, какъ на пожаръ. Онъ поочередно ощупывалъ бумагу объ арестѣ въ карманѣ и револьверъ въ кобурѣ. Карьера исправника мерещилась ему.

Бубенчикъ замолчалъ. Кони стали. Становой порывисто соскочилъ и распахнулъ дверь школы. „Ар-р-ре-стовать!" еще на порогѣ неистово закричалъ онъ.

Онъ вошелъ въ комнату фельдшерицы и остолбенѣлъ. Его мечты разлетѣлись. И онъ, и она лежали мертвыми. Въ углу притаился страшный призракъ тифа съ опущенными и сморщенными черными крыльями...

Бумъ!—грянуло съ колокольни. И призывъ къ рождественской службѣ прозвучалъ, какъ набатъ...

III.

Разсказъ стиля-модернъ.

Рождественская ночь...

Когда рождественская ночь случается въ пятницу,—вы замѣтили?—съ Невы всегда дуетъ раздражительный и колючій вѣтеръ. Вѣтеръ съ Невы. Съ Невы.

Онъ носится по набережной, косой и кривобокій, и дуетъ посинѣвшими губами на огонь ламповщика, бѣ-

гающаго отъ фонаря къ фонарю. Ламповщика, который знаетъ какую-то тайну! Вы замѣтили,—всѣ ламповщики знаютъ какую-то тайну. Ламповщики рождественской ночи!

Но они хранятъ ее. Не выдаютъ ея. Шепчутъ только одинокимъ фонарямъ на набережной... Да еще развѣ Дымову, Блоку...

Въ ту ночь,—ты помнишь?—мы сидѣли одни въ нашей тихой мансардѣ. Въ нашей тихой мансардѣ. Мнѣ казалось, что пахнетъ апельсинами. Спѣлыми апельсинами изъ Палермо. Но это были не апельсины, а отъ волненія.

Чесался глазъ.—Ты помнишь?—Особенно правый. Цвѣли камеліи.—Вы замѣтили,—всѣ камеліи брюнетки?

Въ окно доносились рождественскіе звуки. Дивные звуки, полные ожиданія чуда и тайны! Звонили колокола. За печкой скрипѣлъ сверчокъ. И были только мы и сверчокъ. Сверчокъ и мы.

И въ моей душѣ звенѣли грустныя слова:

— Пока еще не поздно! Еще мгновеніе, и будетъ слишкомъ поздно. Летитъ пятница рождественской ночи... Все падаетъ въ вѣчность. Сверчокъ и мы.

Мнѣ вдругъ стало холодно. Нестерпимо зачесался глазъ. Я чувствовалъ, какъ крѣпла связь между міромъ движущейся протоплазмы и мертвымъ царствомъ инертныхъ клѣточекъ. Страшныя слова: слишкомъ поздно!

Цвѣли камеліи. Пѣлъ сверчокъ. И я вдругъ увидѣлъ тебя въ четырехугольной рамкѣ твоего прошлаго

Я схватилъ рукой твой сѣрый оренбургскій платокъ. Милый оренбургскій платокъ, теплый, пушистый, ласковый... Чудные антоновскіе яблоки... Ты помнишь?

О, милая рождественская ночь пятницы, когда съ Невы дуетъ косой вѣтеръ! Милый сверчокъ... Милая вѣчность... Милый гонораръ!..

Потокъ-богатырь на „Бѣсовскомъ дѣйствѣ“.

1.

...Пробудился Потокъ на Невѣ, на рѣкѣ,
Освѣжился студеной водою.
Все ему въ удивленье—газета въ рукѣ,
Съ колокольню дома вышиною,
Предъ которыми мыслишь себя червякомъ,
Видъ трамвая и конки, что ходятъ рядкомъ.
Телеграфъ, автобусы, кіоски,
Самокаты и женщинъ прически.

2.

Электричества шутки ввели его въ ражъ,—
(Исправлять мірозданье не грѣхъ-ли?)—
Битый часъ богатырь простоялъ, словно стражъ,
У окна Александра и Бехли.
— „Не житье, а малина, въ двадцатый-то вѣкъ,
Чистымъ раемъ обставилъ себя человѣкъ.
Вечеркомъ же и онъ, и семейство
Можетъ видѣть „Бѣсовское дѣйство“.

3.

И нашелъ на Потока причудливый стихъ:
Хочетъ видѣть позорище это.
„Чай, далеко шагнуло искусство у нихъ
Въ вѣкъ паровъ и волшебнаго свѣта!
Чай, далеко отброшенъ тотъ старый „скомрахъ“,
Въ колпакѣ расписномъ, въ полосатыхъ штанахъ,
Что вертѣлся, какъ куръ у насѣста,
А ужъ дальше насѣста ни съ мѣста“.

4.

И, билетъ раздобывъ не совсѣмъ безъ труда,
Въ платьѣ чуть не эпохи Аскольда,
Тихой конкой Потокъ поспѣшаетъ туда,
Гдѣ скитается тѣнь Мейерхольда.
Начинаютъ кареты къ дверямъ подъѣзжать,
Мейерхольдицъ сбирается скорбная рать,
Сонмъ квартальныхъ, параденъ и гладокъ,
Соблюдаетъ входной безпорядокъ.

5.

Сѣлъ Потокъ. Двѣ матроны, что рядомъ сидятъ,
Какъ въ тискахъ ему стиснули чресла.
„Хоть у нихъ и широкъ на художество взглядъ,
Но преузкія, чортъ возьми, кресла!“

Растопырился занавѣсъ,—Боже, ты мой!
Старорусскій предъ нимъ монастырь, какъ живой,
Лишь за вратаря новый ужъ номеръ.
Тотъ, знать,—царство небесное!—померъ...

6.

Только смотритъ Потокъ и не вѣритъ очамъ,—
Не скакнешь изъ бояръ въ модернисты!—
Тутъ обитель святая, монахи и храмъ,
А внизу помѣстился нечистый.
Хвостъ упругій жгутомъ, ростъ не такъ ужъ великъ,
Весь затянутъ въ трико, какъ у мурина ликъ,
Впрямь, вѣдь онъ,—будь не къ ночи въ поминѣ!
(Это Бравичъ былъ въ чертовомъ гримѣ).

7.

„Ну,—смѣкаетъ Потокъ,—хоть и много здѣсь рожъ,
Много разныхъ хвостовъ, пестрыхъ шорстокъ,—
Не скажу, чтобы жанръ этотъ очень хорошъ
И прогресса не вижу съ наперстокъ.
Хоть искусство-модернъ я не смѣю судить,
Но за этимъ не стоило долго ходить.
Въ нашъ бы вѣкъ (не служили мы модѣ!)
Мы сказали про это—„дерьмо-де“.

8.

Вотъ мгновенье еще, и открылся содомъ,—
Шумъ и гамъ, какъ на пьесѣ Ефрона!

И чертяки, и сцена пошли ходуномъ,
Задрожали всѣ стѣны отъ стона.
Завертѣлась вся нечисть, какъ въ банѣ хлысты,
Въ хороводѣ бѣсовскомъ мелькаютъ хвосты,—
(Эхъ, креста жаль не сдѣлалъ я давечь!)—
И ругаетъ ихъ сволочью Бравичъ.

9.

— „Съ точки зрѣнія вѣка машинъ и паровъ,
Можетъ, это и будетъ идейнѣй,
Но скомрахи на пасхѣ, во время пировъ,
Насъ смѣшили зѣло позатѣйнѣй..."
И покончить той думы Потокъ не успѣлъ,
Вдругъ весь зрительный залъ загудѣлъ, засвистѣлъ,—
Такъ не воютъ и въ подлинномъ адѣ,
Представленія чая къ наградѣ.

10.

Засвистѣли мужчины въ ключи отъ столовъ,
Тонкимъ голосомъ взвыли дѣвицы.
Въ креслахъ, въ ложахъ, въ галеркѣ, у райскихъ столбовъ
Изступленныя тянутся лица...
Тутъ лишь понялъ Потокъ весь искусства секретъ:
Очевидно, и зритель, и критики цвѣтъ,
И наука—центральнымъ признали
Представленье не сцены, а въ залѣ.

11.

Но красотъ стилизаціи онъ не постигъ.
Къ сну почуявши позывъ сугубый,
Онъ урвался изъ плѣна отъ дамъ матерыхъ
И пустился за шапкой и шубой.
И хоть былъ богатырь и востеръ, и храберъ,
Но смѣнялъ онъ тутъ свой настоящій боберъ
На чужой, по винѣ „человѣка",—
И опять легъ дремать на два вѣка.

12.

И пускай онъ храпитъ. Ну, а въ чемъ же мораль,
И чему поучаетъ баллада?
Развѣ только тому, что Потоку едва-ль
Пробуждаться отъ сна было надо,
Что блаженнѣй теперь тотъ, кто спитъ, иль отпѣтъ,
Что Ремизова сказъ было ставить не слѣдъ,
Что живи они въ прежнихъ устояхъ,—
Были-бъ шапки цѣлѣй у обоихъ...

Визитъ Епиходова.

(Литературный шаржъ).

I.

Онъ былъ бы совсѣмъ недурной молодой человѣкъ, если бы лицо у него не было немножко въ сторону, кокъ волосъ не спускался на лобъ слишкомъ по гостиннодворски, и огромный красный галстухъ съ искрой не лѣзъ изъ-подъ шеи съ такимъ крикомъ.

— Семенъ Пантелеевичъ!—отрекомендовался онъ, по обыкновенію всѣхъ представляющихся скравъ фамилію, такъ что я поймалъ только смутный звукъ, ударяющій въ о.—Извините за безпокойство. Но хотя я знаю, что у васъ много дѣла, и литература для васъ только родъ жизни на пропитаніе, тѣмъ не менѣе, рѣшаюсь отнять у васъ нѣсколько минутъ, съ вашего позволенія.

— Пожалуйста! — сказалъ я, смутно вспоминая что-то знакомое въ этой фигурѣ, въ этомъ галстухѣ, въ этой манерѣ говорить.

— Позволите закурить? Благодарю васъ. Я, видите-ли, развитой человѣкъ, читаю разныя замѣчательныя книги, но никакъ не могу понять направленіе. И отъ васъ мнѣ хочется найти просіяніе моего ума. Какъ я не проходилъ ученія университановъ или лѣсныхъ студентовъ, то больше достигъ своего образованія путемъ изданій „для саморазвитія". Очень внимательно слѣжу-съ за литературой-модернъ, и самъ иногда, извините, пишу очень даже любопытные стихи. Но какъ я всего въ ней не понимаю, то это совершенно приводитъ меня въ состояніе духа...

Модернъ онъ произнесъ, какъ „мадернъ", съ тѣмъ смягченіемъ звука е, какое даетъ ресторанная прислуга въ словѣ „мадера", а отъ термина „привести въ состояніе духа" на меня повѣяло опять чѣмъ-то странно знакомымъ.

Смердяковъ? Нѣтъ, тотъ, помнится, больше увлекался вольтерьянскими сочиненіями о религіи, чѣмъ модернистами!..

II.

— Работаю-ли я,—продолжалъ мой редакціонный гость,—кушаю-ли, играю-ли на билліардѣ, я все думаю о моемъ образованіи. Я знаю свою фортуну: каждый день со мною случается какое-нибудь несчастіе, и къ этому я давно уже привыкъ, такъ что съ улыбкой гляжу на свою судьбу. Очень возможно-съ, что и вы увеличите печаль моего горя, если не признаете

таланта въ моихъ стихахъ. Но что творится въ моей грудѣ (онъ стукнулъ рукою въ манишку)—о томъ знаетъ одинъ Богъ. Снаружи двубортный жилетъ и галстухъ съ булавкой, а внутрѣ, между прочимъ, оказывается человѣкъ съ огнедышащимъ испанскимъ Везувіемъ. Истинный пожаръ-съ, и надъ огнемъ летаютъ галочьи стаи и стучатъ хлопотливыми криками въ воздухъ, точно сколачиваютъ облака дыма костяными гвоздями...

Меня почти шатнуло отъ этой фразы. Способъ выраженія моего гостя былъ и ранѣе необыченъ, но теперь получалось что-то совсѣмъ эѳіопское.

Я взглянулъ на его лицо,—оно сіяло восторгомъ.

— Когда я,—продолжалъ онъ,—читаю мои стихи той женщинѣ, которой они посвящены, у нея отъ волненія лицо заостряется, какъ лезвіе ножа, хотя, между прочимъ, сердце у нея очень жестокое, и я для нея не больше, какъ какая насѣкомая. Мой голосъ тогда становится металлическаго тембра, и сами слова цвѣта бронзы, позеленѣвшей отъ времени. Обыкновенно я начинаю читать ихъ тогда, когда въ комнату со всѣхъ сторонъ, точно спущенная свора черныхъ собакъ, врывается ночь, и слѣпая жуть мотаетъ черные клубки изъ безконечной нитки и бросаетъ ихъ беззвучно въ темноту. Тогда я становлюсь прямъ, какъ отравленная стрѣла. Я говорю долго, точно поспѣшно плюю въ воздухъ и растираю кирпичами. Знаете, я врагъ тѣхъ людей, которые всю жизнь прячутъ отъ другихъ

свой желудокъ, рядятъ его въ рясы изъ звонкихъ словъ, обкладываютъ его лисьими хвостами пріятныхъ улыбокъ. Нѣтъ, господа, давайте на чистоту!..

III.

Долженъ сознаться, что языкъ моего гостя, выражаясь его терминами, „совершенно привелъ меня въ состояніе духа“, и я, рискуя оказаться неделикатнымъ, перебилъ его.

— Послушайте,—сказалъ я.—Какой злодѣй училъ васъ русскому языку? У кого вы видѣли лицо, заострившееся, какъ лезвіе ножа? Какъ можно плевать словами въ воздухъ и растирать ихъ кирпичами? Вы сознаете, что̀ говорите, когда разсказываете о желудкѣ, одѣтомъ въ рясу изъ словъ и обложенномъ лисьими хвостами улыбокъ? Вы видали когда-нибудь такой желукъ? Вы по ошибкѣ брали уроки русскаго языка и вкуса у балаганнаго фокусника!

Гость не безъ застѣнчивости опустилъ глаза на свой ослѣпительный бантъ и сказалъ:

— Вліяніе-съ литературы модернъ. Ежели такъ, не хочу присвоивать себѣ чужой чести. По правдѣ сказать, ни желудковъ въ лисьихъ хвостахъ я не видѣлъ, ни кирпичами словъ не растиралъ, а все это мнѣ очень у г. Сергѣева-Ценскаго понравилось *). Таково,

*) Всѣ мѣста, набранныя въ разрядку выше и ниже, суть подлинныя цитаты изъ замѣчательныхъ произведеній авторовъ стиля-нуво. Сейчасъ—цитаты изъ „Лѣсной топи“ Ценскаго.

можно сказать, необыкновенно. Въ стихи къ своему предмету переложилъ и въ домашній обиходъ моей разговорной рѣчи ввелъ. Не удержался, извините. Истинные, можно сказать, цвѣты краснорѣчія. Которые необразованные, тѣмъ даже такъ-таки ни одного слова и не понять.

— Я вижу, вы большой поклонникъ искусства?

— Съ тѣмъ возьмите-съ. Имъ только и утѣшаюсь въ моей жестокой судьбѣ. И хотя никакъ не могу понять направленія, чего мнѣ собственно хочется, жить мнѣ или застрѣлиться, однако, ношу при себѣ вмѣсто револьверта книжку новѣйшаго сочиненія. Альманахи покупаю, гдѣ про новую любовь очень чувствительно разсказано. Какъ, къ примѣру, благородная особа, и очень даже выдающей наружности, стала жертвой гнуснаго насилія отъ пароходнаго капитана, или какъ господину поручику четыре разнаго званія дамы честь и невинность въ большихъ попыхахъ отдали. Очень прелюбопытно. Критика вонзается длинными зубами угрозы въ молодую литературу, еще недавно придавленную гранитомъ безмолвія, но, однако, художественная мысль шелеститъ бѣлымъ крыломъ и...

IV.

Редакціонный разсыльный, принесшій въ кабинетъ чай, не утерпѣлъ, фыркнулъ и виновато закашлялъ въ руку. Онъ привыкъ къ разнымъ рѣчамъ въ редак-

ціи,—ее иногда посѣщали декаденты и дамы писательницы,—но такія, вѣроятно, слышалъ въ первый разъ.

— Зубы угрозы, гранитъ молчанія!—подхватилъ я.—Скажите, вы, вѣроятно, восточный человѣкъ?

— Это я изъ г. Айзмана, изъ „Кроваваго разлива-съ“,—по-прежнему потупился мой гость.—Въ нѣкоторомъ родѣ, извините, недобросовѣстно заимствованный плагіатъ. Но ужъ очень трудно не соблазниться и не сплагіировать нынче, когда сквозь рѣшето событій просачивается время. Читаешь и—тянетъ-съ. Я все это по нѣскольку разъ въ тетрадь переписываю. Пишу и свою фортуну забываю. Собственную книжечку написалъ: „Стихотворенія изъ нравовъ моей души“. Осмѣлюсь предложить вамъ въ рукописи на судъ...

Онъ протянулъ мнѣ толстую рукопись въ синей обложкѣ съ неумѣло, но крайне старательно выписаннымъ раскосыми печатными буквами заглавіемъ.

Я бросилъ косой взглядъ на его лицо. Лицо было нервное, издерганное, но неинтелигентное. Неумное лицо, не одухотворенное, но озабоченное той заботой лакея, боящагося, какъ бы ему не пролить подаваемаго стакана, которую отмѣтилъ Щедринъ.

Что-то безнадежно мѣщанское, именно лакейское было въ этомъ лицѣ автора стиховъ „Изъ нравовъ души“. Я сталъ припоминать, что я зналъ въ этомъ родѣ. Мнѣ вспомнился лакей, про котораго какъ-то разсказывалъ Шеллеръ. Человѣкъ нанялся къ нему въ слуги, и каждый вечеръ, далеко за полночь, Шел-

леръ видѣлъ его что-то пишущимъ. Разъ, наконецъ, спросилъ его: „что это ты все пишешь?“

Оказалось, что тотъ переписывалъ въ тетрадь печатный романъ Шеллера. Писатель съ недоумѣніемъ спросилъ—зачѣмъ это ему. „Мнѣ нравится“—отвѣчалъ лакей.

Такъ нравился гоголевскому Петрушкѣ процессъ чтенія.

Вспомнился мнѣ и еще случай. Левъ Толстой какъ то разсказалъ одному изъ посѣтившихъ его литераторовъ случай, наблюденный въ его собственномъ домѣ.

Былъ у него лакей, который сталъ заниматься писательствомъ. Можетъ быть, лавры графа соблазнили его. Попала разъ его рукопись въ руки творца „Войны и мира“. Началъ Толстой читать и видитъ, что изысканнѣйше-витіеватымъ слогомъ лакей записывалъ весь день въ графскомъ домѣ. „Во столько-то часовъ пронесся по дому первый разливающійся звукъ призывающаго звонка“ и т. д.

Толстого, при его ненависти ко всякимъ вычурамъ, конечно, стошнило, а лакей, разумѣется, остался при утѣшающемъ убѣжденіи, что онъ—непонятый талантъ.

V.

„Разливающійся звукъ призывающаго звонка“—это былъ цѣликомъ стиль моего редакціоннаго посѣтителя. Не одинъ-ли изъ этихъ двоихъ?—подумалъ я, и только-что рѣшилъ обратиться къ нему съ вопросомъ, какъ пришлось этотъ вопросъ перемѣнить.

Авторъ „Нравовъ души“ только-что поднесъ ко рту стаканъ воды, поперхнулся и закашлялъ.

— Что съ вами?—невольно спросилъ я.

— Не извольте безпокоится. Воду пилъ-съ и проглотилъ какую-то колючку. Каждый день случается со мной какое нибудь несчастіе. И я не ропщу, привыкъ и даже улыбаюсь. Позволю себѣ такъ выразиться,—даже смѣюсь.

Не только будничныя признанія знакомаго, но и великія открытія иногда обусловлены совершенной случайностью и мелочью. Эта колючка сыграла для меня роль ньютоновскаго яблока.

Этотъ хриплый голосъ подавившагося человѣка, съ которымъ каждый день непремѣнно случается несчастье, этотъ языкъ, весь изъ вывертовъ, эта печоринская улыбка надъ своей „фортуной“—да вѣдь это же милѣйшій Сенька Епиходовъ, „двадцать два несчастья“, пущенный въ ходъ незабвеннымъ Чеховымъ!

Я встрѣчалъ его на сценѣ московскаго художественнаго театра, и вотъ онъ теперь почтилъ меня персонально. Я видѣлъ его въ роли несчастнаго ухаживателя горничной Дуни, и вотъ онъ теперь собирается обогатить литературу! Да ужъ и не встрѣчалъ-ли я его въ печати? Почему такъ часто, читая иного автора, я вспоминалъ Семена Пантелеевича, ибо тутъ былъ тотъ же стиль, то же настроеніе человѣка, не знающаго своего „направленія“,—жить ему или застрѣлиться.

— Позвольте,—сказалъ я.—Да вѣдь вы г. Епиходовъ?

— Онъ самый-съ. Какъ теперь господа Гаевы за границу уѣхавши, пришлось инымъ дѣломъ заняться...

— А скажите, вы уже не выступали въ литературѣ?

Епиходовъ потупился.

— Малость былъ грѣхъ. Извините за выраженіе. Въ нѣкоторыхъ листочкахъ пописывалъ. Но по нерѣшительности моихъ чувствъ — подъ псевдонимами-съ. Съ Петромъ Зудотѣшинымъ хочу въ скорости журнальчикъ издавать для семейнаго чтенія. Онъ будетъ по критикѣ, я по остальной части. Въ мечтѣ держу выступить на литературномъ вечерѣ или въ спектаклѣ господъ литераторовъ. Позвольте, я вамъ для памяти карточку...

И ужъ когда онъ вышелъ изъ кабинета, разсыльный передалъ мнѣ карточку, найденную Епиходовымъ, очевидно, въ пальто. Отъ нея пахло курицей, и на ней лаконично, но эффектно было набрано четкимъ шрифтомъ:

„Семенъ Пантелеевичъ Епиходовъ, лѣтираторъ“.

Гимнъ лироэпическій
на
введеніе бѣлой трости у гг. городовыхъ.

(Поется на мотивъ „Громъ побѣды раздавайся").

...Съ сегодняшняго дня на улицахъ столицы у 46-ти городовыхъ появились бѣлыя трости, служащія для урегулированія движенія...

Вѣдом. СПБ. Град.

Златоогненной Жаръ-Птицей
Сквозь туманы октября
Полыхаетъ надъ столицей
Конституціи заря.
Дни прогресса налетѣли,
Свѣтлыхъ символовъ полны,—
Сорокъ шесть постовъ отселѣ
Бѣлой тростью снабжены.

* * *

Трость—идеи воплощенье,
Странъ культурныхъ свѣтлый гость.

Нѣтъ сомнѣнья, все „движенье“
Намъ уладитъ эта трость.
Стала быль свѣтла, какъ въ сказкахъ.
Россъ душою умиленъ:
Въ сорока шести участкахъ
Ясный символъ водруженъ...

* * *

На Руси хожалый правитъ,
Какъ волшебной тростью магъ,
И порядкомъ въ экипажахъ,
И порядкомъ въ головахъ.
Не пробудятъ дикой злости,
Но отрадны станутъ вмигъ
Синяки отъ бѣлой трости
Черной кости ломовыхъ.

* * *

Въ бѣлой трости—синтезъ скрытый
Всѣхъ былыхъ Руси судьбинъ —
Отъ баскакской палки витой
До опричничьихъ дубинъ.
Не вчера-ль Петра дубиной
Русскій—гербъ свой украшалъ,
И „дубинушку“ любимой
И исконной пѣсней звалъ?

* * *

А сегодня отъ дубинки
Къ нѣжной трости переходъ....
Семимильными шагами
Зашагалъ народъ впередъ.
Превратиться въ человѣка
Наконецъ имѣемъ честь.
Пусть священной въ роды вѣка
Будетъ цифра сорокъ шесть!

Плутархъ Россійской, или ридикюль остроумія.

Анекдоты и сказанія о великихъ современныхъ, мудрыхъ оныхъ дѣяніяхъ, великодушныхъ и добродѣтельныхъ поступкахъ, любопытныхъ и плачевныхъ происшествіяхъ, къ пользѣ юношества совокупленные.

I.

Недослышка куріозная.

Преизрядной стихотворецъ Балтрушайтисъ, вшедъ въ ресторацію, усмотрѣлъ въ оной бывшаго во многой славѣ сочинителя Куприна, коего не токмо въ отечествѣ чтили, но и на французской, англинской и гишпанской языкъ прелагали.

Того видя за табель-дотомъ, ядущаго жаркую говядину, и увѣдомившись, кого передъ собою зритъ, оный стихотворецъ, подошедъ, изрекъ внятно:

— Балтрушайтисъ!

На что оный сочинитель, Купринъ, съ пріятной привѣтливостью протянувъ знакомцу сему руку, отвѣтствовалъ:

— Я ужé.

II.

Купцово мнѣніе.

Какъ умершаго сочинителя Достоевскаго за творенія вельми чтили, то по смерти того учинили за его гробомъ тріумфальное шествіе, яко дивиться зѣло.

Чести той и многолюдства, бывъ свидѣтель, нѣкоторый третьей гильдіи купецъ, у лавки своей стоя, и увѣдомившись, кому сія честь принадлежитъ, сказываютъ, изрекъ:

— Боже ты мой, есть-ли какого-то Достоевскаго толико почитаютъ, что-же это будетъ, когда господинъ Гейнце помрутъ?

III.

Дѣвственность, рискующая отъ долговременія.

Имѣвъ въ рукахъ словарь, иждивеніемъ Брокгауза отпечатанный, и смотря на букву Добро слово „дѣвственность", при коемъ помѣтка была:

— Зри „цѣломудріе",—

нѣкоторый остраго ума и веселаго нраву сочинитель, сказываютъ, изрекъ:

— Хотѣлъ-бы я посмотрѣть, что отъ сей дѣвственности останется, когда оный словарь буквы *Ц* достигнетъ.

IV.

Невѣжинъ и Теляковскій посрамленный.

Какъ изряднаго драматурга Невѣжина юбилярное празднество приближалось, ѳеатральныхъ позорищъ

правитель Теляковскій, лошадинаго дѣла искусникъ и вящій россійскихъ сочинителей почитатель, наипаче-же Эурипида и нѣмцевъ покровитель, предъ себя призвавъ Невѣжина, тому сказалъ:

— Бывъ издавна вашимъ почитателемъ, вознамѣрился я ваше двадцатипятилѣтіе нынѣ отчествовать. Того для вашу драму тщусь поставить. Прошу токмо васъ уступить мѣсто на одну недѣлю „Ѳимкѣ“ господина Трахтенберга.

На что Невѣжинъ съ сердцемъ и громогласно, яко непріятель, вышедшій на дискрецію, отвѣтствовалъ:

— Я обыкъ завсегда дорогу благородной женщинѣ уступать-съ. На то старый офицеръ есмь и почетную отъ турокъ рану въ руку имѣю-съ. Но передъ непотребной и блудной дѣвкой сходить съ дороги не желаю-съ.

Чѣмъ лукаваго онаго царедворца въ великую при всѣхъ привелъ конфузію.

V.

Остроуміе ветеринарово и Арцыбашевъ.

Петиметръ нѣкоторый негдѣ, въ преизрядной и свѣтской компаніи, вслухъ романъ вольнаго сочинителя Арцыбашева „Санинъ“ читалъ во уши многихъ салонныхъ кавалеровъ и знатныхъ дамъ.

Какъ въ ономъ романѣ полностію сказано, что похожденій сихъ героиня сошла съ крыльца, волнуяся на ходу всѣмъ тѣломъ, подобно молодой, красивой кобылѣ, а похожденій тѣхъ герой приблизился къ оной,

весь изгибаяся, какъ горячій жеребецъ, — то петиметръ, закраснѣвшись отъ конфузіи, прочитать и сіи строки во всеуслышаніе вынужденъ былъ.

То слушая, нѣкоторый ветеринаръ, веселаго бывъ нраву и хотя сочинителю учинить осудительную издѣвку, возставъ, сказалъ:

— Какъ мои услуги симъ жеребцу и кобылѣ, чаятельно, еще не скоро занадобятся, то я ухожу и свою жену отселѣ увожу съ собою.

Явственно, что ветеринаръ оный великій былъ задопятъ и въ новѣйшемъ художествѣ не понималъ бельмеса.

VI.

Петиметрова ненаходчивость.

Нѣкоторый петиметръ, бывъ спрошенъ, не вѣдомо-ли ему доподлинно, — есть-ли сочинитель Тихоновъ родной братъ сочинителю Луговому, смѣшавшись, съ поклономъ галантнымъ отвѣтствовалъ:

— Объ одномъ изъ сихъ литераторовъ я могу вамъ увѣрительно сказать, что да. О другомъ-же положительно и да и нѣтъ сказать затрудняюся.

VII.

О сочинительницѣ докучной, премьершиной собачкѣ и хитроумныхъ камардинахъ.

Хотя знаменитою стать, нѣкая немалыхъ лѣтъ дама сочинила прежестокую драму, коею зѣло многихъ ушибла, мнѣнія о ней вопрошая.

Наипаче-же предъ дирекціей вельми слезилась и тѣмъ преогорчила Теляковскаго, Гнѣдича и иныхъ, коихъ покой нарушила, въ вящшемъ своемъ умовредіи домогаяся поставить пьесу предъ любопытными спектаторами и стяжать тѣхъ плесканія.

О семъ день и ночь думая, почла она себя принужденной каждодневно ходить въ Александрынскій театръ, чѣмъ даже ѳеатральнымъ камардинамъ зѣло прискучила. По всякъ-же день, дабы увидѣть надобныхъ людей и пройти за кулиссы, нѣкій прологъ хитроумно измышляла.

То-де Теляковскій назначилъ ей часъ, то-де оную звалъ Гнѣдичъ, то-де ей надобится пройти въ уборную, то-де хочетъ погладить собаченку премьершину.

Симъ зѣло прискучивъ, камардины въ нѣкій день ей пришедшей сказали:

— Всуе, госпожа тщитесь нынѣ войти за кулиссы, понеже господинъ Теляковскій паки поступилъ въ кавалеристы, господинъ Гнѣдичъ скончались, госпожа собачка премьершина вчерашній день ощенилась, а въ уборной пребываютъ мужики-ремонтники.

Чѣмъ токмо отъ надоѣдства оной шустроватой персоны себя и свое начальство на цѣлыхъ двѣ недѣли освободили.

VIII.

Критикъ неполитичный.

Стихотворецъ нѣкій сказываютъ негдѣ своего читателя вопрошалъ, зритъ-ли тотъ въ оной книжицѣ пламень.

На что читатель неполитично отвѣтствовалъ:

— Есть-ли бы въ твоихъ „Гимнахъ огню“ было больше огня, или бы твоихъ стиховъ было больше въ огнѣ, то бы мы съ тобой, чаятельно, не озябли.

IX.

Сочинителева стратегія.

Неутомимой сочинитель романическихъ гисторій, Потапенко, кой умудрялся въ трехъ изданіяхъ сразу свои творенія печатать, а у шестерыхъ издателей предварительную мзду, авансомъ именуемую, стяжать, бывъ спрошенъ однимъ изъ собратій, какъ онъ того достигаетъ,—отвѣтствовалъ:

— Вельми просто. Я одинъ безстрашно на шестерыхъ бросаюсь и оныхъ такъ окружаю, что имъ отъ меня уйти уже никакъ невозможно.

X.

Комплиманщикъ, сѣвшій въ калошу.

Негдѣ на юбилярномъ праздникѣ нѣкотораго сочинителя за зѣло помпезнымъ обѣдомъ нѣкій собратъ сочинителевъ, возставъ и постучавъ фуршеткою о стаканъ, вознамѣрился сказать чествуемому панегирическое слово.

Будучи всѣ насторожившись, сказалъ оный ораторъ:

— Самое похвальное въ васъ было то, что вы всю свою жизнь пили изъ своего стакана...

Какъ чествуемый славной литераторъ подлинно всю свою жизнь крѣпко пилъ, то орація та вышла вельми куріозна и встрѣчена была зѣльнымъ смѣхомъ и губъ кусаніемъ.

Подобаетъ исперва помыслить, а потомъ говоритъ, наипаче-же о винѣ и стаканѣ въ сочинителевомъ домѣ.

XI.

Перрукмахеръ и сочинители.

Перрукмахеръ нѣкоторый, слабость имѣвъ къ литературѣ, случаемъ достигъ на юбилярное празднество сочинителей. Видя-же себя одинока въ пышныхъ ресторацiи залахъ, оный ремесленникъ подошелъ къ тремъ въ сторонѣ стихотворцамъ, съ кудрявыми власами до плечъ, и вопросилъ ихъ, кого онъ имѣетъ щастiе зрѣть,—перрукмахеровъ, метранпажей или типографскихъ факторовъ.

Какъ оные сочинители, въ обиду придя, глупцу тому отвѣтствовали, что они стихотворцы,—перрукмахеръ, сдѣлавъ съ низкимъ поклономъ извиненiе, сказалъ:

— Предивная ошибка! На многихъ бывъ сочинительскихъ сборищахъ и похоронахъ, сложилъ я себѣ въ разсужденiи лицъ такое правило, что всѣ незнакомцы съ длинными кудрями и вдохновенными лицами

суть факторы, метранпажи, пѣвчіе или ремесленники. Сочинители же суть тѣ, кои всего меньше съ сочинителями сходственны. Въ первый разъ нынѣ обознавшись, вижу, что нѣтъ безъ исключенія правилъ.

XII.

Газета безъ пошевелу.

Остроумецъ нѣкой, слышавъ, что одна газета который годъ пребываетъ при единомъ и томъ же маломъ подпищиковъ количествѣ, оныхъ не пріумножая и не теряя, сказалъ:

— Дивлюся по чести, какъ за толикіе годы не обрѣлося у нихъ въ редакціи ни умнаго, ни дурака, кои бы или стяжали новое, или растеряли старое.

XIII.

Сочинитель подъ кустодіею.

Какъ великій сочинительскій разгромъ во время нашей малой революціи былъ, то въ числѣ многолюдства, попавшаго въ „Кресты“ и „Предварительное заведеніе“, взятъ былъ и посаженъ подъ кустодію сочинитель Іорданскій, изрядно и съ пользою въ журналахъ писавшій, родомъ же русскій.

Сказываютъ, узилища управитель, въ коемъ оный сочинитель заключенъ былъ,—сказалъ единыжды:

— Всѣ, кои въ моемъ отдѣленіи сидятъ,—евреи. Одинъ токмо русскій, да и тотъ Іорданскій.

XIV.

О женскомъ своенравствѣ.

Вельми изряднаго журнала „Міръ Божій“ покойный редакторъ Острогорскій паче огня геенскаго устрашался дѣлъ съ дамами-сочинительницами, которыхъ своенравство по многому опыту вѣдалъ.

Того для просилъ всѣ таковыя дѣла дѣлать секретаря своего, Богдановича, коему имя было Ангелъ Ивановичъ. Въ минуты же зѣло тяжкія и въ разстройкѣ говорилъ оный редакторъ:

— На нихъ не токмо Ангелъ Иванычъ не угодитъ, но и самъ Чортъ Иванычъ съ ними не справится.

XV.

Актерка недальновидная.

Актерка нѣкая, любопытна бывъ, что объ ней написали въ газетахъ на другой день ея въ ѳеатрѣ выступленія, не терпя замедленія, комнатную свою посылаетъ служанку увѣдомиться, чего для всѣ газеты ей поданы, а единой съ реляціей Россовскаго, не обрѣтается.

Къ швейцару сбѣгавъ, отвѣтствовала та метреска, что газета съ почты получена, но дворниковъ подпасокъ, нашедъ въ реляціи много для себя занимательнаго и съ своимъ мнѣніемъ сходственнаго, самъ оную читаетъ, и какъ скоро отчитаетъ, персонально ту актеркѣ доставитъ.

XVI.

Шекспиръ перевернувшійся.

Какъ нѣкоторый много, но пусто шумѣвшій сочинитель убогую написалъ драму, то читатель одинъ, оную до половины прочитавши и дальше не смогши,— сказалъ своему другу.

— Есть-ли таковую піесу поставить, то, мню, Шекспиръ въ гробу спиною кверху перевернется.

— Утѣшься,—другъ онаго возразилъ:—бездарныхъ піесъ толь много ставилось, что безсумнительно, Шекспиръ, давно уже на животѣ лежитъ. Богъ дастъ, нынѣ перевернувшись, онъ какъ разъ паки на спину ляжетъ...

XVII.

Сочинитель превратной.

Сочинитель Михайло Меньшиковъ наипаче тѣмъ славился, что своею рукою написанное самъ чрезъ недѣлю отмѣнялъ, тотъ-же увѣрительный видъ имѣя, чѣмъ многимъ отъ современниковъ былъ во удивленіе.

Въ таковой ерроръ почасту впадая, сказываютъ, имѣлъ книжицу памятную, въ коей, дабы не восхвалить поруганное и не похаять хваленое записывалъ.

— Не забыть: на той недѣлѣ бранилъ священника Петрова.

— На той недѣлѣ стоялъ за парламентъ.

Чѣмъ, однако, своего характера не испрямилъ, и парламентъ чрезъ недѣлю, къ немалой своей конфузіи, зѣло неистово похаялъ.

Книжицею же своею памятною уподобился тому занятому коммерсанту, который, въ путешествіе устремляяся, записалъ себѣ для памяти въ тетрадку дорожную:

— Проѣздомъ чрезъ Браунвшейгъ жениться...

Въ городѣ и въ деревнѣ.

(Предвыборныя картинки).

Близокъ выборъ къ концу, и столицы дѣльцу
Плохо спится.
„Буду въ Думѣ иль нѣтъ?“—мысль тревожно чуть свѣтъ
Шевелится.
Томенъ вздумчивый взглядъ. Что какъ вдругъ „разъяснятъ“?
Способъ мирный!
Я на скачки ѣзжалъ—вдругъ да цензъ потерялъ
Свой квартирный!
Не былъ тать или плутъ,—вдругъ подъ судъ упекутъ
При всемъ тактѣ?
Вдругъ сболтнулъ что со сна? Подпись вдругъ неясна
На контрактѣ.
Депутата билетъ—это славы привѣтъ,
Ходъ въ Сократы!..
Бьется сердце въ груди. „Боже мой, проведи
Въ депутаты“!..

У попова двора сталъ народъ ужъ съ утра
Собираться.
Односельчанамъ Титъ со слезой говоритъ:
— „Какъ же, братцы!
Нѣшто былъ я кулакъ, али спалъ, какъ вахлакъ,
Осень, лѣто?
Деньги въ ростъ отдавалъ, аль кого забижалъ
На селѣ-то?
Доводилъ до тюрьмы? Али не были мы
Тароваты?
Чѣмъ я міръ прогнѣвилъ, что меня онъ рѣшилъ
Въ депутаты?
Я бы не былъ такъ тугъ, коли былъ бы самъ-другъ,
Насъ вѣдь—восемь!..“
И въ отвѣтъ міръ вопитъ, какъ одинъ:—„Ладно, Титъ,
Просимъ! Просимъ!..“

— Міръ честной, не тая, молвлю—просьба твоя
Прямо свинска!
Дорогъ всѣмъ свой удѣлъ. Кто-жъ бы самъ захотѣлъ
Минусинска?
Не пойму, хошь убей, кто „правѣй“, кто „лѣвѣй“,
Гдѣ „ка-деты“,
Тамъ же, какъ я ни плохъ, окажусь я врасплохъ
У газеты.
Обойдутъ вѣдь какъ разъ. Скажутъ: „видимъ мы въ васъ
Новый фахторъ“.
Нѣшто то мнѣ съ руки? Ну, какой, земляки,
Я ледахторъ“?

Дайте правый мнѣ судъ. Не бобыль я, не плутъ,
Не бездѣльникъ...
Ставлю дѣло ребромъ. Угощаю ведромъ
Въ понедѣльникъ"...

Спало горюшко съ плечъ. „Ну, такъ Силу упечь,—
Тотъ хошь вдовый!.."
И на радостяхъ Титъ Бога свѣчкой даритъ
Полпудовой...

М. Горькій.

(Изъ „дружескихъ пародій“).

Море смѣялось тысячами серебряныхъ улыбокъ. Въ небѣ рѣяли чайки. Облака сложились словно ребра какого-то огромнаго животнаго.

„Пудъ 10 фунтовъ“, какъ его звали въ ночлежкахъ, лежалъ на песчаной отмели, молодой, здоровый, пахнувшій лукомъ и свѣжеразрѣзаннымъ швейцарскимъ сыромъ. Сквозь рваную рубаху, какъ опара, лѣзло наружу бронзовое загорѣлое тѣло. Провалившійся носъ чернѣлъ двумя точками.

Ванда лежала съ нимъ рядомъ, теплая, круглая, вся потная и соблазнительная. Она была бы красива, если бы ее не портилъ селедочный запахъ и лицо цвѣта сырого мяса. Ихъ обоихъ только что выплюнула ночлежка въ углу квартала, откуда сейчасъ на берегъ донеслось раскатистое: „Расшибу!..“

„Пудъ десять фунтовъ“ ткнулъ Ванду кулакомъ подъ девятое ребро и уронилъ сквозь зубы:

— Двинься, стерва. Ишь, жиру нагуляла!

— Отстань, жулябія!—рѣзкимъ, но не лишеннымъ граціи жестомъ отмахнулась Ванда.—Есть двѣ дырки и сопи. Чего злишься? Не вижу, что-ли, что съ утра ноздри распустилъ. Мутитъ, что-ли?

— Гляжу я въ жизнь и вижу — нѣтъ въ ей справедливости,—угрюмо отвѣтилъ Пудъ.

— Плюнь на воспоминанія!—уронила Ванда,—береги свое здоровье.

— Взять хошь бы того же Алексѣя Максимыча, продолжалъ Пудъ съ рѣзкой энергіей.—Мы, босяки, вознесли его на верхъ славы. А очистилось ли намъ съ него за это хошь бы по стакашку? Эхъ, вы („Десять фунтовъ", не стѣсняясь присутствіемъ дамы, загнулъ крѣпкое слово)—гниды интеллигентныя! Что дали вы жизни? Я выше васъ уже просто потому, что не знаю ни одной книжной истины!.. Кажись, идетъ кто-то въ котелкѣ? Надо быть, интеллигентъ. Пусти, я ему три съ половиной ребра вышибу!..

— Оставь!—удержала его женщина.—Говорю, плюнь да разотри. Двигайся, анаѳема идолова, ближе...

Въ ея голосѣ прозвучала страстная, обжигающая ласка. Море словно придвинулось. Тучки подошли ближе и прислушались. Двѣ чайки, дравшіяся въ воздухѣ, остановились и, усѣвшись на пескѣ, повернули къ Пуду и Вандѣ бѣлыя головки.

— До тла насъ ограбила жизнь, отрѣзалъ „Пудъ десять фунтовъ".—Человѣкъ звучитъ гордо, но только до тѣхъ поръ, пока у него не провалился носъ. Никто

не знаетъ своего настоящаго мѣста въ жизни... Какое мое настоящее мѣсто?

— Участокъ!—уронила Ванда.

Море засмѣялось. Улыбнувшись, взлетѣли чайки. Волны тихо шлепнулись о песокъ. Изъ ночлежки донеслось снова отдаленное „расшибу!“—и въ воздухѣ, напитанномъ острымъ запахомъ моря, этотъ человѣческій крикъ прозвучалъ гордо и дерзновенно.

Скиталецъ.

...Онъ (деревенскій столяръ) не признавалъ никакихъ авторитетовъ... Онъ занлъ о Галилеѣ и Коперникѣ и сравнивалъ себя съ ними... Семинаристы чертили и доказывали ему теоремы, натащили ему книгъ, и онъ принялся за чтеніе...

...Письмоводитель судьи таскалъ намъ „Отечественныя записки“ и „Дѣло“... Семинаристы, учитель и письмоводитель сначала было поучали Гаврилу Петровича, но потомъ внезапно превратились въ его учениковъ. „Новыя идеи“ оказались его идеями, которыя онъ давно уже расточалъ въ своихъ разсужденіяхъ о жизни... Въ немъ началась кипучая внутренняя работа, „переоцѣнка цѣнностей“... Онъ сталъ для насъ всѣхъ „учителемъ жизни“...

Скиталецъ. „Сквозь строй“.

...Къ концу жизни своей Вавила Ѳедотычъ, оставивъ занятія цѣловальника, устроился на краю деревни и отдался любви къ знанію, прирожденной ему съ дѣтства. Онъ сталъ просиживать дни и ночи за книгой. На скопленную съ большимъ трудомъ сотню рублей

онъ выписалъ словарь Брокгауза и Ефрона и въ сравнительно недолгій срокъ, какъ истинный самородокъ, изучилъ его отъ Аза до Зѣла. Это было истинно энциклопедическое образованіе. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда приходилось говорить о матеріяхъ, выходящихъ за предѣлы Зѣла, онъ обнаруживалъ поразительное природное проникновеніе въ корень вещей...

Наука давалась ему легко. Правда, нѣкоторое время онъ называлъ астрономію астромоніей, смѣшивалъ Мильтіада съ Мараѳономъ и Ломброзо считалъ рѣкой въ Италіи. Но очень скоро и здѣсь онъ возвысился до настоящихъ понятій. Черезъ годъ онъ уже самостоятельно дошелъ до существенной поправки къ сочиненію Менделѣева „Объ упругости газовъ“ и уже доказывалъ нашему волостному старшинѣ, что антиноміи Канта, въ сущности, построены очень шатко. При этомъ языкъ его уже возвысился до такой технически-философской утонченности, что Филатъ Максимычъ, человѣкъ нельзя сказать, чтобы необразованный и прошедшій полный курсъ церковно-приходской школы, — почувствовалъ себя вовсе растеряннымъ и послѣ откровенно говорилъ дьякону.

— Ничего, паки, я не понялъ, что онъ такое несъ. Что твой нѣмецъ! Только и слыхать, что антимонія да антимонія...

Когда нашъ батюшка, любившій побесѣдовать съ Вавилой Ѳедотычемъ о Владимірѣ Соловьевѣ, однажды встрѣтилъ его въ глубокой задумчивости и освѣдомился, почему, — онъ отвѣтилъ, что углубленъ въ

только что вышедшее астрономическое изслѣдованіе г. Морозова объ Апокалипсисѣ и полагаетъ, что греческій предлогъ „діа“ въ 9-мъ стихѣ 1-й главы переведенъ имъ совсѣмъ неправильно. По справкѣ въ словарѣ Вейсмана это оказалось справедливымъ, послѣ чего батюшка воскликнулъ:

— Посрамилъ еси академію!

Вавила Ѳедотычъ уже читалъ въ подлинникѣ Паралипомены Шопенгауэра, когда однажды въ деревню одинъ за другимъ въѣхали нѣсколько тысячъ курьеровъ. Сорбонна и Гейдельбергъ приглашали его къ себѣ профессоромъ. Съ мужествомъ, достойнымъ подлинно русскаго самородка, онъ отвѣчалъ посланнымъ на чистомъ латинскомъ языкѣ:

— Такихъ, какъ я, и въ Россіи пока два экземпляра. Одинъ—я, да другой—Максимъ Ковалевскій. поблагодарите римскаго папу, но мы нужны своей родинѣ...

Семенъ Юшкевичъ.

... Ну, Эршъ, что скажете на моего сыночка?..

... Ступайте и полижьте ноги у Гросмана.—Что значитъ—полижьте ноги у Гросмана?

С. Юшкевичъ. „Король“.

... Если нѣтъ ужина, такъ это значитъ, что нѣтъ ужина... Человѣкъ хочетъ ѣсть. Ну, такъ онъ хочетъ... Что такое хлѣбъ? Хлѣбъ это—хлѣбъ.

... Здравствуйте всѣмъ вамъ. Угадайте, кого я нашелъ? Что значитъ—нашелъ? Нашелъ, значитъ — нашелъ его...

С. Юшкевичъ. „Въ городѣ“.

... Ну, и что ты скажешь на мои послѣднія драмы? Что? Такъ не говорятъ по-русски? Что значитъ говорить по-русски? Прошу маленькаго слова: развѣ евреи говорятъ совершенно по-русски? И что еще? Зачѣмъ у меня всѣ и говорятъ и думаютъ вопросами? Но развѣ ты боишься, что у типографіи не хватитъ вопросительныхъ знаковъ? Чего же вы плачетесь? Чтобы молнія сожгла меня, если я сказалъ неправду! И что такое

вопросительный знакъ? Вопросительный знакъ есть вопросительный знакъ. И зачѣмъ у меня всегда голодъ? Но развѣ не правда, что еврей кушаетъ только во снѣ? Изъ моихъ глазъ текутъ рѣки слезъ. Я заплакалъ бы медомъ, если бы еврею жилось сладко. И что такое—плакать?

Послѣдній графоманъ.

I.

Бѣдному русскому критику снился сонъ.

. . . .

Снилось ему, будто онъ очутился вдругъ на Парнасѣ. Ну, можете себѣ представить, не на бутафорской горѣ въ Парголовѣ, гдѣ живетъ Фидлеръ, а на самомъ настоящемъ Парнасѣ, въ покояхъ Аполлона.

Былъ утренній часъ. Аполлонъ еще не переодѣлся изъ халата и шмыгалъ туфлями, какъ заправскій титулярный. Въ открытый воротъ виднѣлась волосатая грудь. Лицо еще не было выбрито, и лучезарный былъ похожъ на обыкновеннаго актера передъ утреннимъ чаемъ.

И красота его была красотою уже отяжелѣвшаго, располнѣвшаго, увядающаго перваго любовника той поры, когда ему переваливаетъ за сорокъ,—у него уже три семьи, маленькая дача подъ городомъ, катарръ отъ ресторанныхъ обѣдовъ, когда онъ окончательно

перестаетъ учить роли и называетъ всѣхъ актрисъ безъ разбора: „дитя мое“.

Въ вискахъ его, какъ пишутъ бульварные романисты, просвѣчивала уже предательская сѣдина.

II.

Покой Аполлона сильно напоминалъ сцену большого столичнаго театра. На авансценѣ было свѣтло. Задняя, неосвѣщенная половина, очевидно, служила какимъ-то архивомъ. Стояли прислоненныя къ стѣнамъ декораціи дворца съ колоннами, цвѣтущаго луга, аркадійскихъ далей.

Видимо, по мѣрѣ надобности, все это пускалось въ ходъ по высокоторжественнымъ и праздничнымъ днямъ.

По всѣмъ угламъ были нагромождены горы всевозможныхъ фигуръ и предметовъ литературнаго обихода. Нѣкоторые были сдѣланы настолько искусно, что критику стоило нѣкотораго труда увидѣть, что это просто бутафорія. Нѣкоторые наоборотъ отличались такой аляповатостью, что сразу было видно гамбургское или россійское производство, гдѣ одинаково скверно дѣлаютъ и луну, и бутафорію, и конституцію и разсказы съ психологіей на либеральныя темы.

III.

Вниманіе критика привлекъ босякъ со сломанной ногой и отбитымъ ухомъ. Съ лица его уже слѣзла

краска, и жутко чернѣлъ грубо намалеванный синякъ подъ глазомъ. Десятокъ привидѣній „въ бѣломъ“ былъ прислоненъ къ стѣнѣ. Такъ маляръ ставитъ чурбаны для просушки.

Странное впечатлѣніе производили двѣ обнявшіяся куклы,—молодого человѣка въ студенческомъ мундирѣ и дѣвушки съ короткими волосами.

Въ качествѣ бывалаго человѣка, критикъ, какъ только взглянулъ на эти манекены, тотчасъ же догадался, что это, очевидно, медикъ и курсистка изъ дамскихъ разсказовъ, умирающіе отъ тифа въ деревнѣ, которую они поѣхали спасать. Фигуры были страшно стертыя, захватанныя руками, закапанныя чернилами.

IV.

На куклу-человѣка въ чехлѣ изъ брезента („Человѣкъ въ футлярѣ!“—рѣшилъ критикъ) былъ наваленъ танцующій медвѣдь, на медвѣдя—горка бутафорскихъ колбасъ изъ папье-маше, а на колбасы — каминъ съ ярко-красными язычками изъ тряпокъ.

Если сзади поставить поддувало и зажечь красную электрическую лампочку, то они могли трепетать какъ настоящее пламя.

Критикъ опять сразу понялъ, что это медвѣди изъ рождественскихъ разсказовъ Каразина, у котораго они всегда пляшутъ вокругъ елки въ лѣсу; колбасы изъ малорусскихъ разсказовъ Потапенко, а каминъ,—тотъ

самый каминъ, у котораго всегда сидятъ въ святочные вечера собесѣдники, курятъ превосходныя сигары, и докторъ,—непремѣнно докторъ, а не кто-нибудь другой,—угощаетъ ихъ страшными разсказами.

V.

Вы понимаете, что все это было страшно знакомо критику, ибо это былъ самый настоящій критикъ.

Во-первыхъ, и происхожденіе, и воспитаніе предназначали его къ карьерѣ, не имѣющей рѣшительно ничего общаго съ карьерой критика. Во-вторыхъ, онъ не дочитывалъ до конца ни одного произведенія, о которомъ писалъ. Въ-третьихъ, каждую недѣлю онъ писалъ три фельетона въ три большія газеты, имѣвшія собственную типографію, собственныхъ корреспондентовъ и собственнаго редактора. Трижды въ недѣлю онъ перекусывалъ кого-нибудь изъ собратій, съ которымъ потомъ встрѣчался съ совершенно спокойнымъ видомъ.

О, это былъ старый воробей, котораго было трудно провести на мякинѣ, на бутафорскомъ каминѣ или замороженномъ мальчикѣ! Однажды онъ обругалъ даже Гончарова, — подумайте, самого Гончарова! Значитъ, это была птица! И когда его укоряли собратья за его свирѣпость къ нимъ, онъ говорилъ: „Послушайте, я ругалъ Гончарова“, и смѣющимися, презрительными глазами смотрѣлъ въ переносицу собесѣднику.

VI.

Аполлонъ пересталъ нервно ходить по авансценѣ, почесалъ рѣдѣющую маковку и сказалъ молодому человѣку въ пиджакѣ, наводившему порядокъ въ архивѣ,—очевидно, секретарю Парнаса:

— Чортъ возьми, трещитъ голова со вчерашняго! Послѣ этихъ нелѣпыхъ забастовокъ въ амврозію стали подбавлять не вѣсть какую дрянь! Читаешь ярлыкъ,— „амврозія", этикетъ утвержденъ, а пить начнешь,— какой-то сентифарисъ братьевъ Чугрѣевыхъ! Что, пива не осталось?

— Извините, божественный, — отвѣчалъ секретарь точь-въ-точь тѣмъ почтительно-сладкимъ голосомъ, какимъ на землѣ говоритъ секретарь редакціи съ издателемъ передъ праздничными наградными,—пиво все выпито въ „Вѣнѣ" молодыми литераторами. Можетъ-быть, позволите содовой?

— Талантливые люди!—буркнулъ Аполлонъ не то досадливо, не то поощрительно.—Дай содовой!

VII.

Секретарь спроворилъ содовую съ быстротой, совершенно неизвѣстной въ земныхъ ресторанахъ, и, окинувъ глазами всю бутафорскую разруху, сказалъ:

— Какъ посмотрю я, божественный, на всю эту канитель!.. Да, думаю, была игра! Есть, что вспомнить... Каково это при вашемъ то вкусѣ!..

— Не вспоминай!—отмахнулся Аполлонъ не безъ кокетства.

— Какъ вспомню, лучезарный, хотя бы о рождественскихъ праздникахъ,—смѣхъ беретъ. Какъ Рождество, такъ зажгутъ у себя елки, и давай въ разсказы играть. Кто кого длиннѣе, кто кого страшнѣе!.. Дамы эти въ особенности. Дубровина, помилуй ее Персефона! Голосъ такой жалостливый сдѣлаетъ, тонкій: „Расчувствуйтесь для рождественской ночи!..“ Чистая Сибирь, божественный! Скучно, какъ осенній дождь.

теперь извольте видѣть, хоть бы кто для вида поинтересовался этимъ хламомъ.

Онъ пихнулъ ногой одну изъ куколъ. Та сдѣлала три вращенія и остановилась, колыхаясь.

VIII.

— Не поступаетъ требованій?

— Ни одного, повелитель. Нынче совсѣмъ тихо. Въ прошломъ году еще былъ спросъ на революціонеровъ, на раскаявшихся околоточныхъ, на сыщиковъ, подъ звонъ рождественскихъ колоколовъ бросающихъ свое ремесло. Въ „Московскія Вѣдомости“ съ большимъ удовольствіемъ брали кающихся революціонеровъ. Голицынъ-Муравлинъ для своего романа требовалъ. А теперь ничто не идетъ! Баррикадъ наготовили въ огромномъ количествѣ, а ушло не больше полусотни.

— Ты всегда натарантишь. Давно не штрафовалъ тебя.

— Виноватъ, лучезарный! Баррикады вы сами изволили заказать. Баррикады вы сами. Покаявшихся околоточныхъ, дѣйствительно, я. Мой грѣхъ. Перемахнулъ. Всего троихъ-четверыхъ взяли. Десятка два осталось. Одна надежда на стилизацію.

— Что такое?

IX.

— Не нынче,—послѣ уйдутъ. Вонъ, Третьяковскаго свирѣль полтораста лѣтъ въ углу валялась. Заплѣснѣла. Заржавѣла. Тараканы, извините, засидѣли. А нашлись охотники. Вячеславъ Ивановъ затребовали, и очень довольны. Сидятъ и дудятъ. Я такъ полагаю, божественный, покуда отъ васъ прямого циркуляра съ запрещеніемъ не выйдетъ,—они эту стилизацію не бросятъ. Нѣ-ѣтъ!..

— Доиграются до циркуляра,—разсѣянно сказалъ Аполлонъ и почесалъ подмышкой.

— А ловко вы ихъ, лучезарный, тогда ахнули. Не ожидали. Терпѣли-терпѣли всю эту банальщину да и грянули. „Кто напишетъ рождественскій разсказъ о заколоченномъ домѣ, привидѣніи въ бѣломъ, раскаявшемся околоточномъ,—повиненъ въ оскорбленіи величества Аполлона и будетъ повѣшенъ“. Знаете, эту толстокожую братію иначе нельзя. Нельзя иначе. Вѣдь только благодаря этому и прекратилось. Возьмите теперь: Рождество, и—ничего подобнаго!..

X.

„Нынѣ отпущаеши!“—подумалъ критикъ.—Неужели я не сплю. Неужели дожилъ? Неужели сподобился?

— Ни одного!—подтвердилъ секретарь,—хоть шаромъ покати! А сколько на этотъ разстрѣлъ понадобилось молній! Помню, Вулканъ первое время во какіе счета закатывалъ!

— Приписывалъ, каналья!

— Приписывалъ, конечно, не безъ того, а все-таки... Вѣдь, бывало, какъ тараканы во щи, такъ и прутъ, такъ и прутъ. Манія какая-то. Иной цѣлый годъ человѣкъ, какъ человѣкъ, а на святкахъ хлѣбомъ не корми,—дай ушибить кого нибудь привидѣніемъ. Бывало, мальчиковъ расхватаютъ, медвѣдей расхватаютъ, привидѣнія расхватаютъ, и каждому подавай „въ бѣломъ“. Изъ-за каминовъ одна сплошная непріятность шла. Сотню заготовишь,—мало. Тысячу,—мало. Диккенсъ перевертывался-перевертывался въ гробу да и опять на спину легъ.

— Пошляки!—буркнулъ Аполлонъ.

XI.

— Можетъ, прикажете ввести послѣдняго-то?—спросилъ секретарь.

— Фактъ установленный?

— Внѣ всякаго сомнѣнія. Какъ разъ не досчитались одного раскаявшагося сыщика. Взятъ съ поличнымъ.

— Такъ-таки и написалъ?

— Такъ-таки безъ стыда и совѣсти.

— О кающемся околоточномъ?

— Въ рождественскую ночь кается сыщикъ. Несомнѣннѣйшій составъ преступленія.

— П-пошлякъ!—съ отвращеніемъ бросилъ Аполлонъ и плюнулъ.

— Подлецъ!—вырвалось у критика.

Аполлонъ повернулъ въ его сторону толстую шею.

— Кто это сказалъ—подлецъ?

— Ослышались, божественный. Кому-жъ тутъ говорить?

— Что-жъ дѣлать? Придется повѣсить,—пожалъ Аполлонъ плечами.—Жестоко, но необходимо. Молній не накуешься. При нынѣшней рентѣ и намъ, братецъ, приходится экономить. Введи.

— А вы, ваше...—замялся секретарь.—Въ такомъ видѣ... Все-таки, смертный... Все-таки, престижъ...

— Ты правъ. Хотя, по совѣсти, они сами меня въ грошъ не ставятъ. Дай на всякій случай парикъ и тогу. Пусти на меня электричество. . Да погреми малость громомъ...

XII.

Трудно изобразить чувства критика, когда онъ увидѣлъ введеннаго подсудимаго. Данте меньше волновался увидя Беатриче, и писатель съ меньшею ра-

достью читаетъ фельетонъ Буренина, раздѣлывающій его собрата.

Вошедшій человѣкъ былъ весь сѣрый. Трудно было сказать, брюнетъ онъ или блондинъ, очень молодъ или пожилой, толстый или худой. Именно такой, весь сѣрый, могъ теперь, въ двадцатомъ вѣкѣ, совершить такое преступленіе.

Два парнасскихъ булочника втащили бутафорскаго раскаявшагося сыщика и положили его на столъ печатями кверху.

У Аполлона, въ тогѣ и кудряхъ, залитыхъ лучами. было теперь прекрасное, блѣдное и грустное лицо. Никакъ нельзя было подумать, что оно блѣдно и грустно отъ катценъ-яммера.

XIII.

Безстрастнымъ казеннымъ голосомъ столоначальника консисторіи секретарь Аполлона прочиталъ обвинительный актъ.

— Признаешь ли ты себя виновнымъ?

Голосъ бога прозвучалъ грустно. Подсудимый потупилъ голову.

— Что ужъ тутъ!—отвѣчалъ сѣрый человѣкъ.— Грѣхъ попуталъ...

— Можетъ-быть, ты не зналъ, что тебя ждетъ за это?

Голова опустилась еще ниже.

— Зналъ.

— Можетъ быть, ты многосемейный?

— Я холостъ.

— Можетъ быть, тебѣ было нечего ѣсть?

— Я не бѣденъ.

— Можеть быть, ты вовсе не хотѣлъ распространенія этого разсказа.

— Я хотѣлъ, чтобы его всѣ прочитали.

XIV.

— Подлецъ!—послышался чей-то голосъ.

— Аполлонъ повернулъ шею.

— Кто сказалъ: подлецъ!

— Вы ослышались, лучезарный. Никто не говорилъ.

— У него нѣтъ никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ!—безнадежно воскликнулъ Аполлонъ.—Никакихъ! Повѣсить!—рѣзко прибавилъ онъ.

Критикъ живо и злорадно представилъ себѣ картину казни. Онъ уже видѣлъ какъ этого, послѣдняго изъ графомановъ, ведутъ, какъ возводятъ на эшафотъ...

— Правъ ты, великій и гнѣвный!—восторженно воскликнулъ онъ.

XV.

И вотъ этого ужъ совсѣмъ не слѣдовало ему дѣлать. Потому что, какъ только онъ воскликнулъ, онъ

пошевелился, а какъ пошевелился—проснулся. И зрѣлища, которое, вѣроятно, могло доставить ему значительное удовольствіе, онъ не увидѣлъ. А вмѣсто этого онъ увидѣлъ на своемъ столѣ груду газетъ, и въ каждой изъ нихъ были рождественскіе разсказы...

И тутъ же были три письма отъ трехъ редакторовъ, и каждый изъ нихъ хотѣлъ имѣть отъ критика собственный фельетонъ о нынѣшнихъ разсказахъ. Только одинъ просилъ статью къ средѣ, другой—къ четвергу и третій—къ пятницѣ...

Бѣдному русскому критику снился сонъ,—увы!—только сонъ.

Письма Ахиллы Десницына о россійской конституціи.

Нижепомѣщаемыя письма найдены въ одномъ изъ почтовыхъ ящиковъ столицы съ старофасонными, давно вышедшими изъ употребленія марками.

На конвертѣ витіеватымъ почеркомъ написано: „Въ старгородскую поповку, протопопу Савелію Туберозову секретно и въ собственныя руки“.

За ненахожденіемъ на картѣ Россіи Старгорода и за устарѣлостью марокъ, письма не получили движенія. По вскрытіи они оказались принадлежащими всѣмъ извѣстному дьянону Ахиллѣ Десницыну. Напечатаніе ихъ—единственный способъ доведенія ихъ до свѣдѣнія адресата.

I.

„Прелюбезный другъ и ваше преподобіе, о. протопопъ!

Ради Бога, не помыслите, что возбужденный

тонъ моего письма, коимъ васъ салютую, зависитъ отъ того, что старгородскій дьяконъ вчера поздно засидѣлся у исаакіевскихъ пѣвчихъ,—съ коими, не скрою, подлинно, подружился,—и воспріялъ внутрь лишнюю сткляницу лампопо. Ей, отче, нѣтъ.

Живу я здѣсь столь пристойно и трезвенно, что могъ бы удостоиться отмѣнной похвалы почтеннѣйшей попадьи вашей, Натальи Николаевны.

Вся суть въ томъ, что попалъ я въ столицу въ прелюбопытное и приснопамятное время.

Мнѣ кажется, что вамъ, при вашей провинціальности, даже трудно себѣ и представить, какъ это не дальше, какъ завтра, вашъ старгородскій дьяконъ натянетъ на себя свою демикотоновую ряску, съ блестящими локтями, и поѣдетъ по улицамъ столицы къ таврическому дворцу смотрѣть—что̀ бы вы думали?—не что иное, какъ русскую конституцію и съѣздъ въ Думу.

Долженъ вамъ пояснить, о. Савелій, что на сей разъ я говорю не о той думѣ, что стоитъ на Невской перспективѣ, съ превысокой нѣкой каланчей и на ней шприцемъ, а о Государственной Думѣ, о коей вы, безсумнительно, уже прочитали въ нашемъ „Свѣтѣ“.

Самъ я здѣсь, при своей занятости, хлопотахъ и по своей необразованности—въ газетныхъ словахъ ничего понять не могу, потому что въ газетахъ нонче, какъ сказываютъ, пишутъ все больше фармацевты,—но пѣвчіе мнѣ говорили, что это вродѣ какъ бы вселенскаго собора, только не въ рясахъ, и здѣсь разные

министры путей и сообщеній будутъ устраивать конституцію. Такъ что прежде управляли нами старцы обоего пола, а теперь будетъ народъ.

Спѣшу при этомъ васъ увѣдомить, что ежели до сей поры, сидя въ Старгородѣ, я самъ не хотѣлъ конституціи, то это единственно по своему невѣжеству и потому, что до недавняго еще времени смѣшивалъ конституцію съ консисторіей.

Теперь же, познакомясь съ образованными людьми, мыслю иначе и о семъ вамъ и какъ начальствующему лицу, и какъ благодѣтелю и другу, рапортую.

Такъ какъ я человѣкъ безъ логики, а вы окончили семинарію, то не мнѣ васъ учить, въ чемъ тутъ дѣло. Но только надежные люди мнѣ сказывали, что такъ много изряднѣе.

Я гораздѣ опасался, что при конституціи будетъ мнѣ труба, ибо духовенство и г. Побѣдоносцева упразднятъ, а изъ церквей вынесутъ иконы. Но оказалось, ничего подобнаго, и все это только отъ моего дикаго казацкаго воображенія.

Религіи отъ нигилистовъ никакой обиды не будетъ, и какъ меня увѣряли, у дьяконовъ, наипаче ежели которые, какъ я, съ голосомъ, могутъ даже увеличиться доходы, потому мужикъ, говорятъ, станетъ богаче.

Личность будетъ неприкосновенна, и здѣсь это начинаютъ проводить съ городовыхъ, коихъ облекли въ латы. На-дняхъ я бесѣдовалъ о семъ съ стоящимъ на моемъ углу. Оказывается, подлинно. Снаружи не вид-

но, но постучалъ ему въ грудь перстомъ,—стучитъ, какъ жестяной болванъ.

Въ разсужденіи духовенства слышалъ, что вдовымъ, въ случаѣ конституціи, будетъ предоставлено,—ужъ вы меня извините,—брать вторую жену, о чемъ на ночь вдовому человѣку и думать неудобно.

Можно будетъ даже мѣнять свою вѣру. Если вы это полагаете за лишнее, то и я вамъ безспорникъ, ибо такимъ твердымъ людямъ въ вѣрѣ, какъ я, это можно предоставить, чтобы мы вящше могли сознавать, что человѣкъ обладаетъ свободой воли. Намъ перейти въ магометову ересь столь же невозможно, какъ о Страстной недѣлѣ яйцо съѣсть. Но для слабаго человѣка, полагаю, тутъ впрямь одинъ соблазнъ. Ибо многоженство,—извините за выраженіе,—заманчиво.

Смущаюсь еще тѣмъ, что по безпамятству будетъ мнѣ зѣло трудно привыкнуть поминать на обѣднѣ конституцію, ибо по забвенію своему, какъ разъ могу по старому ахнуть, и за сіе мнѣ вы, о. протопопъ, по обыкновенію, отведя въ пономарку, насыплете, да и отъ иныхъ не поздоровится, поелику за симъ, разумѣется, слѣдить будутъ.

Къ слову сказать, и сейчасъ сдѣдятъ здѣсь за всѣмъ преизрядно, и намедни за мной ночью отъ Исаакія до Охты шелъ нарочитый соглядатай, наряженный по-цивильному въ гороховое пальто.

Такъ полагаю, что онъ принялъ меня за Гапона, но, услышавъ, какъ я рявкнулъ себѣ подъ конецъ из-

возчика, понялъ, что для такого голоса у его Гапона жила коротка.

Отъ сихъ людей чѣмъ дальше, тѣмъ освященнѣе.

Читая мое посланіе, можетъ быть, помыслите, о. протопопъ, какой сталъ вашъ дьяконъ опасный либералистъ. „Не Варнавка ли тутъ Препотенскій?"—заподозрите.

Варнавку я подлинно встрѣтилъ на углу Конюшенной, но онъ тутъ, о. Савелій, не при чемъ, хоть и пишетъ въ газеткахъ.

Оказывается, онъ „боголѣпно въ крѣпости прославися", т. е. собственно не въ крѣпости, а въ такъ именуемыхъ „Крестахъ", сирѣчь, узилищѣ, гдѣ сохраняется неприкосновенность личности нигилистовъ.

По порученію вашему, поискалъ редакцію „Сына Отечества", чтобы попросить,—почему не доставляется. Оказывается, что г. Старчевскій давно приказалъ долго жить. Въ одной редакціи, гдѣ увидѣлъ много молодыхъ людей, полагаю, едва ли не ниґилистовъ, смѣялись изрядно моимъ хлопотамъ и сказали „Очень-Старчевскій давно умеръ, а новый „Сынъ" вамъ былъ бы не въ масть". Ничего не понялъ.

PS. Завтра съ Охты, отъ знакомой просвирни, у коей живу, пойду на торжества. Отъ меня до парохода рукой подать,—сколько нужно толковому дьячку, чтобы прочесть „Иже на всякое время". Завтра же манили меня отслужить молебенъ купцы изъ мясного ряда. Сулили три цѣлковыхъ, и ужъ будьте покойны, на сей разъ бумажки сіи съ просвиркой не съѣмъ.

Поютъ у Исаакія до чего усладительно, но протодьякону супротивъ меня не сдѣлать. И голосъ жидокъ, и слухъ—словно медвѣдь на ухо наступилъ. И наружность такая, что съ ней лучше въ горохѣ сидѣть.

PPS. О торжествѣ все вамъ изображу. Уповаю, что за санъ мой меня къ самому дворцу пропустятъ. Да и то сказать: улица не баня, всѣмъ мѣста хватитъ.

Прошу молитвъ вашихъ

дьяконъ Ахилла Десницынъ.

землемещуся".

Письмо второе и послѣднее.

Прелюбезный другъ мой и ваше преподобіе, о. Савелій!

Какъ вы человѣкъ, прошедшій семинарію, по уму министръ финансовъ и опять же въ протопопскомъ санѣ, то такъ полагаю, что гораздо лучше бы было мнѣ сидѣть въ Старгородѣ, а вамъ быть на моемъ мѣстѣ въ царствующемъ градѣ.

Вы бы все, что тутъ дѣется, изряднѣе поняли, я же, какъ человѣкъ безъ логики и съ провинціальнымъ мышленіемъ, въ здѣшнихъ порядкахъ ничего не разумѣю, какъ похмѣльный дьячекъ въ типиконѣ.

И ежели вы меня спросите о приснопамятномъ днѣ открытія третьей Думы, коего я былъ самовидцемъ,—симъ меня зѣло преогорчите и сконфузите.

Однако, изображу по порядку.

Въ четвертокъ отслужилъ я утромъ народное молебствіе по заказу въ мясномъ ряду у иконы. Былъ въ голосѣ, многолѣтіе раздѣлалъ подъ орѣхъ и получилъ отъ старосты три рубля мзды,—не по старгородскому. Завязавъ оные въ свой красный платокъ, не заходилъ уже домой, но томко отъ жары испивъ кислыхъ щей въ квасномъ заведеніи, отправился пѣшъ, яко Іаковъ въ Месопотамію, къ Исакію, дабы захватить съ собою соборнаго пѣвчаго,—фамиліи не знаю, а прозвищемъ Стаканчикъ,—который сулился мнѣ всѣ торжества показать досконально.

Дорогою купилъ газетину и читалъ оную по порядку, такъ что ненарокомъ натолкнулся-было невдали отъ Невской лавры на нѣкоего парня съ корзиной и сшибъ съ панели, на что онъ мнѣ во слѣдъ бросилъ: „Раззуй глаза, паки!“

Наблюдалъ съ большимъ любопытствомъ всюду великое множество кустодіи, въ столь раритетныхъ шапкахъ, что вы этому по вашей провинціальности даже и не повѣрите, и самъ я доселѣ въ жизни не видалъ. Сихъ войскъ и иныхъ было столь преизрядно, какъ ежели бы шли они на сраженіе и когда я, извините, зашелъ за надобностью въ одинъ дворъ, то, паче чаянія своего, усмотрѣлъ и тамъ оныхъ, такъ что повернулъ назадъ, не хотя, какъ духовное лицо, обнаружить передъ ними свою слабость.

Тутъ же видѣлъ каретки лѣкарственныя, привезенныя на ту случайность, ежели кто отъ радостнаго вол-

ненія сомлѣетъ, что отъ нашего исправника въ базарные дни было бы очень достойно подражанія.

Преотмѣнно хороши, о. протопопъ, у городовыхъ штуцеры. Помянулъ невольно дни древнія, когда я ходилъ на охоту и устрѣлилъ пару зайцевъ, а вы еще мнѣ тогда, помните, пречудесно намылили голову и шпоры на моихъ сапогахъ собственными ручками поломали.

Такими штуцерами, сказывалл мнѣ, отлично хорошо охранять можно неприкосновенность личности въ дни чрезвычайной конституціи.

Невдали отъ Таврическаго дворца, на прилежащей улицѣ, былъ я, однако, о. протопопъ, остановленъ въ своемъ теченіи и далѣе не пропущенъ, сколь ни утверждалъ, что имѣю неотложно надобность видѣть зрѣлище.

Когда указалъ я чину кустодіи на свою ряску, оный мнѣ отвѣтилъ, что теперь ежели бы я былъ даже одѣтъ въ институтскій передникъ, и несъ бы въ рукахъ конфетную коробочку отъ Жоржа Бормана, и то онъ не поручился бы за мое направленіе. И какъ я ни выяснялъ, что направленіе мое прямо къ Думѣ,—не внялъ и не пропустилъ. И насчетъ платка моего, коимъ я запаренное лицо утеръ, замѣтилъ: „Вы, говоритъ, платочекъ-то свой красненькій уберите, а то худо бы не было!“

Относительно платочка, признаюсь, не понялъ, ибо человѣкъ я не этикетный и безъ питерскихъ деликатностей, заказалъ же недавно нарочито своей услу-

жающей Эсперансѣ красные платки въ томъ разсужденіи, что на бѣломъ отъ нюхательнаго табаку выходитъ для духовнаго лица неблаголѣпно.

Отдыхая тутъ въ толпѣ отъ своего шествія, помыслилъ, что канальскій Варнавка подлинно на тотъ разъ правъ былъ, когда сказывалъ мнѣ, что люди сіи всегда задерживаютъ движеніе.

Въ огорченіи пошелъ вспять, чтобы выйти къ таврическому, но и здѣсь былъ возбраненъ. Пошелъ съ другого бока, но и тамъ, несмотря на санъ мой, воспрепятствованъ. Безъ билетика, о. Савелій, въ Питерѣ даже духовному лицу нѣтъ никакого преферансу. И о томъ мнѣ одинъ городовой напрямки изъявилъ, что отъ духовнаго-де лица въ послѣднее время и всѣ безпорядки.

Не сказалъ ему, но подумалъ,—„хоть ты и въ панцырѣ, а дуракъ“.

Уповалъ я въ сей день увидѣть весь генералитетъ и дамъ въ голотѣлесныхъ платьяхъ съ бисеромъ, но по дьяконской своей совѣсти долженъ вамъ признаться, ничего сего не видѣлъ. Любопытенъ былъ весьма посмотрѣть преславнаго внутренняго министра господина Дурново, о коемъ, чаю, и вы много наслышаны, но онъ воистину—яко скименъ обитаяй въ тайныхъ.

Только прошу васъ, всемилостивѣйшій протопопъ, сохраните сіе признаніе въ секретѣ, и ежели я кому на поповкѣ буду все досконально разсказывать, не выдайте меня и не конфузьте: вретъ де дьяконъ.

Подлинно же видѣлъ я нѣкоего чудного человѣка, а на головѣ у него чалма бѣлая. Проѣхалъ въ

коляскѣ, и у кучера на шапкѣ зеленый билетъ. Сказывали мнѣ, будто это бухарецъ и во многихъ боговъ вѣруетъ.

И еще видѣлъ, надо полагать, римскаго презуса. Супротивъ нашихъ православныхъ будетъ въ разсужденіи благоутробія куда субтильнѣе и въ двуглазкѣ. Пріѣхалъ хлопотать за свою вѣру.

Вечеромъ тщился пройти къ Думѣ. На Шпалерной, противъ училища, въ толпѣ призналъ Варнавку. Махалъ краснымъ платкомъ сидящимъ въ карцерѣ и кричалъ: „Амнистія!"—т. е. изведите изъ темницы! Чаятельно, ничуть Варнавка отъ своего нигилизма не остепенился. Не могъ при сей оказіи не подумать,— „ахъ, сколь было бы тебя за аксіосы потрепать превосходно!"...

Но, однако, вспомнилъ о неприкосновенности теперь личности и воздержался.

Въ сихъ треволненіяхъ и огорченіяхъ соскучился я, о. протопопъ, по Старгородѣ смертельно.

Тамъ я послѣ васъ да о. Захарія первый человѣкъ на поповкѣ, а здѣсь безъ зеленаго или желтаго билета даже человѣкъ въ дьяконскомъ санѣ все одно, что червь капустная.

Писемъ отъ меня больше не ждите, а услужающей Эсперансъ прикажите накалить къ моему пріѣзду баньку поизряднѣе, ибо я при своей комплекціи и отъ волненій, извините, сильно потѣю.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

книги А. А. ИЗМАИЛОВА:

Черный воронъ.

Второе изданіе.

Первая книжка разсказовъ.

Черный воронъ.—Ночь.—Миражъ.—Златыя уста.—На ранней зорькѣ.—Геніальная идея.—Волкъ.—Сокровенная икона.—Рыболовы.—Самородокъ.—Праздничный гость.—Іонино счастье.—Демокритъ.—Облава.—Дамокловъ мечъ.—Капитальный трудъ.—Непредвидѣнный пунктъ. 1903. Цѣна 1 р., 382 стр.

Рыбье слово.

Вторая книжка разсказовъ.

Рыбье Слово.—Сонъ въ Иванову ночь.—Вампиръ.—Обида.—Весенняя сказка.—Навожденіе.—Корреспонденція.—Три пункта.—Енотовая шуба.—Обманъ.—Волшебный фонарь. 1903. Цѣна 1 руб., 300 стр.

Въ бурсѣ.

Третья книжка разсказовъ.

Въ бурсѣ, бытовая хроника въ двухъ частяхъ.—Разсказы: Odor moris (запахъ смерти).—Христославы.—Досифеевъ грѣхъ.—Хиромантикъ. 1903. Цѣна 1 руб., 300 стр.

Осени мертвой цвѣты запоздалые.

Четвертая книжка разсказовъ.

Осени мертвой цвѣты запоздалые.—Барышня изъ стараго дома.—Товарищъ.—Ворона.—Букинистъ.—Весенній громъ.—Ніобея.—Гордіевъ узелъ.—Вл[illegible]дычный [illegible]рокъ.—Вольтерьянская книга.—Свѣтлое явленіе.—Человѣкъ, котораго подозрѣваютъ. 1905. Цѣна 1 руб., 304 стр.

Ураганъ.

Пятая книжка разсказовъ.

Ураганъ (романъ).—Капитанъ Немо.—Пропавшая грамота.—Ржавчина.—Аппартаменто.—Кто онъ и др.

Стихотворенія.

Лирика.—Баллады.—Русскіе сказы.—Изъ старыхъ тетрадей. 1905. Цѣна 70 к., 180 стр.

Кривое зеркало.

(Второе изданіе журнала „Театръ и Искусство").

Пародіи, шаржи, литературные анекдоты.—Исторія русской литературы въ пародіяхъ.—Рождественскіе крендели.—Послѣдній графоманъ.—Пятна на солнцѣ.—Послѣдышъ.—Знаменитыя встрѣчи и др. 1910 г. Цѣна 1 руб.

Обреченные,

драма въ 4 дѣйствіяхъ (изд. журнала „Театръ и Искусство) Цѣна 2 руб.

На переломѣ.

Литературныя размышленія.

В. Брюсовъ.—Вячеславъ Ивановъ.—Андрей Бѣлый.—З. Гиппіусъ.—А. Каменскій.—А. Блокъ.—Кузминъ и др. Второе изд. журнала „Театръ и Искусство". Цѣна 20 коп.

Помраченіе божковъ и новые кумиры.

Новыя вѣянія въ литературѣ. Леонидъ Андреевъ.—Арцыбашевъ.—Бальмонтъ.—Брюсовъ.—Блокъ. — Городецкій. — Вяч. Ивановъ.—Гиппіусъ. — Мережковскій. — Сологубъ. — Каменскій.—Минскій.—Андрей Бѣлый.— Дымовъ.—Кузминъ.—Ценскій.—Ауслэндеръ.—1909. Ц. 1 р.

ВЪ ПЕЧАТИ:

Литературный Олимпъ.

Личныя встрѣчи, воспоминанія, характеристики. Левъ Толстой. — Чеховъ. — Горькій. — Андреевъ. — Купринъ. — Ясинскій.—Сологубъ.—Соловьевъ.—Саліасъ и др.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Издат. дѣла „Трудъ". Фонтанка 86.